ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Седьмой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(11–13 апреля 2019 г.)

МОСКВА
2019

УДК 8(045)
ББК 81
П78

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. В. З. Демьянков,
доктор филол. наук А. С. Касьян

Редколлегия:
М. К. Амелина, к.ф.н. А. А. Ануфриев,
к.ф.н. В. В. Дьячков, к.ф.н. Н. В. Макеева,
к.ф.н. О. В. Попова, д.ф.н. О. В. Соколова

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Седьмой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2019. – 214 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на материалах докладов Седьмой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 11–13 апреля 2019 года в Институте языкознания РАН. Основные научные направления сборника: теория языка, типология, исследования по славянским, романским, германским и древнекитайскому языкам.

Сборник представляет интерес для специалистов в области лингвистики, для преподавателей высших учебных заведений и студентов.

ISBN 978-5-91730-912-5

© Авторы, 2019
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2019

Предисловие

11–13 апреля 2019 года в Институте языкознания РАН прошла Седьмая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», в которой приняли участие студенты, аспиранты, соискатели и сотрудники ВУЗов.

Сборник составлен по материалам представленных на конференции докладов, связанных с разработкой актуальных проблем теории языка (в том числе касающихся метаязыка лингвистики, лексической семантики, переводоведения и государственной политики в отношении языков меньшинств), лингвистической типологии, а также теоретических и функциональных аспектов славянских, германских, романских и древнекитайского языков. В книге представлены корпусные исследования языка, анализируются морфологические средства выражения суперлативности, адъективная деривация в славянских языках, средненижненемецкие диалектные особенности и среднезалоговые отношения в немецком языке, лексические категории в языке древнекитайских текстов, а также другие исследования, охватывающие широкий круг проблем языкознания.

Учитывая формат конференции-школы, для выступления с лекциями перед молодыми учеными были приглашены ведущие лингвисты, сотрудники Института языкознания РАН: д.ф.н. Татьяна Евгеньевна Янко (тема лекции «Новые просодии в речи молодежи») и к.ф.н. Георгий Сергеевич Старостин (тема лекции: «Субстратные элементы в базисной лексике языков Африки: методика выявления и проблема интерпретации»).

Мы благодарим всех участников за плодотворное сотрудничество.

О. В. Соколова

ПОНЯТИЕ «ИМПЛИКАЦИЯ» И ЕГО АНАЛОГИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Антошина Диана Владимировна
аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
dia1214@yandex.ru

1. Введение

Понятие *импликация* и его многочисленные аналоги, такие как *следование, следствие, импликатура,* и *инференция*, широко используются в лингвистических исследованиях по лексической семантике. Наша статья посвящена проблеме многозначности указанных терминов и сосредоточена на вопросах метаязыка лексической семантики. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в работах по семантическому исследованию лексики единого подхода при использовании терминов, связанных с понятием *импликация*.

Теоретической базой статьи служат работы ученых в области систематизации терминологии (С. Д. Шелов), лексической семантики (Ю. Д. Апресян, Дж. Лайонз, И. М. Кобозева, Е. В. Падучева и др.) и логико-семантического анализа языка (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева). Под *термином* в статье понимается языковой знак, «соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого либо имеющий дефиницию (толкование, объяснение), либо мотивированный другими языковыми знаками <…>, среди которых хотя бы один выражает специальное понятие и поэтому имеет собственную дефиницию» [Шелов 2018: 46]. *Термин* и *понятие* соотносятся следующим образом: термин выступает «обозначением специального понятия, определенного в данной системе понятий, в виде слова или словосочетания, служащего его наименованием» [Там же: 280]. При проведении терминологического анализа были использованы следующие методы исследования: метод критического анализа теоретических источников, метод анализа и сопоставления дефиниций и метод контекстуального анализа. В статье мы предлагаем классификацию понятий, обозначаемых при помощи термина *импликация* и его аналогов в лексической семантике.

2. Употребление импликации для обозначения логико-семантических отношений между предложениями

Термин *импликация*, пришедший в семантику из логики, обозначает, прежде всего, логико-семантические отношения между предложениями. Одним из наиболее распространённых терминов, используемых для обозначения ситуации, в которой из предложения А следует предложение В, является термин *вынуждение* (*necessitation*), предложенный Ван Фраассеном: «А вынуждает В тогда, и только тогда, когда если А истинно, то В тоже истинно» [Van Fraassen 1968: 138]. Синонимом термина *вынуждение* в данном значении обычно выступает термин *следование* или *семантическое следование*.

При помощи понятия *вынуждение* обычно устанавливаются логико-семантические отношения *импликации* и *пресуппозиции.* Так, Е. В. Падучева даёт следующее определение отношению *следствие* (*импликация*), устанавливаемому между предложениями: «P является следствием S, если S вынуждает P, а ¬P вынуждает ¬S» [Падучева 1985: 51]. При помощи термина *следствие* зачастую также обозначаются предложения, следующие из какого-либо другого предложения (см., например [Изворска 2002: 210]): если А следует из В, то А – следствие В.

Л. Карттунен, вводя собственное определение логико-семантического отношения *следования* (*импликации*), включает в него фигуру говорящего, поясняя, что использует данный термин не в строго логическом смысле: «P имплицирует Q тогда, и только тогда, когда говорящий, утверждая P, всякий раз обязан считать, что Q» [Karttunen 1973, цит. по пер. Карттунен 1985: 310]. Импликация, по Л. Карттунену, не подчиняется закону контрапозиции, то есть из отрицания консеквента импликации (~Q) не следует отрицание антецедента (~P). Автор также отмечает, что использует термин не в строгом логическом смысле. В определении импликации Дж. Лайонза также присутствует мнение носителей языка: «Одно предложение – S_1 имплицирует другое – S_2 (символически $S_1 \supset S_2$), если, по мнению носителей языка, нельзя эксплицитно утверждать S_1 и эксплицитно отрицать S_2» [Лайонз 1978: 469–470]. В своей книге «Семантика» Дж. Лайонз называет данное отношение между высказываниями *прагматической импликацией* [Lyons 1977: 204].

Термин *следование* (*entailment*) для обозначения логико-семантического отношения между предложениями используется, например, в работе Д. Круза [Cruse 1986], посвященной вопросам лексической семантики. Следованием в данной работе называется такое отношение, при котором из истинности антецедента с необходимостью следует истинность консеквента, а из ложности консеквента с необходимостью следует ложность антецедента [Cruse 1986: 14]. Данное отношение сходно с *вынуждением* (*семантическим следованием*) Ван Фраассена. Д. Круз отмечает, что использование термина *entailment* в его работе не является строго логическим, и, возможно, уместнее использовать термин *прагматическая импликация* Дж. Лайонза для обозначения подобного отношения между предложениями. В пользу использования термина *прагматическая импликация* говорит тот факт, что при установлении данного отношения Д. Круз зачастую апеллирует к мнению носителей языка[1].

Таким образом, для обозначения логико-семантических отношений между предложениями используются такие термины, как *импликация*, *прагматическая импликация*, *вынуждение*, *следование*, *семантическое следование*, *следствие*. При этом *импликация* используется в разных значениях – как синоним *вынуждения* (*семантического следования*) и как разновидность *вынуждения* и синоним *следствия*.

3. Импликация и парадигматические отношения между лексическими единицами

Логико-семантическое отношение *импликация* (*семантическое следствие, прагматическое следствие*), устанавливаемое между предложениями, зачастую используется для выявления парадигматических отношений между лексическими единицами.

Так, например, Дж. Лайонз и Д. Круз предлагают выявлять отношения синонимии, гиперонимии, дополнительности и др. между словами при помощи отношения *следования* (*импликации*), устанавливаемого между предложениями, в которые включены

[1] «Probably most speakers of English would accept both of the following entailments <…>» [Cruse 1986: 18]. Возможно для большинства носителей английского языка следующие следования были бы приемлемыми (перевод мой. – *А.Д.*). «…many speakers reject the entailments in <example> I…» [Cruse 1986: 203]. Многие носители отвергнут следования в примере I (перевод мой. – *А.Д.*).

эти слова. Например, если предложение А влечет предложение В и наоборот, значит, эти предложения эквивалентны. В таком случае, если эти предложения различаются только лексическими единицами *x* и *y*, содержащимися в них, *x* и *y* признаются синонимами. На отношении импликация также построен импликативный тест Дж. Лича, призванный выявлять различные парадигматические отношения между лексическими единицами, в частности, гиперонимию (подробнее см. [Лич 1983]).

Термин *импликация* и его аналоги также служат для обозначения некоторого отношения между лексическими единицами. Так, например, в тезаурусе WordNet (https://wordnet.princeton.edu/) выделяется отношение *entailment* (*следование*[2]), устанавливаемое между глаголами. К. Феллбаум дает такое определение *следованию*: глагол V1 лексически влечет (*entails*) глагол V2, если предложение *Кто-то V1* (S_1) влечет *Кто-то V2* (S_2) [Fellbaum 1998: 77]. Например, предложение *Он храпит* влечет предложение *Он спит*, следовательно, глагол *храпеть* находится в отношении следования с глаголом *спать*. К. Феллбаум отмечает, что отношение *следования* между глаголами является аналогом отношения *меронимии*, однако последнее применимо только к существительным и не может быть распространено в полной мере на глаголы, так как части фактов и событий отличаются от частей предметов.

В работе М. Блэка [Black 1962], посвященной ассоциациям, термин *импликация* обозначает представления, которые говорящий связывает со словом: «Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом <…>» [Блэк 1990: 167]. По нашему мнению, в данном случае речь идет о некорректном переводе слова *implications* на русский язык, которое в английском языке также имеет нетерминологическое значение ‘то, что подразумевается’. В таком случае не совсем корректно использовать термин *импликация* для обозначения стандартных ассоциаций, связанных в сознании говорящего с определенным словом, так как в русском языке данный термин не имеет значение *‘подразумевание’*. Таким образом, более подходящим термином для перевода являются *подразумеваемые представления.*

---

[2] Мы будем переводить название отношения **entailment** как *‘следование’* вслед за Н. В. Лукашевич [Лукашевич 2011: 68].

4. Импликация как периферийный компонент семантики слова

Термины, связанные с понятием *импликация,* также активно используются для обозначения компонентов значения слова, следующих из других компонентов.

Так, для обозначения периферийного компонента толкования слова, следующего из центрального компонента, лингвистами используются термины *импликация, следствие, результат, последствие, инцидентное следствие*, а также термин **импликатура**, заимствованный семантикой из прагматики. При этом указанные термины используются лингвистами в разных значениях. Например, в работах Г. И. Кустовой под импликациями понимаются периферийные компоненты толкования лексемы, определяющие набор её производных значений: «В прототипической ситуации есть много дополнительной информации, которая непосредственно не используется и не фиксируется в исходном значении. Мы будем называть эту информацию *импликации* – следствия, последствия данного типа изменения мира» [Кустова 2004: 39]. Синонимом термина *импликация* в работе Г. И. Кустовой выступает термин *результат*: «В качестве синонимов «результата» будут использоваться «следствие» и «импликация» (разумеется, не в логическом смысле)» [Кустова 2004: 70].

При этом Е. В. Падучева понимает под *результатом* итог действия, а под *импликацией, следствием* – правдоподобное заключение, сделанное слушающим на основе высказывания говорящего. Например, у глагола *разрезать*, по Е. В. Падучевой, *следствием* является компонент значения «тем самым Y не существует как единый предмет», в компонент значения **результат** данного предиката входит описание предела процесса, итога действия: «наступило и в момент наблюдения имеет место состояние: существует W – отдельные части Y-а» [Падучева 2004: 36]. Для обозначения правдоподобных заключений, следствий Е. В. Падучева также использует термин *инференция*: «отсутствие контакта с Y-ом» – это неинтересное отрицательное следствие, инференция, вытекающая из значения слова *рядом*» [Падучева 2004: 107].

Е. В. Падучева также вводит понятие *инцидентное следствие*, которое обозначает компонент значения лексемы, выведенный слушающим на основе расхожих представлений о действи-

тельности, знаниях о мире. Данные следствия основаны на так называемых аксиомах действительности, описывающих окружающий мир, например, «человеку свойственно стремиться избежать того, что ему неприятно» [Падучева 2004: 131].

В работах М. А. Кронгауза, посвященных приставкам и приставочным глаголам [Кронгауз 1997, 1998], термин *следствие* также используется для обозначения периферийного компонента толкования лексемы. В качестве синонима термина *следствие* в работах М. А. Кронгауза выступает термин *импликатура,* заимствованный лексической семантикой из прагматики. Термин *импликатура* был предложен П. Грайсом в [Grice 1975] для обозначения имплицитной информации, содержащейся в высказывании («what is meant»), которую слушающий извлекает, руководствуясь Принципом Кооперации и максимами успешного речевого общения (подробнее об импликатурах см., например, [Падучева 2004: 101–104] или нашу работу [Антошина 2018]). Использование данного термина для обозначения периферийного компонента лексического значения, то есть информации, которая напрямую связана со значением слова и зачастую не зависит от коммуникативной ситуации, размывает границу между прагматикой и лексической семантикой, поэтому мы рекомендуем по возможности отказаться от использования термина *импликатура* для обозначения компонента толкования слова.

Итак, ввиду того что нами не было выявлено единой системы именования периферийных компонентов, являющихся следствиями центральных компонентов, мы предлагаем систему терминов, основанную на термине *консеквент*. Данный термин представляется нам удачным, так как он не является многозначным и от него образуется терминологическое прилагательное *консеквентный*. Для любого компонента, следующего из некоторого другого компонента, мы предлагаем использовать термин *консеквент*, в логике обозначающий часть импликативного высказывания, следующую после «то». Синонимами данного термина выступают многозначный термин *следствие*, а также термин *импликация* в значении *‘следствие’*. Мы предлагаем выделять следующие разновидности консеквентов:

1) *инференция* (периферийный компонент толкования, который может быть выведен слушающим из центрального компонента толкования лексемы);

2) *логическое следствие* (компонент значения, который с необходимостью следует из другого компонента);

3) *инцидентное следствие* (следствие, выведенное на основе знаний о мире);

4) и многие другие возможные разновидности.

Таким образом, нами было выявлено отсутствие единой системы терминов для именования периферийного компонента значения лексемы, следующего из центрального компонента. Мы предлагаем взамен систему терминов, основанную на более подходящем, на наш взгляд, термине *консеквент* и его многочисленных разновидностях.

5. Импликация как ассертивный статус компонента значения слова

Термин *импликация* и его менее многозначный аналог – термин *импликатив* – вслед за Е. В. Падучевой используют для обозначения ассертивного статуса компонента значения слова. Под ассертивным (акцентным) статусом пропозиции Е. В. Падучева понимает поведение семантического компонента под действием отрицания и других сентенциальных операторов [Падучева 2013].

Так, подчиненная предикация фактивных глаголов, впервые выделенных в работе П. и К. Кипарски [Kiparsky, Kiparsky 1971], имеет статус *презумпции* (*пресуппозиции*), так как является истинной при утверждении и отрицании фактивных предикатов. В работе Л. Карттунена [Karttunen 1973] впервые выделяются импликативные (биимпликативные) глаголы, отрицание которых влечёт отрицание подчиненной им предикации. Компонент толкования импликативных глаголов, который сохраняется при утверждении глагола и отрицается при его отрицании, имеет статус *импликации*, см., например, определение *импликатива* Е. В. Падучевой: «Пропозиция, которая обладает тем свойством, что она является следствием утвердительного предложения, а её отрицание – следствием соответствующего отрицательного, называется *импликацией,* или *импликативом*» [Падучева 2013: 31]. Соответственно, пропозиции, являющиеся частью толкования предиката, могут иметь статусы ассертива (ассерции), презумпции (пресуппозиции) и импликатива (импликации) (подробнее об ассертивных статусах см. [Падучева 2004: 93–112]).

6. Спорные случаи использования понятия *импликация*

В ряде случаев термин *импликация* обозначает явления и процессы, слабо связанные с его исконным значением. Так, например, в работах Е. Н. Ермаковой, посвященных фразообразованию, *импликацией* называется процесс сокращения частей фразеологизма, в результате которого образуется лексическая единица, вобравшая в себя семы утраченных лексических единиц [Ермакова 2008: 212]. Согласно Е. В. Ермаковой, «импликация в современном языкознании рассматривается как способность сверхсловной языковой единицы к уменьшению числа компонентов» [Ермакова 2013: 227]. При этом Е. Н. Ермакова отмечает, что для обозначения данного процесса также используются такие термины, как *эллипсис, эллиптическое сжатие, отфразеологическое фразопроизводство* и многие другие.

По нашему мнению, в данной ситуации было бы уместнее употребить менее многозначный термин, не требующий установления отношения «влечет» между антецедентом и консеквентом импликации.

7. Обсуждение

Нами были выявлены следующие сферы применения терминов, связанных с понятием *импликация,* в семантике:

1) Для обозначения логико-семантических отношений между предложениями, например, в работах Б. Ван Фраассена, Е. В. Падучевой, И. М. Кобозевой, Л. Карттунена.

2) Для установления парадигматических отношений между лексическими единицами. Пример такого использования импликации можно найти в работах Дж. Лайонза и Дж. Лича.

3) Для обозначения парадигматических отношений между лексическими единицами. Такое обозначение, в частности, используется в тезаурусе WordNets.

4) Для обозначения периферийного компонента толкования слова, следующего из центрального компонента. Например, в работах Г. И. Кустовой, М. А. Кронгауза, Е. В. Падучевой, посвященных лексической семантике.

5) Для обозначения ассертивного статуса компонента толкования (Е.В. Падучева).

6) Спорные случаи использования понятия *импликация*. Например, для обозначения процесса структурного сокращения компонентов фразеологической единицы в работах Е. В. Ермаковой.

Таким образом, в семантике понятие *импликация* используется, прежде всего, для обозначения логико-семантических отношений между предложениями. Для обозначения ситуации, в которой предложение А с необходимостью влечет предложение В, обычно используются термины *вынуждение* или *семантическое следование*. При помощи отношения *вынуждение* между предложениями устанавливаются отношения *импликации* (*следствия*), *пресуппозиции* и др. *Импликацией* или *прагматической импликацией* также называется такое отношение между предложениями А и В, при котором А имплицирует В, если носитель языка, утверждая А, обязан считать истинным В.

При помощи логико-семантического отношения *импликация* (*следование*), устанавливаемого между предложениями, могут быть выявлены парадигматические отношения между лексическими единицами, содержащимися в данных предложениях, например, отношения синонимии, гипонимии, дополнительности и т.п. Ряд парадигматических отношений также носит название, связанное с понятием *импликация*, например, *импликация* М. Блэка, отношение *entailment* в тезаурусе WordNet и его аналогах.

Компоненты значения слова, следующие из других компонентов, зачастую получают название *импликация, следование, следствие,* или *импликатура*. При этом отсутствует единая система терминов, связанных с понятием импликация и обозначающих явления такого рода. Мы предлагаем для всех компонентов значения, являющихся следствиями из других компонентов, использовать термин *консеквент* как наиболее подходящий, поскольку он является менее многозначным и не имеет нетерминологических употреблений. Синонимами данного термина выступают более многозначные аналоги *импликация* и *следствие*. При этом у консеквента могут быть выделены многочисленные разновидности: *логическое следствие* (консеквент, который с необходимостью следует из антецедента), *инцидентное следствие* (консеквент, выведенный на основе знаний о мире), *инференция* (консеквент, представляющий собой периферийный компонент значения слова, не входящий в толкование слова) и многие другие возможные разновидности.

Понятие *импликация* также служит для обозначения ассертивного статуса пропозиции. Пропозиция, имеющая статус *им-*

пликации, сохраняется при утверждении предложения, из которого она следует, и отрицается при его отрицании.

Выводы

В результате анализа лингвистических исследований по лексической семантике нами было выявлено отсутствие единообразия в понимании и использовании термина *импликация* и его аналогов – терминов *следствие*, *следование*, *инференция*, *импликатура*. В лексической семантике термины, связанные с понятием *импликация*, используются более чем в пяти различных сферах, при этом содержимое понятия зависит от области, в которой оно употребляется. Более того, в рамках одной и той же сферы сходные явления обозначаются при помощи различных терминов, и наоборот, при помощи одного и того же термина обозначаются различные понятия.

Таким образом, употребление терминов, связанных с понятием *импликация*, требует систематизации и унификации. Для этого предпочтительнее в тех случаях, где это возможно, заменять более многозначный термин на менее многозначный, использовать единое именование для сходных процессов и не называть при помощи терминов, обозначающих понятие *импликация*, процессы и явления, слабо связанные с идеей условия.

Литература

1. Антошина Д. В. Термин импликация и его аналоги в прагматике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Т. 85. № 7. С. 97–102.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. 1990. С. 153–172.
3. Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии. 2008. 435 с.
4. Изворска Р. Формальная семантика // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Москва: Едиториал УРСС, 2002. С. 207–230.
5. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 16. С. 303–332.
6. Кронгауз М. А. Глаголы и приставки в русском языке: семантическая грамматика. Москва: Языки славянской культуры, 1998. 220 с.

7. Кронгауз М. А. Опыт словарного описания приставки ОТ- // Глагольная префиксация в русском языке. 1997. С. 62–86.

8. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

9. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. Москва: Прогресс, 1978. 544 с.

10. Лич Д. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. № 14. С. 108–132.

11. Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. Москва: Издательство Московского университета, 2011. 512 с.

12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва: Наука, 1985. 272 с.

13. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.

14. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.

15. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. Москва: Принт-Про, 2018. 472 с.

16. Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962. 278 p.

17. Cruse D. A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

18. Fellbaum C. A semantic network of english verbs // WordNet: an electronic lexical database / ed. C. Fellbaum. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 64–104.

19. Fraassen B. C. Van Presupposition, implication and self-reference // Journal of Philosophy. 1968. № 65. P. 136–153.

20. Grice P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 41–58.

21. Karttunen L. La logique des constructions anglaises a complement predicatif // Langages. 1973. № 8. P. 56–80.

22. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. 1971. P. 345–369.

23. Lyons J. Semantics. Volume I. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 371 p.

Резюме

Данная статья посвящена анализу использования терминов, связанных с понятием *импликация*, в работах отечественных и зарубежных лингвистов в области лексической семантики. Объектом исследования выступает термин *импликация* и его аналоги – *следование*, *следствие*, *вынуждение*, *импликатура*, *инференция* и др. Основной целью данного терминологического исследования является выделение областей лексической семантики, в которых используется понятие *импликация*. В случае обнаружения многозначности терминов, связанных с понятием *импликация*, мы предлагаем возможный вариант упорядочивания терминов в рамках исследуемой группы. Теоретической базой статьи служат основные положения логики, теории терминологии, лексической семантики и логико-семантического анализа языка. При проведении терминологического исследования были использованы такие методы исследования, как метод критического анализа теоретических источников, метод анализа и сопоставления дефиниций, метод контекстуального анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В ходе исследования нами были выявлены следующие сферы применения понятия импликация в семантике: для обозначения логико-семантических отношений между предложениями, для установления и обозначения парадигматических отношений между лексическими единицами, для обозначения периферийного компонента толкования слова, следующего из центрального компонента, а также для обозначения ассертивного статуса пропозиции. Помимо этого, нами были обнаружены спорные случаи использования понятия *импликация*, которые представляют собой, в частности, некорректный перевод терминов, связанных с понятием *импликация*, на русский язык и обозначение явления при помощи многозначного термина в тех ситуациях, где возможна замена на менее многозначный.

Таким образом, содержимое понятия *импликация* зависит от сферы лексической семантики, в которой оно употребляется. В связи с этим, мы констатируем отсутствие единообразия в понимании и использовании термина *импликация* и его аналогов в лексической семантике, а также необходимость создания единой системы терминов, связанных с понятием *импликация*.

Ключевые слова: импликация, следование, следствие, лексическая семантика, терминология

THE CONCEPT OF IMPLICATION AND ITS ANALOGUES IN LEXICAL SEMANTICS: TERMINOLOGICAL RESEARCH

Antoshina Diana
postgraduate student,
Lomonosov Moscow State University (Moscow)
dia1214@yandex.ru

Summary

The article explores the use of terms associated with the concept of *implication* in linguistic research papers on lexical semantics. The object of our study is the term *implication* and its analogues – *entailment*, *consequent*, *necessitation*, *implicature*, *inference* etc. The aims of this terminological study are the identification of areas in lexical semantics where implication is used as well as the disclosure of the range of meanings in which it is used. In case of detection of the ambiguity of terms related to the concept of implication, we suggest a way to organize the terms within the group.

In the course of our study, we identified the following semantic areas where implication is used: logical semantic relations between sentences, paradigmatic relations between lexical items, peripheral components of the word meaning which follow from the central components, and assertive status of a proposition.

Also we found controversial cases where the concept of implication is used, which are represented, in particular, by incorrect translation of terms related to the concept of implication in Russian language or by designation of a phenomenon with a polysemantic term in situations where it is possible to replace it with a less polysemantic one.

Thus, the content of the concept of *implication* depends on the area of lexical semantics where it is used. In this regard, we consider that there is no uniformity in the understanding and use of the term implication and its analogues in lexical semantics. There is also a need for a unified system of terms related to the concept of implication.

Keywords: implication, entailment, inference, lexical semantics, terminology.

References

1. Antoshina D. V. Termin implikaciya i ego analogi v pragmatike [The term “implication” and its analogues in pragmatics] //

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2018. V. 85. № 7. P. 97–102.

2. Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962. 278 p.

3. Black M. Metafora [Metaphor] // Teoriya metafory [Theory of metaphor]. 1990. P. 153–172.

4. Cruse D. A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

5. Ermakova E. N. Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii [Phrase and word formation in phraseology]. 2008. 435 p.

6. Fellbaum C. A semantic network of english verbs // WordNet: an electronic lexical database / ed. C. Fellbaum. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 64–104.

7. Fraassen B. C. Van Presupposition, implication and self-reference // Journal of Philosophy. 1968. № 65. P. 136–153.

8. Grice P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 41–58.

9. Izvorska R. Formal'naya semantika [Formal semantics] // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya [Modern American Linguistics: Fundamental Fields of Study]. Moscow: Editorial URSS, 2002. P. 207–230.

10. Karttunen L. La logique des constructions anglaises a complement predicatif // Langages. 1973. № 8. P. 56–80.

11. Karttunen L. Logika anglijskix konstrukcij s sentencial'nym dopolneniem [The logic of English predicate complement constructions] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics]. 1985. № 16. P. 303–332.

12. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. 1971. P. 345–369.

13. Krongauz M. A. Glagoly i pristavki v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika [Verbs and prefixes in Russian: semantic grammar]. Moscow: Languages of the Russian Culture, 1998. 220 p.

14. Krongauz M. A. Opyt slovarnogo opisaniya pristavki OT- [Experience in the dictionary description of the prefix OT-] // Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke [Verb prefixation in Russian]. 1997. P. 62–86.

15. Kustova G. I. Tipy proizvodnyx znachenij i mexanizmy yazykovogo rasshireniya [Types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2004. 472 p.

16. Leech G. K teorii i praktike semanticheskogo e'ksperimenta [On the theory and practice of semantic testing] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics]. 1983. № 14. P. 108–132.

17. Lyons J. Semantics. Volume I. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 371 p.

18. Lyons J. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku [Introduction to theoretical linguistic]. Moscow: Progress, 1978. 544 p.

19. Lukashevich N. V. Tezaurusy v zadachax informacionnogo poiska [Thesauruses in Information Retrieval]. Moscow: Moscow Unviversity Press, 2011. 512 p.

20. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2004. 609 p.

21. Paducheva E. V. Russkoe otricatel'noe predlozhenie [Russian negative sentence]. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2013. 304 p.

22. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu [The utterance and its relationship to reality]. Moscow: Science, 1985. 272 p.

23. Shelov S. D. Ocherk teorii terminologii: sostav, ponjatijnaja organizacija, prakticheskie prilozhenija [Studies on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications]. Moscow: PrintPro, 2018. 472 p.

АДЪЕКТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В УКРАИНСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ардышева Софья Михайловна
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ СПб (Санкт-Петербург)
sonya.ardysheva@gmail.com

Введение

В русском языке нередко встречаются ненормативные формы притяжательных местоимений третьего лица единственного и множественного чисел, такие как *егошний, егонный, её́шний, ихний* и пр. Эти формы образуются от основ притяжательных местоимений соответствующего лица и числа путем прибавления суффикса, характерного для прилагательного. Такие альтернативные формы называются адъективными дериватами (далее – АД).

Адъективная деривация – явление, характерное не только для русского, но и для других славянских языков [Волк 2009]. В частности, особое положение АД занимают в других языках восточнославянской подгруппы – в украинском и белорусском.

Известно, что в украинском форма *їхній* является грамматичной формой притяжательного местоимения третьего лица множественного числа [Добрушина, Сичинава 2015]. В белорусском языке употребляются формы *іхні* и *іхны* наравне с формой *іх*, однако этот АД не зафиксирован в парадигме склонения притяжательного местоимения [Добрушина, Сичинава 2015].

Судя по корпусным данным и данным грамматик, статус АД притяжательных местоимений очевидно разнится в приведенных языках. Также неясно, что влияет на выбор носителем того или иного языка между двумя конкурирующими формами. Исходя из этого, интересно рассмотреть, влияют ли какие-либо грамматические или иные факторы на этот выбор и какие из них являются наиболее значимыми.

Целью настоящего исследования представляется установление степени влияния различных факторов на использование АД в украинском и белорусском языках на основе данных параллельных корпусов Национального корпуса русского языка (далее –

НКРЯ)[3]. Для проверки влияния факторов будет применен метод логистической регрессии. Основным инструментом для построения статистической модели является среда программирования R.

1. История изучения адъективных дериватов притяжательных местоимений в славянских языках

Явление адъективной деривации притяжательных местоимений в славянских языках недостаточно хорошо исследовано. Однако известно, что АД в целом характерны для языков славянской группы. Частичная или полная адъективная деривация зафиксирована во всех трех подгруппах. Среди языков южной подгруппы славянских языков полная адъективная деривация (во всех лицах и числах) произошла в македонском, болгарском, сербохорватском и словенском языках [Волк 2009: 46–49]. В западнославянских языках адъективные дериваты практически не зафиксированы, за исключением верхнелужицкого, в котором произошла частичная деривация в местоимениях третьего лица женского рода единственного числа [Волк 2009: 49–50]. Широкое распространение АД получили в восточнославянских языках: они зафиксированы во всей местоименной парадигме в русском и белорусском языках, а также в украинском, но только в третьем лице множественного числа [Волк 2009: 50–51].

1.1. АД в украинском языке

В восточной группе славянских языков адъективная деривация произошла неравномерно. В грамматиках украинского языка к разряду притяжательных местоимений относят следующие лексемы: см. таблицу 1.

Таблица 1

Притяжательные местоимения в украинском языке

[Плющ 2005: 201]

Лицо	**Единственное число**				**Множественное число**			
	m	f	n	pl	m	f	n	pl
1	мій	мая	маё	мае	мае	наша	наше	нашы
2	твій	твая	тваё	твае	ваш	ваша	ваше	вашы
3	його / її				їх / **їхній**	їх / **їхня**	їх / **їхнє**	їх / **їхні**

[3] Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/.

В третьем лице множественного числа при множественном числе главного слова наблюдаются два равноправных варианта выражения посессивности. Одна из этих форм склоняется как имя прилагательное. Однако источники свидетельствуют о том, что этот вариант АД не всегда считался синонимичным стандартной форме притяжательного местоимения. В своей работе [Добрушина, Сичинава 2015] Е. Р. Добрушина и Д. В. Сичинава ссылаются на довольно ранний источник, а именно на словарь Б. Д. Гринченко [Гринченко 1908−1909, II: 200], в котором *їхній* определяется только как синоним *їх*, т.е. не является основным вариантом [Добрушина, Сичинава 2015: 47]. Чуть более поздний источник [Кримський 1929] уже фиксирует АД *їхній* как вариант *їх*: «их, мест. притяж. – *їхній*, (реже) *їх*». Также в работе в качестве источника приводится книга О. Н. Синявского, написанная немногим позже (в 1941 г.), в которой автор описывает форму *їхній* как «новообразование», которое не встречается в ранних источниках литературы [Синявський 1941: 236]. Таким образом, источники примерно одного и того же периода приписывают АД третьего лица множественного числа разный статус.

Недавняя грамматика украинского языка [Плющ 2005] также трактует АД *їхній* как синоним к *їх*: «указание на принадлежность в третьем лице выражается формой родительного падежа предметно-личного местоимения *його* (*її*, *їх*). Кроме того, в украинском языке употребляется притяжательное местоимение *їхній* (*їхня*, *їхнє*, *їхні*), сопоставимое с третьим лицом» [Плющ 2005: 201].

Анализируя современное состояние данного АД, Е. Р. Добрушина и Д. В. Сичинава отмечают, что в постсоветское время более частотной становится форма *їхній*, вслед за книгой писателя Бориса Антоненко-Давыдовича «Как мы говорим» [Антоненко-Давыдович 2010] (первое издание этой книги вышло в 1970 г.), в которой автор говорит о том, что вариант *їхній* в литературном языке становится более предпочтительным [Добрушина, Сичинава 2015: 48].

1.2. АД в белорусском языке

В белорусском языке в перечень притяжательных местоимений, зафиксированных в грамматиках, входят следующие лексемы: см. таблицу 2.

Таблица 2

Притяжательные местоимения в белорусском языке
[Marchant 2004: 34]

Лицо	Единственное число				Множественное число			
	m	f	n	pl	m	f	n	pl
1	мой	мая	маё	мае	наш	наша	наша	нашы
2	твой	твая	тваё	твае	ваш	ваша	ваша	вашы
3	яго / яе				іх			

Однако за пределами грамматик белорусского языка зафиксированы отклонения от нормативной формы. Так, например, К. Марчант [Marchant 2004] отмечает, что «лексемы *ягоны* (его), *ейны* (ее) и *іхны* (их) являются самым распространенным способом выражения посессивности. Они склоняются по типу прилагательных. Однако существует мнение, что эти словоформы относятся к разговорному регистру речи, а посессивность должна выражаться предшествующим существительному местоимением третьего лица в форме генитива». АД третьего лица множественного числа в белорусском языке имеет два варианта: *іхні* и *іхны*, последний из которых встречается реже и носит диалектный характер.

В белорусском языке, в отличие от украинского, адъективная деривация произошла не только во множественном числе, но и в единственном числе третьего лица. В грамматике [Бірыла, Шуба 1985] отмечается, что формы *яго, яе* соответствуют нормам литературного регистра, однако формы *ягоны, іхні* больше характерны для разговорной речи и языка художественной литературы [Бірыла, Шуба 1985: 43]. Для АД женского рода третьего лица единственного числа *ейны* литературный контекст строго запрещается: «находится за рамками литературного употребления» [Бірыла, Шуба 1985: 43].

Лексемы *ягоны* и *ейны* отражены в словарях и толкуются как разговорные синонимы притяжательных местоимений *яго* и *яе*. Е. Р. Добрушина и Д. В. Сичинава отмечают конкуренцию между АД и несклоняемой формой притяжательного местоимения и обращают внимание на то, что выбор между ними сильно зависит от стилистических предпочтений автора [Добрушина, Сичинава 2015: 50]. Описывая современное положение АД в белорусском языке, исследователи отмечают, что, несмотря на высокую частотность, на данный момент корпусные и справочные данные не свидетельствуют о том, что АД перешли границы разговорного регистра [Добрушина, Сичинава 2015: 50].

1.3. Резюме

Подводя итоги, присвоить четкий статус АД в белорусском и украинском языках представляется довольно трудным. В первых упоминаниях АД третьего лица единственного и множественного числа в грамматиках белорусского языка АД считаются приемлемыми, но более характерными для разговорного регистра, диалектного варианта и стилизации в художественной литературе. АД считаются синонимом нормативной формы притяжательного местоимения, но не в полной мере равноправным. В более современных источниках отмечается, что конкуренция между нормативной и ненормативной формами сильно зависит от стилистических предпочтений автора. Несмотря на то, что в современном белорусском языке АД довольно частотны, их употребление еще не вышло за рамки разговорного регистра.

В украинском языке ситуация несколько отличается от белорусского. Мнения ученых в исследованиях одного периода расходятся: в первых упоминаниях АД третьего лица множественного числа рассматривается лишь как вариант *їх*, в то же время в некоторых источниках *їхній* – абсолютно равноценен *їх*; в чуть более поздних исследованиях АД третьего лица множественного числа считается неприемлемым для литературной речи. Тем не менее, современные источники интерпретируют вариант *їхній* как равноправный варианту *їх*.

В изученной литературе также не поднимается вопрос о том, чем руководствуются носители в выборе между двумя конкурирующими формами. Возможные причины выбора носителем той или иной формы, закономерности появления АД в речи с точки зрения морфологии, синтаксиса и семантики рассматриваются в данном исследовании.

2. Анализ данных и интерпретация

2.1. База данных

В качестве материала для исследования были взяты данные параллельного подкорпуса НКРЯ. Объем параллельного корпуса белорусского языка составляет 993 673 предложения, 9 474 930 слов. Объем параллельного корпуса украинского языка – 919 437 предложений, 9 383 923 слова. Этот объем данных был сокращен в связи с установкой языка оригинала (белорус-

ский / украинский). Условие было применено для того, чтобы избежать калькирования при переводе русского *их* на украинский или белорусский. Пользовательский подкорпус с заданным условием составил: для белорусского языка – 237 документов общим объемом 766 995 предложений, 7 173 084 слова; для украинского языка – 675 документов общим объемом 684 665 предложений, 6 575 882 слова.

Формула запроса была построена следующим образом:

1) "іх" | "іхн*" – для белорусского;

2) "яго" | "ягон*" – для белорусского;

3) "їх" | "їхн*" – для украинского.

Выборка с вариантом адъективной деривации притяжательного местоимения *её* в белорусском языке, которую выделяет в своей книге К. Марчант [Marchant 2004], – *ейны* – оказалась непригодна для анализа, т.к. количество вхождений этой формы (всего в подкорпусе вхождений с формой *ейны* – 10) не позволяет выделить факторы и проследить их влияние на выбор одной из конкурирующих форм.

База данных, использованная для исследования, представлена тремя выборками, отсортированными и размеченными по факторам вручную. Чистая выборка для притяжательных местоимений третьего лица множественного числа составила: в белорусском языке – 318 вхождений, в украинском – 599. Чистая выборка для притяжательного местоимения мужского рода третьего лица единственного числа в белорусском языке составила 294 вхождения.

2.2. Методология

Наиболее подходящим методом для определения вероятности влияния некоторых факторов на выбор между стандартной формой и АД является построение статистической модели. Бинарная логистическая регрессия – статистическая модель, позволяющая предсказать вероятность возникновения какого-либо события, являющегося зависимой переменной, под влиянием некоторых факторов, являющихся независимыми переменными. С помощью логистической модели можно оценить влияние выделенных факторов на исследуемое явление. Этот метод статистического анализа используется в тех случаях, когда зависимая переменная может принимать два значения (0 или 1).

Прежде всего, для построения логистической регрессии необходимо определить зависимые и независимые переменные. В данном случае зависимой переменной является использование стандартного варианта притяжательного местоимения или АД на его месте. Зависимая переменная может принимать два значения: 0 – стандартная форма, 1 – АД.

Независимыми переменными в данной статистической модели являются факторы, которые предположительно влияют на выбор между двумя конкурирующими формами в языке. Факторами, уже размеченными в НКРЯ, являются:

1) сфера использования (fiction – художественная; publicism, non-fiction – публицистика, нехудожественная; official, non-fiction – официально-деловая, нехудожественная; domestic, non-fiction – бытовая, нехудожественная; academic, non-fiction – учебно-научная, нехудожественная);

2) автор;

3) дата рождения автора;

4) дата создания текста.

Следующие факторы размечены вручную и являются потенциально влияющими на выбор между формами:

1) позиция стандартной формы / АД относительно главного слова (pre – препозиция, post – постпозиция);

2) дистанция между зависимым и главным словом (где 0 – отсутствие дистанции между словами; 1 – дистанция больше или равная 1);

3) повтор формы: если в предложении стандартная форма или АД встречаются не один раз (0 – повтора нет; 1 – повтор есть);

4) число главного слова (sg – единственное число; pl – множественное число; plt – pluralia tantum, существительные, используемые только во множественном числе);

5) род главного слова (m – мужской; f – женский; n – средний);

6) падеж главного слова (nom – именительный; gen – родительный; dat – дательный; acc – винительный; instr – творительный; prep – предложный; loc – местный);

7) одушевленность предмета, выраженного главным словом (0 – неодушевленное; 1 – одушевленное);

8) тип конструкции, в которой употребляется стандартная форма или АД (attr – слово выполняет роль определения при существительном; pred – слово является частью предиката);

9) семантическое поле, к которому относится главное слово. Все словосочетания с притяжательными местоимениями условно поделены на несколько смысловых групп: abstr – абстрактное понятие; anim – слово, обозначающее животное; bp – часть тела; coll – собирательные существительные; fam – термины родства; loc – обозначение места; mat – материальное явление; nonmat – нематериальное явление, имеющее физическое проявление; own – личная собственность; part – часть от целого; pro – слово, обозначающее процесс; prs – слово, обозначающее человека; q – свойство, качество. Классификация основывается на предположениях автора.

Также при построении логистической модели необходимо обозначить контрольные переменные. Основной интерес в данном исследовании представляет оценка влияния грамматических факторов, однако «внешние» факторы, такие как сфера использования, автор и год создания, очевидно, сильно влияют на выбор между формами, поэтому их необходимо контролировать. «Внешние» факторы были приняты за контрольные переменные и используются во всех моделях.

2.3. Терминология

В данном разделе рассмотрены важные терминологические понятия, на которые необходимо ссылаться при интерпретации моделей. Первым таким понятием является степень значимости. Значимость в статистике – это показатель, оценивающий степень закономерности произошедшего события: является ли влияние независимой переменной определяющим или случайным. Уровень значимости выражается с помощью так называемого **p-value** (probability value) – коэффициента возможности события. Если $p < 0{,}001$, то влиянию независимой переменной на зависимую приписывается наивысший уровень значимости. Если $0{,}001 \leq p < 0{,}01$, то влияние очень значимо. Если $0{,}01 \leq p < 0{,}05$, то влияние значимо. P-value выше 0,05 не считается значимым [Gries 2013: 29].

Также важным показателем, определяющим качество полученных данных, является показатель R^2. R^2 – это «доля дисперсии зависимой переменной, объясняемая моделью»[4], т.е. процент значений зависимой переменной, предсказанной совокупностью контрольных и независимых переменных. Модель является каче-

[4] Источник: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Коэффициент_детерминации

ственной, если коэффициент R^2 максимально близок к значению 1. В среде R применяются различные формулы для расчета коэффициента R^2. В моделях, построенных в ходе этого исследования, применяются коэффициенты Nagelkerke's R^2 (R^2N), Cox & Snell's (R^2CS).

Следующий показатель, необходимый для грамотной интерпретации данных, – это показатель отношения шансов («odds ratio»), OR. Он свидетельствует о наличии или отсутствии значимых различий в объяснении зависимой переменной между уровнями независимых и контрольных переменных.

2.4. Результаты

Прежде чем приступать к описанию результатов, важно понимать, каким образом закодированы используемые в моделях переменные.

Зависимая переменная: используемая форма (бинарная: стандартная форма – 0; АД – 1).

Контрольные переменные: сфера использования (категориальная: в качестве референтного уровня[5] взята сфера художественной литературы), дата создания текста (количественная: с 1800 года по 2011 год).

Независимыми переменными являются факторы, описанные в разделе 2.2. Переменные, имеющие от двух уровней, имеют референтный уровень, т.е. такой, с которым сравнивается влияние других уровней переменной. В данных моделях референтной категорией является уровень с наибольшим количеством вхождений.

В базе данных, представленной в настоящем исследовании, было выделено достаточно большое количество факторов, потенциально оказывающих влияние на выбор между формами. Большинство из этих факторов имеет два или более уровня. В ходе предварительного анализа влияния всех факторов в совокупности не было выявлено значимого влияния каких-либо из них. В частности, это может быть связано со спецификой данных, а также с количеством факторов и уровней в них. В связи с этим, в рамках

[5] Референтная категория – уровень переменной, с которым сравниваются другие уровни этой переменной. Выделяется в категориальных переменных, имеющих больше одного уровня. В данных моделях референтной категорией является категория с наибольшим числом вхождений.

данного исследования рассматриваются модели, представляющие совокупность некоторых факторов.

В ходе исследования каждый из факторов был рассмотрен в совокупности с контрольными переменными. При таком взаимовлиянии значимыми оказались следующие факторы: см. таблицу 3.

Таблица 3

Значимость факторов

Факторы	3pl, украинский	3pl, белорусский	3sg.m, белорусский
Позиция АД относительно главного слова	+	+	–
Дистанция между АД и главным словом	–	–	–
Повтор формы АД	–	–	–
Число главного слова	–	–	–
Род главного слова	–	–	–
Падеж главного слова	+	+	–
Одушевленность предмета	–	–	–
Тип конструкции	–	–	–
Семантическое поле главного слова	+	+	+

2.4.1. Украинский язык

Одним из значимых факторов для украинского языка оказалась позиция АД относительно главного слова (см. рисунок 1).

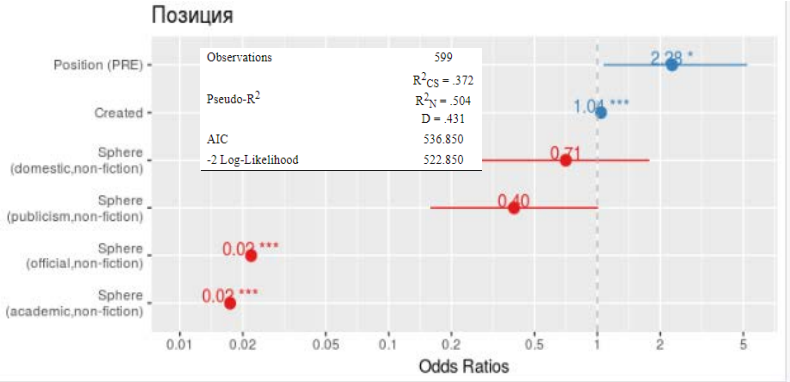


Рисунок 1. Влияние позиции на употребление форм в украинском языке

Данный график свидетельствует о том, что шанс употребления *їхній* вместо *їх* увеличивается в 2,28 раз в условиях препозиции по сравнению с шансами в условиях постпозиции (OR = 2,28, sig = 0,05). Предсказательная способность этой модели достаточно высокая (R^2CS = 37,2%; R^2N = 50,4%). Также в данной модели значимым оказался фактор даты создания текста (OR = 1,04, sig < 0,001). Он показывает значимость во всех моделях и является контрольной переменной. Данный фактор закодирован как количественный, поэтому, согласно данной модели, с увеличением года шанс использования АД возрастает в 1,04 по сравнению с предыдущим годом.

Следующий график иллюстрирует степень влияния фактора падежа главного слова (см. рисунок 2).

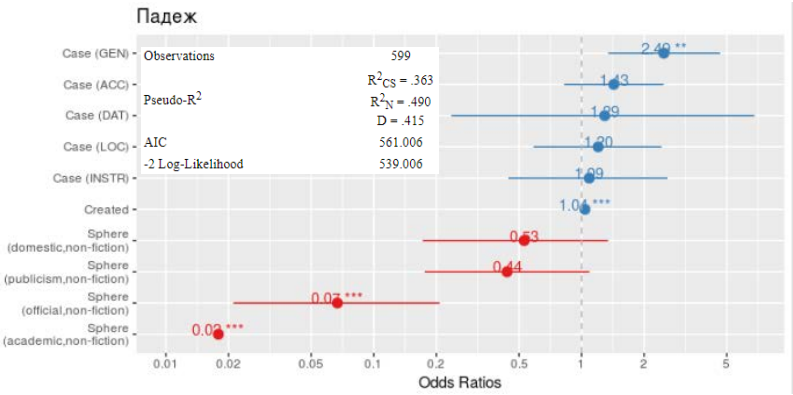


Рисунок 2. Влияние фактора падежа на употребление форм в украинском языке

В качестве референтного уровня в данной модели выступает именительный падеж. Данный график иллюстрирует то, что при условии постановки главного слова в родительный падеж шанс использования АД на месте стандартной формы выше в два раза, чем в именительном падеже (OR = 2,40, sig < 0,01). Процент описания дисперсии практически не изменился (R^2CS = 36,3%; R^2N = 49%).

Также для выборки по украинскому языку оказался значимым условный фактор семантического поля (см. рисунок 3).

Согласно полученным результатам, шанс использования АД уменьшается на уровнях pro (OR = 0,24, sig = 0,01) и fam (OR = 0,22, sig = 0,01). В состав категории pro в основном вошли существитель-

ные из законодательных документов (например, *заключение*, *действие* и пр.). При составлении базы данных ожидалось, что шансы употребления АД в семантическом поле fam в художественной сфере будут значимыми, однако модель этого не показывает (возможно, из-за значимости других двух сфер использования).

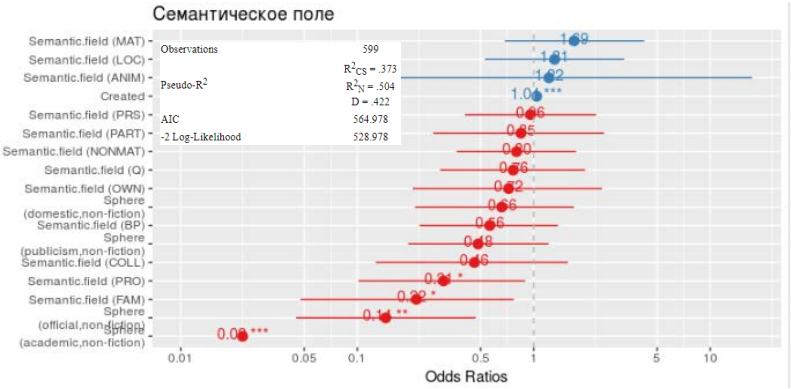


Рисунок 3. Влияние фактора семантического поля на употребление форм в украинском языке

2.4.2. Белорусский язык

Для обеих выборок по белорусскому языку значимым оказался фактор позиции. Ниже представлена модель для выборки по АД множественного числа (см. рисунок 4).

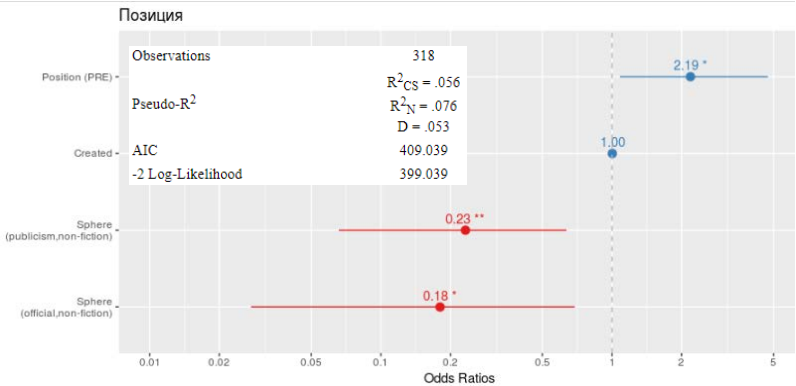


Рисунок 4. Влияние фактора позиции на употребление форм в белорусском языке

Данные графика показывают, что шанс употребления АД на месте стандартной формы увеличивается в 2,19 раз в условиях препозиции по сравнению с постпозицией (OR = 2,19, sig = 0,05).

В отличие от модели для украинского языка, данная модель обладает слабой предсказательной способностью (R^2CS = 5,6%; R^2N = 7,6%).

Следующий график иллюстрирует степень значимости фактора падежа (см. рисунок 5).

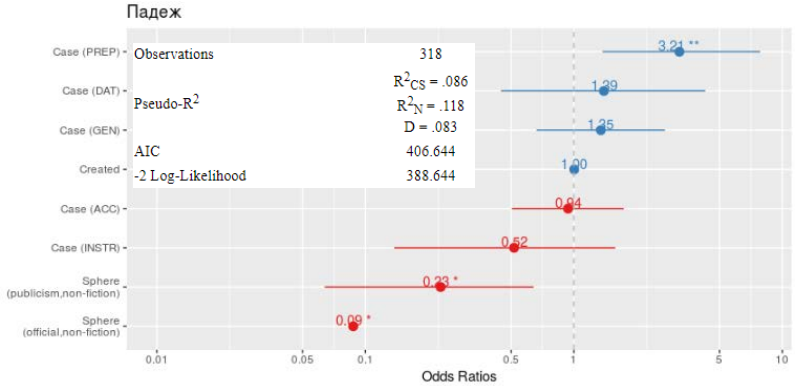


Рисунок 5. Влияние фактора падежа на употребление форм в белорусском языке

Данная модель свидетельствует, что при условии постановки главного слова в предложный падеж шанс использования АД на месте стандартной формы очень высок (OR = 3,21, sig < 0,01). Коэффициент R^2 в данной модели выше, чем в предыдущей (R^2CS = 8,6%; R^2N = 11,8%), что говорит о том, что падеж лучше предсказывает использование АД.

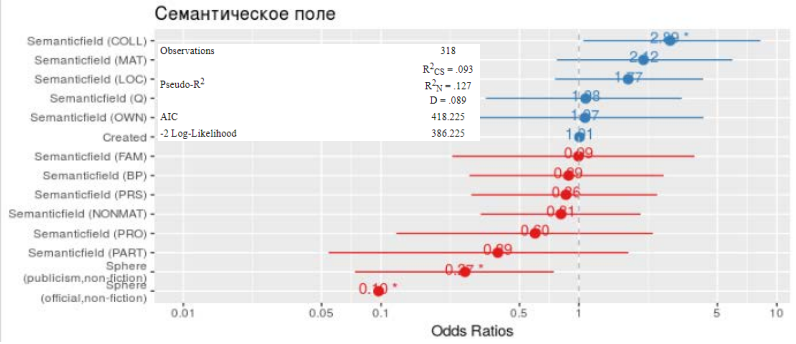


Рисунок 6. Влияние фактора семантического поля на употребление форм в белорусском языке

Для данной выборки также оказался значимым фактор семантического поля (см. рисунок 6).

Данный график показывает, что шанс употребления АД на месте стандартной формы увеличивается в семантическом поле собирательных существительных по сравнению с абстрактными существительными (OR = 2,99, sig = 0,05).

Для выборки по АД мужского рода единственного числа в белорусском языке значимым оказался только фактор семантического поля, притом в общей модели, во взаимовлиянии со всеми другими факторами (см. рисунок 7).

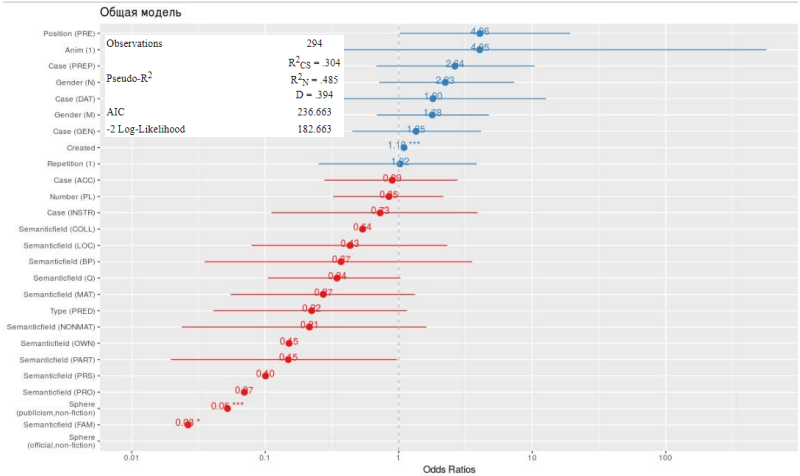


Рисунок 7. Влияние всех факторов на употребление форм в белорусском языке: единственное число

Коэффициент предсказанной дисперсии на уровне R^2CS = 30%, R^2N = 48,5% является показателем относительно существенного влияния факторов. В данной модели значимостью обладает, за исключением контрольных переменных, уровень fam фактора семантического поля (OR = 0,03, sig < 0,05). Опираясь на эти данные, можно утверждать, что шанс возникновения этого АД с терминами родства ниже, чем с абстрактными существительными.

2.5. Выводы

Результаты анализа показали степень предсказания выбора между АД и стандартной формой (R^2) посредством ряда факторов. Также была оценена степень влияния различных уровней

факторов, которые потенциально оказывают влияние на выбор между формами. На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1) Наилучшим качеством предсказания обладают факторы, отвечающие за характеристики источника (сфера использования, дата создания текста). В настоящем анализе они были приняты за контрольные переменные, поскольку они оказывают «внешнее» влияние по сравнению с остальными факторами.

2) Высокий коэффициент значимости показали факторы позиции АД и падежа как в украинском, так и в белорусском языках. Это позволяет утверждать, что предположительно эти факторы являются ключевыми в выборе между стандартной формой притяжательного местоимения и АД.

3) Ряд факторов оказался непоказательным при построении статистических моделей на уровне отдельных независимых и контрольных переменных: дистанция, повтор формы, число, род, одушевленность и тип конструкции. Эти переменные практически не изменяли уровень предсказания выбора между формами относительно модели с исключительно контрольными переменными. Кроме того, не было обнаружено значимых различий в предсказании употребления формы между отдельными уровнями этих переменных. Это могло произойти из-за того, что размеченные данные не иллюстрируют существенного различия в выборе формы между уровнями одного фактора.

4) Во всех трех выборках показал высокий уровень значимости фактор семантического поля. Однако стоит отметить, что данный фактор был обозначен условно. Для выявления закономерностей между семантическими свойствами главного слова и выбором форм притяжательного местоимения требуется более детальный анализ, в частности получение качественных данных (работа с носителями).

В заключение стоит отметить, что данное исследование представляет собой статистический анализ сравнительно небольшой базы корпусных данных. Проведенный анализ позволил определить наиболее «благоприятные» условия для возникновения АД, однако выявленные закономерности требуют подтверждения качественными данными.

Список сокращений

f – женский род; m – мужской род; n – средний род; pl – множественное число; sg – единственное число; sig – значимость (significance); АД – адъективные дериваты

Литература

1. Антоненко-Давидович Б. Д. Як ми говоримо. Київ: Книга, 2010.

2. Бірыла М. В., Шуба П. П. Беларуская граматыка: Ч. 1. Марфалогія. Мінск: «Навука и Тэхніка», 1985.

3. Волк В. С. Адъективные дериваты притяжательных местоимений в русском языке: дипломная работа. М.: МГУ, 2009. 81 с.

4. Добрушина Е. Р., Сичинава Д. В. Кочующая норма, или микродиахронические похождения слова ихний в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания. 2015, №2. С. 41−54.

5. Кримський А. Ю. (ред.). Російсько-український словник. Т. 2. Вип. 1 (З–К). Київ: ДВУ, 1929.

6. Плющ М. Я. Граматика української мови: Ч. 1. Морфеміка. Київ: Вища шк., 2005.

7. Синявський О. Н. Норми української літературної мови. 2-е изд. Львів: Українське Видавництво, 1941.

8. Gries S. Statistics for Linguistics with R. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.

9. Marchant C. Fundamentals of Modern Belarusian, 2004. Текст доступен по ссылке: http://www.pravapis.org/ fundamental_belarusian.pdf

Резюме

Настоящая работа посвящена исследованию явления адъективной деривации в языках восточнославянской подгруппы. В работе проводится анализ влияния различных грамматических и других факторов, обусловливающих возможное возникновение адъективных дериватов на месте стандартной формы притяжательного местоимения в украинском и белорусском языках. Работа представляет собой статистический анализ корпусных данных. Целью данной работы является установление степени влияния различных факторов на употребление адъективных дериватов притяжательных местоимений третьего лица и выявление условий, в которых более вероятно их возникновение. В качестве метода оценки влияния факторов использован метод логистической регрессии. Анализ проводится в среде программирования R. В ходе исследования была измерена степень влияния различных факторов, из которых зна-

чимыми оказались фактор позиции формы относительно главного слова и фактор семантического поля. Модели, иллюстрирующие значимость, представлены в данной статье.

Ключевые слова: адъективные дериваты, притяжательные местоимения, украинский язык, белорусский язык, статистическая модель, логистическая регрессия, корпус

INFLECTED THIRD-PERSON POSSESSIVE PRONOUNS IN UKRAINIAN AND BELARUSIAN

Ardysheva Sofya
student, National Research University
Higher School of Economics, NRU HSE SPb (Saint Petersburg)
sonya.ardysheva@gmail.com

Summary

This paper is devoted to the study of the phenomenon of adjectival derivation in the languages of the East Slavic subgroup. This study analyzes the influence of various grammatical and other factors that determine the possible occurrence of inflected forms of possessive pronouns in place of the standard form in the Ukrainian and Belarusian languages. The paper presents a statistical analysis of corpus data. The purpose of this work is to establish the degree of influence of various factors on the usage of inflected third-person possessive pronouns forms and to identify the conditions in which they are more likely to occur. As a method of assessing the influence of factors the author uses the method of logistic regression. The analysis is carried out in R. The degree of influence of various factors was measured, the factor of the form position and the semantic field factor turned out to be significant. Models which illustrate significance are presented in the article.

Keywords: inflected pronouns, possessive pronouns, Ukrainian, Belarusian, statistical model, logistic regression, corpus

References

1. Antonenko-Davydovych B. D. Jak my govorymo. [How do we speak.] Kyev: Knyga, 2010.
2. Biryla M. V., Shuba P. P. Belaruskaya gramatyka: Ch. 1. Marfalogiya. [The Belarusian grammar: Part 1. Morphology.] Minsk: «Navuka i Tekhnika», 1985.

3. Volk V. S. Adjektivnye derivaty prityazhatel'nyh mestoimenij v russkom yazyke. [Adjectival derivates of the possessive pronouns in Russian.] M.: MSU, 2009. 81 p.

4. Dobrushina E. R., Sichinava D. V. Kochuyushchaya norma, ili mikrodiahronicheskie pohozhdeniya slova *ihnij* v russkom, ukrainskom i belorusskom yazykah. [Itinerant norm, or microdiachronic wanderings of the word *ihnij* in the Russian, Ukrainian and Belarusian languages.] // Voprosy yazykoznaniya. 2015, №2. P. 41−54.

5. Kryms'kyj A. Ju. (ed.). Rosijs'ko-ukrai'ns'kyj slovnyk [A Russian-Ukrainian dictionary]. Vol. 2. No. 1 (Z–K). Kuev: DVU, 1929.

6. Plyushch M. Ya. Gramatyka ukraïns'koï movy: Ch. 1. Morfemika. [Ukrainian grammar: Part 1. Morphemics.] Kiïv: Vishcha shk., 2005.

7. Synjavs'kyj O. N. Normy ukrai'ns'koi' literaturnoi' movy [Norms of the standard Ukrainian language]. L'viv: Ukrai'ns'ke Vydavnyctvo, 1941.

8. Gries S. Statistics for Linguistics with R. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.

9. Marchant C. Fundamentals of Modern Belarusian, 2004.

ТАВТОЛОГИИ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ[6]

Вилинбахова Елена Леонидовна
доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург)
e.vilinbakhova@spbu.ru
Серова Мария Олеговна
студент, СПбГУ (Санкт-Петербург)
marygray@yandex.ru
Борисова Ольга Сергеевна
старший преподаватель, МПГУ (Москва)
aristarhova-olga@mail.ru

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются языковые выражения, в которых утверждается заведомо истинная информация, обозначаемые в литературе как (языковые) тавтологии, см. (1–2).

(1) *Люди есть люди.*
(2) *Кто придет, тот придет.*

За последние десятилетия был внесен значительный вклад в изучение интерпретации и функционирования тавтологий в разных языках, см., например, [Grice 1975; Wierzbicka 1987; Булыгина, Шмелёв 1997; Meibauer 2008; Вилинбахова, Копотев 2017]. В литературе обсуждаются вопросы об инференциальных процессах, задействованных при их восприятии, разновидностях тавтологий, а также способах их выражения в разных языках, их универсальности / лингвоспецифичности, что связано с (не)возможностью перевода тавтологий с одного языка на другой с сохранением исходного значения. В данной работе рассматривается последний вопрос об универсальности / лингвоспецифичности тавтологий.

В литературе можно встретить различные точки зрения по данному вопросу, связанные с различными подходами к интерпретации тавтологий – прагматическому, семантическому или семантико-прагматическому, которые возникли в конце 1980-х гг. Прагматический подход предполагает интерпретацию тавтологий за счёт универсальных прагматических принципов [Grice

[6] Авторы выражают признательность Е. Бабаиной, А. Крюковой и А. П. Русаковой за помощь в сборе материала.

1975, Ward, Hirschberg 1991] и предсказывает возможность перевода тавтологий независимо от языка-источника и языка-мишени. В [Ward, Hirschberg 1991] представлены примеры подобных межъязыковых соответствий:

(3) a. *War is war* (анг.)
b. *La guerre c'est la guerre* (фр.)
'Война есть война'.

(4) a. *Si tu peux pas, tu peux pas* (фр.)
b. *If you can't, you can't* (анг.)
'Если ты не можешь, то ты не можешь' ≈ 'не можешь так не можешь'.

(5) a. *Ya bizimlesin, ya degifsin* (тур.)
b. *Either you're with us or you're not* (анг.)
'Или ты с нами, или ты против нас'.

Согласно семантическому подходу, значение тавтологий конвенционально и лингвоспецифично, т.е. в разных языках тавтологические структуры могут использоваться для передачи разных значений, поэтому во многих случаях в качестве адекватных переводов будут использоваться нетавтологические структуры [Wierzbicka 1987, 1991].

Наконец, наиболее распространенный семантико-прагматический подход предполагает, с одной стороны, наличие у тавтологий универсальных значений, но учитывает и другие факторы: культурные представления, грамматические особенности конкретного языка и пр., т.е. выбор нетавтологического аналога в переводе должен получить вполне определенное «внешнее» объяснение, не связанное со значением конкретной конструкции, как то: структурные ограничения в языке-мишени, различие стереотипов в разных языковых сообществах и т.д. [Булыгина, Шмелев 1997; Bulhof, Gimbel 2001; Meibauer 2008].

Следует отметить, что высказанные идеи иллюстрировались личными примерами авторов, а корпусные и экспериментальные методы практически не применялись. В качестве исключения можно, пожалуй, назвать работу [Lyngfelt et al. 2018], посвященную перспективам развития межъязыковой конструктикографии[7],

[7] Межъязыковая конструктикография (англ. multilingual constructicography) – это практика составления словарей конструкций в двух и более языках, которая объединяет два направления – грамматику конструкций и лексикографию, см.

что предполагает проведение сопоставительного анализа конструкций в разных языках. Для 66 случаев из английского словаря конструкций – конструктикона – на базе ресурса Berkeley FrameNet (https://framenet.icsi.berkeley.edu/), среди которых были и тавтологии, авторы провели поиск соответствий в шведском и бразильском португальском языках, а затем дали оценку степени их соответствий. Если обнаруживалось соответствие конструкции в языке-мишени, ей присваивался один балл; далее проверялось сходство по функции и форме, за каждое из них также давалось по одному баллу. При отсутствии формального сходства оценивалась природа формальных различий: являются ли они внешними, то есть обусловленными общим устройством языка, например, порядком слов (в этом случае конструкция получала полбалла), или характерны именно для данной конструкции (ноль баллов), см. таблицу 1 из [Lyngfelt et al. 2018]; перевод дан по: [Вилинбахова 2019].

Таблица 1

Оценка соответствий между конструкциями в разных языках

1. Наличие соответствий	**2. Функциональная эквивалентность**	**3. Формальное сходство**	**4. Все различия внешние**
Нет: 0 Да: 1	– Да: 1 / Нет: 0	– Да: 1 Нет: 0	– – Да: 0,5 / Нет: 0

По данным авторов, тавтологии являются конструкциями с высокой эквивалентностью, т.е. они получили не менее 2,5 баллов.

В данной работе мы анализируем тавтологии в русском языке в переводных текстах параллельных корпусов НКРЯ, чтобы получить новые сведения об их универсальности / лингвоспецифичности на материале реальных текстов. Более конкретно мы рассмотрим, (а) можно ли говорить о наличии систематических соответствий, когда тавтологии в русском языке переводят аналогичную синтаксическую структуру в языке источнике и передают тот же смысл, и наоборот; (б) какова природа найденных несоответствий: имеем ли мы дело с формальными различиями, например, различными синтаксическими реализациями соответствующих моделей, или функциональными различиями – с изменением передаваемого смысла,

[Lyngfelt et al. 2018].

в т.ч. в связи с появлением / утратой смысловых компонентов оригинала.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 описаны материалы и методы, используемые в настоящей работе. В разделе 3 обсуждаются полученные результаты и предлагается объяснение наблюдаемым фактам. В заключительном разделе 4 даны итоги исследования.

2. Материалы и методы

Для получения новых данных о лингвоспецифичности тавтологий в русском языке мы использовали т.н. унидирекциональный метод контрастивного анализа, при котором тексты, порождаемые переводчиком, рассматриваются как источник информации о значении языковых единиц.

Метод был предложен в [Noël 2003] и на материале русского языка использовался для исследования лингвоспецифичных слов и анализа дискурсивных слов и конструкций [Зализняк Анна А. 2015, 2016; Шмелёв 2015; Dobrovol'skij, Pöppel 2016].

Предметом анализа является только один из языков, которым в данном случае является русский, а контрастивный анализ служит инструментом, с помощью которого исследуются единицы в другом языке. Данный метод позволяет выявить отношения значений единиц разных языков и прагматические и семантические характеристики текста оригинала, которые являются стимулом для появления анализируемых единиц. Под стимулом перевода понимается слово или же словосочетание, реакцией на которое является появление в тексте перевода анализируемой единицы – последняя, в свою очередь, обозначается как модель перевода [Loiseau et al. 2013].

Поиск материала осуществлялся в параллельном английском корпусе НКРЯ, объём которого на момент обращения составлял 24 681 277 слов[8]. Мы брали тавтологии, устанавливающие тождество, представленные следующими структурными моделями: (а) *X быть (praes / praet / fut) X*, где связка представлена глаголом «быть» в настоящем, прошедшем или будущем времени; (б) *X – это X*; (в) *X всегда / везде / всюду* и пр. *X*, где тавтологии содержат универсальные квантификаторы. Формулировка запросов была заимствована из [Вилинбахова, Копотев 2017], см. ее описание в указанной работе.

[8] Работа с корпусом велась по старой версии НКРЯ.

3. Результаты

По результатам поиска в корпусе было обнаружено 54 примера. Следует отметить, что в качестве стимулов переводов тавтологии встретились только дважды (в одном из примеров имеет место полное формальное и функциональное соответствие стимула и модели, а в другом несоответствие, когда тавтологическому стимулу соответствует нетавтологическая модель перевода)[9], поэтому было принято решение далее рассматривать только модели перевода, см. таблицу 2.

Таблица 2

Состав и частотность тавтологий как моделей перевода

	NP	**ProP**	**AdjP**	**NumP**	**VP**	**PraedP**	**AdvP**	**PP**	**ConjP**	**Σ**
X praes /praet/ fut X	25/ 1/ 3	–[10]	–	–	–	–	–	–	–[11]	29
X – это X	14	5	–	1	–	–	–	–	–	20
X квант. X	3	–	–	–	–	–	–	–	–	3

При анализе материала были выделены следующие классы тавтологий: (а) полные соответствия; (б) неполные соответствия; (в) несоответствия, см. таблицу 3.

[9] Поскольку объем англо-русского корпуса (18 089 924 словоупотребления) превышает объем русско-английского корпуса (6 591 353 словоупотребления) в 3 раза, что не позволяет объяснить значительную разницу между найденным количеством примеров моделей и стимулов перевода, мы можем только предположить, что она обусловлена составом текстов, однако на данном этапе этот вопрос остается за рамками исследования.

[10] Мы не учитывали клише *Кто есть кто*, *Что есть что* и подобные.

[11] Мы не учитывали примеры типа *Но есть (одно) но*, где второе «но» – субстантив ‘недостаток’, ‘минус’.

Таблица 3

Соответствия стимулов и моделей перевода

	Полные соответствия	Неполные соответствия		Несоответствия	
		формальные различия с функциональной эквивалентностью	формальные и функциональные различия	Нетавт.	ZERO
X praes /praet/fut X	13/ 1/ –	– / – / 2	3/ – / –	8/ – / 1	1/ – / –
X – это X	4	4	7	5	–
X квант. X	–	3	–	–	–

3.1. Полные соответствия

В результате поиска было обнаружено 18 примеров тавтологий-моделей, формально и функционально полностью соответствующих английским тавтологиям-стимулам в оригинальном тексте. Само по себе наличие и количество данных примеров (35%) вполне укладывается в концепцию семантико-прагматического подхода, однако нетривиальным представляется тот факт, что все они допускают сходную интерпретацию, а именно, могут быть отнесены к т. н. «глубинным тавтологиям», описанным в [Bulhof, Gimbel 2001].

Следует отметить, что в [Bulhof, Gimbel 2001] впервые выделяется четыре класса тавтологий по способу их интерпретации, которые, как утверждают авторы, являются универсальными. Наряду с псевдотавтологиями, когда формально идентичные символы имеют разное значение (*Дети* ‘родственники’ – *это дети* ‘возрастная категория’), тавтологиями, содержащими импликатуры (*Война есть война* ‘Война жестока и бессмысленна’), авторы выделяют два ранее не описанных класса: тавтологии-указатели с директивным значением (см. ниже) и глубинные тавтологии, подразумевающие выполнение двух условий:

1) Условие неотчуждаемости: если объект отвечает условиям, достаточным, чтобы быть сущностью x, то никакие дополнительные свойства не могут исключить его из класса X;

2) Условие равноценности: если объект является сущностью x, то он не может являться x в большей или меньшей степени [Bulhof, Gimbel 2001: 287].

В примере (6) говорящий, используя тавтологию, выражает мысль, что ‘закон един для всех’, и материальное и социальное положение человека не играет никакой роли. Тавтология в примере (7) подразумевает то, что ‘детёныш человека является детёнышем человека, несмотря ни на что’, не имеет значения, где он живёт и кем он воспитывается. Таким образом, (6) выполняет условие равноценности, а (7) условие неотчуждаемости.

(6) *"I have brought off a double event. I mean to teach them in these parts that* ***law is law****, and that there is a man here who does not fear to invoke it. I have established a right of way through the center of old Middleton's park, slap across it, sir, within a hundred yards of his own front door. What do you think of that? We'll teach these magnates that they cannot ride roughshod over the rights of the commoners, confound them!"* [Arthur Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles (1902)]

‘– Я выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что **закон есть закон** и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старика Мидлтона – через самый парк, сэр! – в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно попирать общинные права!’ [Артур Конан Дойл. Собака Баскервилей (Н. Волжина, 1948)]

(7) *All this will show you how much Mowgli had to learn by heart, and he grew very tired of repeating the same thing a hundred times; but, as Baloo said to Bagheera one day when Mowgli had been cuffed and had run off in a temper: "****A man’s cub is a man’s cub****, and he must learn all the Law of the Jungle."* [Rudyard Kipling. The Jungle Book: Mowgli Stories (1894)]

‘Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень уставал повторять по сотне раз одно и то же. Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал: – **Детеныш человека есть детеныш человека**, и ему надо знать все Законы Джунглей’ [Редьярд Киплинг. Книга Джунглей: рассказы о Маугли (Н. Дарузес, 1955)].

В [Bulhof, Gimbel 2001] отмечается, что интерпретация глубинных тавтологий не зависит от конкретного языка, и данные, полученные в ходе настоящего исследования, подтверждают это

наблюдение. Следует отметить, что в русском языке тавтология *закон есть закон* из примера (6), наряду с *жизнь есть жизнь* типа *война есть война,* лексикализована и приближается к устойчивым выражениям[12], и таким образом, её возможности интерпретации ограничены, однако это не мешает адекватной передаче значения английской конструкции.

3.2. Неполные соответствия

Далее были обнаружены два типа неполных соответствий, когда тавтология переводится тавтологией, но получает характеристики, отличные от стимула в оригинальном тексте, а именно (а) формальные различия с функциональной эквивалентностью (9 примеров, 17%), (б) формальные различия, которые меняют общую интерпретацию, что ведет к функциональным различиям (8 примеров, 15%).

Примерами первого типа могут служить (8–9). В (8) в оригинале и в переводе представлена т. н. метаязыковая тавтология, которая указывает на способ употребления языкового выражения. Высказывание *Hansel and Gretel means Hansel and Gretel*, переведённое как *Ганс и Гретель – это просто Ганс и Гретель*, при дословном переводе выглядело бы как *Ганс и Гретель значит Ганс и Гретель,* однако модель *X – это X в* целом более частотна в русском языке, чем *X значит* / *означает X,* и активно используется для передачи метаязыкового значения.

(8) *"That's two times we don't understand you," Klaus said."Hansel and Gretel? What does that mean?" "Oh!" Violet cried suddenly. "**Hansel and Gretel means Hansel and Gretel** – You know, those two dim-witted children in that fairy tale"* [Lemony Snicket. The Erzatz Elevator (2001)].

'– Солнышко, второй раз мы с тобой не понимаем друг друга, – сказал Клаус. – Какие еще Ганс и Гретель? Что это значит? – **Ганс и Гретель – это просто Ганс и Гретель**, – неожиданно заявила Вайолет. Ты разве не помнишь этих двух недоумков из волшебной сказки?' [Лемони Сникет. Липовый лифт (А. Ставиская, 2005)]

В (9) в переводе появляется квантификатор *всегда*, который является эксплицитным выражением того, что данное высказывание справедливо в любых обстоятельствах (в любой точке про-

[12] Похожим образом в английском функционируют *war is war* и *law is law*.

странства и времени). Появление квантора в переводе исключает любое прочтение тавтологии, кроме буквального, его функция состоит в том, чтобы устранить возможность многоаспектной интерпретации [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2019]. Поскольку в (9) тавтология также является глубинной – говорящий подразумевает, что 'чужой остаётся чужим, несмотря ни на что' (вне зависимости от материального положения, что эксплицируется в последующем контексте), см. выше условие неотчуждаемости, то появление кванторного слова не меняет общую интерпретацию.

(9) *"I can sleep on a chair in this room," I replied. "No, no!* **A stranger is a stranger**, *be he rich or poor: it will not suit me to permit any one the range of the place while I am off guard!" said the unmannerly wretch* [Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)].

‘– Я могу соснуть в кресле в этой комнате, – ответил я. – Нет, нет! **Чужой всегда чужой**, беден он или богат, и меня не устраивает, чтобы кто-то тут рыскал, когда я не могу оставаться за сторожа! – заявил неучтивый хозяин’ [Эмили Бронте. Грозовой перевал (Н. Вольпин, 1956)].

Примерами второго типа могут служить (10–11). В (10) переводчик при передаче тавтологии опускает модификатор *prison* ‘тюремный’, присутствующий в оригинале и повторяющийся в именной группе. В результате в английском тексте (10) говорящий подразумевает систему правил, действующую именно на территории тюрьмы и имеющую свои особенности, тогда как в переводе правила понимаются как повсеместное явление, а тавтология является т. н. тавтологией-указателем в терминологии [Bulhof, Gimbel 2001], когда она несёт директивное значение в силу языковых конвенций (см. 3.3.), что мы имеем в русском языке: правила есть правила > ‘правила следует соблюдать’. В данном случае решение переводчика меняет общую интерпретацию текста, возможно, более точным был бы перевод ‘тюремные правила – это тюремные правила’.

(10) *"I can’t promise much.* ***Prison rules are prison rules****. But there are some things that can be done, because it’s the rule to do them for other men when they behave themselves* [Theodore Dreiser. The Financier (1912)].

‘– Многого я, конечно, обещать не могу. ***Правила есть правила***. Но кое-что, безусловно, можно сделать, так как эти правила допускают известные поблажки для заключенных примерного поведения’ [Теодор Драйзер. Финансист (М. Волосов, 1944)].

В оригинальном тексте (11) присутствует частица *only ‘только’*, которая накладывает ограничения на свойства объекта. В английском тексте говорящий подчёркивает, что ‘люди являются людьми и не более того’, т. е. не стоит ждать от них слишком многого, тогда как в русском тексте имеет место глубинная тавтология, и высказывание интерпретируется как ‘люди являются людьми, несмотря ни на что’.

(11) *"Men will not make thee forget?" said Gray Brother, anxiously. "Never. I will always remember that I love thee and all in our cave; but also I will always remember that I have been cast out of the Pack." "And that thou mayest be cast out of another pack.* ***Men are only men****, Little Brother, and their talk is like the talk of frogs in a pond"* [Rudyard Kipling. The Jungle Book: Mowgli Stories (1894)].

‘Люди не заставят тебя забыть нас? – тревожно спросил Серый Брат. – Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи… –…и что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. **Люди есть люди**, и речь их похожа на речь лягушек в пруду’ [Редьярд Киплинг. Книга Джунглей: рассказы о Маугли (Н. Дарузес, 1955)].

3.3. Несоответствия

Под несоответствиями (14 примеров, 27 %) понимаются, во-первых, случаи, когда при нетавтологическом стимуле модель перевода представлена тавтологией. Так в примере (12) при дословном переводе *It’s all work*, т. е. *Это всё работа* возникает неопределённость значения высказывания, устраняемая использованием глубинной тавтологии *Работа есть работа*, которая понимается слушателем как ‘любая работа считается *настоящей* работой’ (вне зависимости от общественных стереотипов и оттого, в чём она заключается).

В (13) тавтология *ты – это ты* позволяет выделить индивида среди других индивидов, подчеркнуть его особый статус и дать положительную оценку индивида [Булыгина, Шмелёв 1997: 509], которая передается в оригинальном высказывании другими средствами.

(12) *She stopped her work then and inspected him oddly, as though he suggested a curious thing. And her hands were crusted with salt, pink with fluid from the fresh pork. "It's women’s work, " she said*

*finally. "***It's all work***, " the preacher replied. "They's too much of it to split it up to men's or women's work. You got stuff to do. Leave me salt them eat"* [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)].

'Мать оторвалась от работы и недоверчиво посмотрела на него, будто он предложил что-то несуразное. Соль коркой покрывала ее руки, они были розовые от свежего мясного сока. – Это женская работа, – наконец ответила она. – **Работа есть работа**, – сказал проповедник. – Ее много, зачем считаться, где мужская, где женская. У тебя есть другие дела. Дай, я буду солить' [Джон Стейнбек. Гроздья гнева (Н. Волжина, 1940)].

(13) *They would have to walk a little way, but it would be nice to step back into a cool vehicle."Perfect," Leah praised, and smiled at him. "What's the smile for?" "For* ***being you****," she said. "For* being me*?" "Yes. For not looking around you and seeing nothing but developmental dollar signs"* [Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)].

'Им надо было проехать еще немного вперед, но Лии хотелось прогуляться. – Чудесно, – похвалила его Лия и улыбнулась. – А за что улыбка? – За то, что **ты – это ты. – Я – это я**? – За то, что ты не оглядываешься вокруг в поисках объектов для вложения денег' [Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)].

Далее, среди примеров, найденных в корпусе, два можно отнести к типу тавтологий-указателей, о которых было упомянуто выше. По [Bulhof, Gimbel 2001], тавтологии данного типа по своей природе не являются «настоящими» тавтологиями, поскольку они и не выражают своего значения эксплицитно, а отсылают к другой пропозиции. Несмотря на то, что по своей структуре данные высказывания, когда они рассматриваются вне минимального контекста, будут считаться тавтологиями, в коммуникативной ситуации они будут представлять собой знаки. Собеседник делает вывод об истинной семантике фразы, исходя, скорее, не из имплицитных компонентов значения, а из языковых конвенций [Bulhof, Gimbel 2001].

Так в (14) тавтология указывает на определённые обязательства, о чём свидетельствует и стимул перевода, который в обоих случаях содержит модальный глагол *must*, имеющий значение долженствования (деонтическая модальность). Говорящий заключает, что 'необходимо выполнять свои обязанности, несмотря ни на что' (даже если эти обязанности неофициальные).

(14) *The young lady must be sent back to Greenburg that day. She must be argued with, convinced, assured, instructed, ticketed, and returned without delay. I hated Hiram and despised George; but* ***duty must be done****. Noblesse oblige and only five silver dollars are not strictly romantic compatibles, but sometimes they can be made to jibe. It was mine to be Sir Oracle, and then pay the freight* [O. Henry. No Story (1909)].

‘Девушку нужно вернуть в Гринбург сегодня же. Ее необходимо убедить, успокоить, научить, снабдить билетом и отправить без промедления. Я ненавидел Хайрэма и презирал Джорджа, но **долг есть долг**. Noblesse oblige [положение обязывает] и жалкие пять серебряных долларов не всегда оказываются в романтическом соответствии, но иногда их можно свести вместе. Мое дело – быть оракулом и вдобавок оплатить проезд’ [О. Генри. Без вымысла (Г. Конюшков, 1950–1960)].

Следует отметить, что тавтологии-указатели используются для достижения определённого риторического эффекта: тавтологии в своем буквальном значении самоочевидны и неоспоримы.

Далее, к несоответствиям относятся случаи, когда тавтологии присутствуют в русском переводе при том, что в иностранном тексте нет аналога (стимул перевода – ZERO).

Данный тип несоответствий был представлен единственным примером (15), где тавтология *Праздник есть праздник* появляется при отсутствии какого-либо стимула в оригинальном тексте и выступает в качестве объяснения поведения говорящего.

(15) *"Where is the private?" "Oh, he is sweeping out the barracks," replied one of the generals, who was busy eating a leg of a turkey. "But I have ordered him a dish of bread and molasses to eat when his work is done". "Let him be sent for," said the girl ruler. While they waited for this command to be obeyed, she enquired: "Have we any other privates in the armies?"* [L. Frank Baum. Ozma of Oz (1907)].

‘ – А где рядовой? – Подметает казарму, – отозвался один из генералов, уплетавший индейку. – Но я велел, чтобы ему отнесли хлеба с маслом, когда он закончит. **Праздник есть праздник.** – Пусть его приведут сюда, – распорядилась Озма. Пока выполнялось ее распоряжение, она осведомилась у своих военных: – Есть ли еще рядовые в вашей армии?’ [Л. Фрэнк Баум. Озма из страны Оз (В. Гобарев, 1992)].

В целом, использование тавтологий в переводных текстах при отсутствии соответствующих структур в качестве стимулов говорит об их аргументативном потенциале, позволяющем передать исходное значение более ярко и конкретно, чем буквальный русскоязычный эквивалент.

4. Выводы

Итак, в настоящей работе были рассмотрены тавтологии, устанавливающие тождество, в переводных текстах, в рамках общей дискуссии об универсальности / лингвоспецифичности данных структур. В то время как полученные результаты в целом подтверждают адекватность преобладающего в литературе семантико-прагматического подхода, нам также удалось сделать ряд наблюдений, полезных для уточнения существующих представлений об интерпретации тавтологий. Во-первых, наши данные свидетельствуют о реальности выделенного в [Bulhof, Gimbel 2001] класса глубинных тавтологий: примеры полных формальных и функциональных соответствий относятся именно к указанному классу. Далее, примеры формальных несоответствий с функциональной эквивалентностью указывают на возможность одних и тех же инференциальных стратегий при различиях в структуре, обусловленной как особенностями конкретного языка (структура *X это X* для передачи метаязыкового значения), так и общими закономерностями (универсальные кванторные слова как маркеры глубинных тавтологий). Наконец, использование тавтологий для перевода нетатвологических стимулов говорит об их аргументативной силе и значимости, что объясняет выбор переводчика даже при наличии альтернативных буквальных эквивалентов.

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

2. Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. №3. С. 110–124.

3. Вилинбахова Е. Л. ([Рец. на: / Review of:] B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent (eds.). Constructicography.

Constructicon development across languages. (Constructional Approaches to Language, 22.) Amsterdam: John Benjamins, 2018. viii + 313 pp. ISBN 978-9-02-726386-5 // Вопросы языкознания. 2019. №5. С. 135–145.

4. Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог’2015. М., 2015. С. 651–662.

5. Зализняк Анна. А. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог’2016. М., 2016. С. 763–775.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. 2003–2019. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 24.04.2019)

7. Шмелёв А. Д. Русские лингвоспецифические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог’2015. М.: РГГУ, 2015. С. 584–594.

8. Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. Pragmatics and Cognition. 2001. Vol. 9 (2). Pp. 279–291.

9. Dobrovol’skij D., Pöppel L., The Discursive construction дело в том, что and its parallels in other languages: a contrastive corpus study // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016”. M., 2016. Pp. 134–146.

10. Dyvik H. A translational basis for semantics. / In Stig Johansson and Signe Oksefjell (eds.).1998. Pp. 51–86.

11. Grice H. Logic and conversation, in Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts, Academic Press, New York. 1975. pp. 41–58.

12. Loiseau S., Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M., Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian French multivariant parallel corpus // Информатика и ее применения, 2013. Vol. 7, i. 2. С. 100–109.

13. Lyngfelt B., Torrent T.T., Laviola A. L., Bäckström L., Hannesdóttir A. H., Silva Matos E. E. da Aligning constructicons across languages: A trilingual comparison between English, Swedish,

and Brazilian Portuguese // In Constructicography. Constructicon development across languages. (Constructional Approaches to Language, 22.) / Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T.T. (eds.) Amsterdam: John Benjamins, 2018. viii +. Ch. 9. pp. 255–302.

14. Meibauer J. Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. 2008.Vol. 16. pp. 439–470.

15. Noël D. Translations as evidence for semantics: An illustration. // Linguistics. 2003. 41(4). pp. 757–785.

16. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. “People are people to me”: The interpretation of tautologies with frame-setters. // Journal of Pragmatics. 2019.143. pp. 96–108.

17. Ward, G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. //Journal of Pragmatics. 1991. Vol. 15. pp. 507–520.

18. Wierzbicka A. Boys will be boys: ‘radical semantics’ vs. ‘radical pragmatics’ // Language. 1987. Vol 63. i.1. pp. 95–114.

19. Wierzbicka A. 1991. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Second edition. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003.

Резюме

В данной работе мы рассматриваем тавтологии в русском языке на материале параллельного корпуса НКРЯ, чтобы получить новые сведения об их универсальности / лингвоспецифичности, применяя метод унидирекционального анализа [Noël 2003]. Целью работы является объяснение наблюдаемых закономерностей в переводных текстах, включая как (а) систематические соответствия, когда тавтологии в русском языке переводят аналогичную синтаксическую структуру в языке-источнике и передают тот же смысл, так и (б) найденные несоответствия, которые связаны с формальными различиями (различие в синтаксической модели) или функциональными различиями (изменение передаваемого смысла).

Ключевые слова: перевод, параллельный корпус, тавтологии, русский язык

TAUTOLOGIES IN TRANSLATIONS

Vilinbakhova Elena Leonidovna
associate professor, SPbU (Saint Petersburg)
Serova Maria Olegovna
student, SPbU (Saint Petersburg)
Borisova Olga Sergeevna
senior lecturer, MSPU (Moscow)

Summary

The paper examines tautologies in Russian translations in the case of a parallel corpora of the RNC. We consider the examples in which tautologies consistently translate the same patterns and convey the same meaning in the source language. We also analyze the examples where various incompatibilities associated with formal or functional differences and their combinations are encountered.

Keywords: translation, Parallel Corpora, linguistic tautology, Russian

References

1. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. 576 s.
2. Vilinbahova E. L., Kopotev M. V. «X est' X» znachit «X eto X»? Ishchem otvet v sinhronii i diahronii // Voprosy yazykoznaniya. 2017. №3. S. 110–124.
3. Vilinbahova E. L. ([Rec. na: / Review of:] B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent (eds.). Constructicography. Constructicon development across languages. (Constructional Approaches to Language, 22.) Amsterdam: John Benjamins, 2018. viii + 313 pp. ISBN 978-9-02-726386-5 // Voprosy yazykoznaniya. 2019. №5. C. 135–145.
4. Zaliznyak Anna A. Lingvospecifichnye edinicy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2015. M., 2015. S. 651–662.
5. Zaliznyak Anna A. Baza dannyh mezh"yazykovyh ekvivalencij kak instrument lingvisticheskogo analiza // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2016. M., 2016. S. 763–775.

6. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. 2003–2019. URL: http://ruscorpora.ru/ (data obrashcheniya: 24.04.2019)

7. Shmelev A. D. Russkie lingvospecificheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnye kamni» // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferencii Dialog’2015. M.: RGGU, 2015. S. 584–594.

СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСАЛМА 21 ИЗ МОЛИТВЕННИКОВ Ф. 955 Оп. 2 № 51 И Ф. 956 Нем.О.I №96, РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА)

Власова Елизавета Алексеевна
библиотекарь, Российская национальная библиотека,
Отдел рукописей (Санкт-Петербург)
kealis@gmail.com

На сегодняшний день устоявшаяся точка зрения о существовании единой средненижненемецкой нормы, основанной на любекском койне (так, во введении к сборнику научных статей 1987 г. Шт. Уреланд прямо говорит об ‘официальном языке любекского происхождения’ *offizielle Sprache Lübecker Prägung* [Ureland 1987: 23]) всё больше подвергается сомнению [Peters 2018]. Настоящая статья является продолжением серии работ отечественных исследователей [Сквайрс 1997: 133], где на основе анализа рукописных материалов [Власова 2013] говорится о неоднозначности средненижненемецкой нормы.

Наибольшей интерес при изучении различных проявлений диалектных различий внутри средненижненемецкого языкового пространства представляют собой тексты схожего содержания, но происходящие из различных источников. В качестве материала для анализа в данной работе был выбран написанный на средненижненемецком псалом 21 из разных молитвенников.

Основными источниками являются два молитвенника, входящие в состав фондов Российской национальной библиотеки. Для удобства сравнения молитвенник Ф.955 оп. 2 №51 в дальнейшем в работе именуется М1, молитвенник Ф. 956 Нем. О.I №96 – М2. Оба молитвенника относятся к XV в. и представляют собой конволюты. Тексты в представленных источниках имеют преимущественно средненижненемецкое происхождение[13].

Существенным отличием двух молитвенников является то обстоятельство, что рукописная книга М1 обладает обширной библиографией [Borchling 1902; Hagen 1922; Власова 2018], дос-

[13] Средненидерландский характер отдельных частей молитвенника М1 неоднократно подчёркивался в работах [Hagen 1922, Schöndorf 1967: 103] и был проанализирован в статье [Власова 2014].

таточно хорошо изучены как лингвистические особенности источника [Власова 2013; Власова 2014], так и его палеографические данные [Vagonyte 2007], имеется описание молитвенника на электронном ресурсе, посвящённом изучению средневековых немецкоязычных рукописей[14]. M2 кратко упоминается в описи О.Н. Блёскиной, доступной в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, а также в статье [Власова 2018]. Данные о его происхождении на сегодняшний день отсутствуют.

Для сравнения привлекается средненижненемецкие переводы 21 псалма, расположенные на листах 1r–3v молитвенника M1 и 85v–87v молитвенника M2, соответственно.

Особенностью представления псалма из молитвенника M2 является то, что он представляет собой неполный вариант оригинального текста, а также компиляцию из двух псалмов (21 и 17). Такой способ представления религиозных текстов – соединения различных частей двух разных произведений был продуктивной текстообразовательной моделью в средние века [Palmer 2001]. Следует отметить, что использование неполного варианта псалма было характерно в первую очередь для сборников религиозных текстов, применявшихся в целях личного благочестия, и в меньшей степени для литургических молитвенников, например, часовников[15].

Так, в оригинальном виде, как следует из текста M1, начало 21 псалма на средненижненемецком выглядит следующим образом: *Got myn got se an my wor umme hestu my vor laten* ... ‘Бог, мой Бог, почему ты покинул меня’.

В M2 в качестве начала псалма выступает на 85^{v} следующий фрагмент:

(1) *ik schal di leff hebben here Myn stercke de here is myne vestinghe unde myn tovlucht unde myn vorloser Myn god is myn hulpe unde in em wil ik hap[p]en Myn beschermer unde de oren miner salicheit unde myn vorbarmer Ik schal an ropen den heren un[de] louen ene unde ik werde bewart vor myne[n] viende[n]*. ‘Возлюблю, я тебя, Господи. Господь – сила моя, твердыня моя и прибежище моё, и избавитель мой. Бог мой – помощник мой, и буду надеяться на него. Защитник мой, и внимающий моему спасению, и заступник мой. Восхваляя, призову Господа и от врагов моих спасусь’.

[14] http://www.handschriftencensus.de/3534

[15] Подробнее об истории молитвенников см., например, [Ochsenbein 1988].

Начало 17-го псалма в рукописном сборнике, хранящимся в Университетской библиотеке г. Ростока (Universitätsbibliothek Rostock)[16] звучит так же:

(2) 18[r] *ik schal dy leff hebben here myn starkheyt de here is myne vestinge unde myne thovlucht unde myn vorloser. Myn god is myn hulper unde ik schal in em hopen he is myn beschermer unde myn entfanger A louende schal ik anropen den heren unde ek schal he holden wesen van mynen[n] vyenden…*

В отличие от исследуемого нами молитвенника М2, Ростокский сборник религиозных текстов имеет краткое описание в ряде работ, например, в каталоге рукописей Университетской библиотеки Ростока [Heydeck 2001: 202]. Также он упоминается в известном исследовании К. Шёндорфа [Schöndorf 1967: 107], где содержащиеся в нём псалмы относятся к группе переводов Герта Грота (Geert Groot) – известного проповедника, являвшегося основоположником движения «Нового благочестия». В каталоге [Heydeck 2001: 202] прямо говорится о том, что псалтырь Mss. theol. 35 была создана в кругу братьев совместной жизни (Brüder des Gemeinsamen Lebens), относящихся к движению «Нового благочестия»[17].

Молитвенник М1 под оригинальным шифром Любекской городской библиотеки также упоминается в связи с движением Герта Грота [Schöndorf 1967: 107].

Таким образом, на основе родства псалма 21 из молитвенника М2 с псалмами из молитвенников М1 и ростокского Mss. theol. 35 можно сделать вывод о том, что по крайней мере данный отрывок из сборника религиозных текстов М2 имеет отношение к переводам Герта Грота и движению «Нового благочестия».

Для подтверждения положения о родстве текстов переводов псалма из молитвенников М1 и М2, а также для иллюстрации средненижненемецких диалектных особенностей проведём срав-

---

[16] На портале Handscriftencensus источник упоминается под шифром Mss. theol. 35: http://www.handschriftencensus.de/3142. Там же приводится список библиографии. Рукописная книга Ms. theol. 35 в оцифрованном виде выложена на сайте Университетской библиотеки Ростока и доступна по ссылке: http:// rosdok.uni-rostock.de/mcrviewer/recordIdentifier/rosdok_ppn719570964/iview2/phys_0039.iview2.
В электронном каталоге Университетской библиотеки Ростока даётся краткое описание источника, согласно которому речь идёт о конволюте, относящемуся ко второй половине XVв. и написанному на средненижненемецком.

[17] Подробнее об истории движения см. работы отечественного исследователя М.Г. Логутовой. Например, [Логутова 2001]. Подробнее о языке «Нового благочестия» см. [Leloux 1978, Власова 2017].

нительный анализ диалектных особенностей. Как показывает краткий обзор текстов из молитвенников Российской национальной библиотеки и рукописи из Ростокского собрания, два первых обладают большим сходством друг с другом. К такому выводу можно прийти при сравнении используемых местоимений.

Так, в ростокской рукописи последовательно используется формы местоимений из остфальского [Peters 1988] (Ostfälisch): *ek*[18] ‘я’ – с л. 18r (наряду с *ik* л. 26v), *mek*/*meck* ‘мне/меня’ (27r наряду с *my* – 27r), *dik* тобой/тебя (27v). В переводе псалма из M1 и отрывке из M2 полностью отсутствуют местоимения с остфальской диалектной окраской. Приведём примеры из текстов.

M1 1v:
(3) *Alle de my segen de belachten my*
M2 86r:
(4) *Alle de mi segen de bespotteden my*
Mss. theol. 35 - 27r:
(5) *Alle de my segen de bespotteden my*
‘все, кто меня видели, те высмеивали меня’
M1 2r:
(6) *se deden ere mu[n]t up ouer my*
M2 86v:
(7) *se deden up eren mund auer my*
Mss. theol. 35 27v:
(8) *se up deden ore mu[n]t upp mek*[19]
‘они разинули свою пасть на меня’.

Таким образом, псалмические тексты из рукописей M1 и M2 обладают большим диалектным сходством, и помимо общей традиции перевода, восходящей к Герту Гроту, вероятно, имеют схожие ареалы происхождения. Анализ диалектных свойств псалмов из молитвенников M1 и M1 производится на основе последовательного рассмотрения особенностей вокализма, консонантизма, формообразования и лексики.

---

[18] «Наряду с общеупотребительным в средненижненемецком местоимением *ik* остфальский обнаруживает вариант *ek* ‘я’» – пишет Р. Петерс [Peters 1987: 76] со ссылкой на грамматику А. Лаш 1914 года издания [Lasch 1914].

[19] В большинстве текстов [остфальского] наряду с *mi* обнаруживается *mik* и *mek*, приводит слова А. Лаш Роберт Петерс [Peters 1987: 92].

Особенности вокализма

В случае с образованием множественного числа существительных тексты псалмов проявляют различия. В молитвеннике M1 используется неумлаутизированная форма *hande* ‘руки’ с листа 2r. В рукописи M2 на этом месте обнаруживается форма *hende*. По мнению Р. Петерса, форма без умлаута имеет не средненижненемецкое происхождение и восходит к средненидердандскому [Peters 1987: 63].

Различие между двумя переводами псалма сохраняется и в случае использования лексемы, где применяется различный способ передачи долгого гласного *o*. Р. Петерс указывает, что одной из характерных черт письменного языка любекского происхождения является написание *a* на месте долгого *o*. Начало использования такого написания относится, по мнению учёного, к середине XV в. В псалме из M2 обнаруживается предлог ‘над’ в виде *aver* (86v: *auer my*), тогда как в молитвеннике M1 используется *over* (2v).

Особенности консонантизма

С точки зрения особенностей консонатизма в текстах псалмов проявляется больше единообразия, чем на уровне вокализма. Так, в представленных псалмах сохраняется написание *s* в начале слова перед гласной, варианты использования лексем с *z* отсутствуют: *se* (M1 и M2 без исключений) ‘они’. Различия в написании возникают в случае с интервокальным употреблением *s*: в M2 используется написание *bozen*, тогда как в M1 *bosen* ‘злых’. В случае с использованием сочетаний согласных с *s* разночтений в использовании буквенного сочетания *sch* не наблюдается: *beschmer* ‘защита’ (M1, M2), *mynsche* ‘люди’ (M1, M2).

Особенности словообразования

С точки зрения словообразования обращает на себя внимание использование различных вариантов лексемы *worpinghe* (M2), *worpingheit* ‘почитание’(M1), во втором случае можно говорить о верхненемецком влиянии из-за суффикса *-heit*.

Морфологические особенности

Морфологически оба варианта псалма проявляют единообразие в случае образования местоимений. В текстах используется характерная для вестфальского и северной области средненижненемецкого единая форма *mi, di* в дательном и винительном падежах. Как указывает Р. Петерс [Peters 83], в основе *mi, di* лежит дательный падеж,

в отличие от остфальского, где для единой формы местоимения 1-го и 2-го лица в дательном и винительном падежах используется форма винительного падежа (*mek*). В М1: *van my* ‘от меня’ соседствует с *belachten my* ‘высмеивали меня’. Соответственно, в М2: *van my* ‘от меня’ соседствует с *bespotteden my* ‘высмеивали меня’.

Лексические особенности

С лексической точки зрения обращает на себя внимание последовательное использование в псалме 21 из М1 и М2 различной лексемы для обозначения существительного ‘кости’. Так, в М1 последовательно употребляется *knaken*, вместо которого в М2 употреблено *bene*:

М1 л. 2г:
(9) *alle myne knaken synt vordorret*
М2 л. 87г:
(10) *alle myne bene sint vordorret*
‘все мои кости иссохли’
М1 л. 2г:
(11) *De dor grouen myne hande unde myne vote se telleden alle myne knaken*
М2 л. 87г:
(12) *de dorch grouen myne hende unde myne vote unde telleden alle myne bene*
‘пронзили руки и ноги мои, пересчитали все мои кости’.

В каталоге средненижненемецких особенностей Роберта Петерса указывается, что в качестве изначальной лексемы, имеющей западно-северногерманское происхождение, выступает лексема *bene*, тогда как лексема *knoken* произошла из севернонижнесаксонско-остфальского пространства. В процессе языкового развития лексема *bene* была вытеснена *knoken* (в случае с М1, вероятно, под влиянием любекского койне с огласовкой на *a*). Соответственно, можно сделать вывод о том, что в М1 используется сравнительно более поздний вариант с изменённой огласовкой – *knaken*, тогда как в М2 сохраняется традиционное *bene*.

Характерной чертой, указывающей на влияние любекского койне, является последовательное использование местоимения *unse* в псалме 21 из М1 и М2. Так, и в М1, и в М2 встречается *unse vedere* ‘наши отцы’.

Грамматические особенности

С грамматической точки зрения в обоих псалмах из M1 и M2 обращает на себя внимание использование причастий прошедшего времени с приставкой *ge-* / *ghe-*[20]. M1: *geworden, geworpen, gegoten*. В M2: *geworden, gheworpen* и *ghegoten*. В случае с таким употреблением следует говорить о проявлении на письме общих особенностей письменного средненижненемецкого языка, распространённых на всей территории бытования, вопреки упоминавшейся и проанализированной в статье [Власова 2012] точке зрения В.М. Жирмунского об утрате в стредненижненемецком приставки *ge-* в качестве показателя причастия прошедшего времени [Žirmunski 2010].

Проявлением грамматического становления в средненижненемецком форм перфекта следует считать неравномерное распределение перфекта в следующих отрывках.

M1 л. 2r:

(12) *du leydedest my yn dat stubbe des dodes we[n]te my hebben vele hunde um[m]e betoge[n]*

M2 л. 87r:

(13) *du heft my ut gevoret in den scubben des dodes wente vele hunde um[m]e ghinghen my*

‘ты поместил меня в обитель смерти, ибо псы окружили меня’.

С точки зрения согласования времён, наиболее корректный вариант представлен в примере (13) в молитвеннике M1, так как перфектная форма употреблена в придаточном причины, действие которого ‘окружили’ предшествует действию в главном предложении ‘поместил’.

Сравнение диалектных особенностей показывает неустойчивость нормы, отсутствие единого средненижненемецкого образца как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. С одной стороны, конкретные проявления вариативности (*over* / *aver, worpenheit* / *worpinghe, hande* / *hende*) свидетельствуют о неокончательной победе любекского койне во второй половине XIVв., что, в целом, является закономерным проявлением территориальной вариативности, свойственной литературным языкам в период становления [Едличка 1988]. С другой стороны, наличие общих черт, в первую очередь, на уровне лексики (местоимения *unse*), а также на уровне консонантизма (использование сочетания *sch*) может указывать на существование в религиозной сфере языка движения «Нового благочестия» наряду с языком Ганзы в сфере юридической.

[20] Подробнее об истории приставки см. [Смирницкая 2002].

Более существенные выводы, как о характере памятника М2, так и о степени распространения и варьирования тех или иных диалектных черт на основе рукописи М2, возможно будет сделать с привлечением более обширного материала. Важным выводом произведённого анализа псалма 21 из рукописей Российской национальной библиотеки и рукописной книги Ms. Theol 35 из Ростокского собрания следует считать то, что не описанный ранее молитвенник М2 во всяком случае в отношении отрывка из псалма 21 имеет отношение к псалмической традиции переводов, заложенной Гертом Гротем – основателем движения «Нового благочестия».

Литература

1. Власова Е.А. Диалектные особенности средненижненемецкого языка в молитвеннике XVв. из Любека (РНБ, ф. 955 оп.2 №51) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XVII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2013. С. 160–176.
2. Власова Е. А. Особенности средненидерландского и средненижненемецкого вокализма в молитвенных книгах XV – XVI вв. // Colloquia classica et indo-germanica, VI., памяти Л. Г. Герценберга. СПб.: Наука, 2014. С. 452–463.
3. Власова Е.А. Языковые особенности выражения веры в текстах «Нового благочестия» (на материале рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки). М.: Институт языкознания РАН, 2017 (в печати).
4. Власова Е.А. Функциональные особенности перфекта в средненижненемецком (на материале рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки) // Проблемы языка взгляд молодых учёных. Сборник научных статей по материалам конференции «Взгляд молодых учёных 12–14 марта 2018». М., 2018.
5. Власова Е.А. Особенности функционирования приставки ge- в глагольных причастиях прошедшего времени в средненижненемецком // Проблемы языка, сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных». М., 2013. с. 78–90.
6. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20. С. 135–149.
7. Логутова М.Г. Рукописные молитвенники из монастырей «Нового благочестия» в библиотеке герцога Августа (Воль-

фенбюттель, Гемания), Arbor Mundi. Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры, Москва, 2010. 16. С. 98–126.

8. Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М. : Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997.

9. Смирницкая С.В. Грамматизация словообразовательных элементов в истории немецкого языка (на примере префикса ge-) // Труды по германистики и истории языкознания. СПб., 2002. С. 12–19.

10. Borchling, C. Mittelniederdeutsche Handschriften in Wolfenbüttel und einigen benachbarten Bibliotheken. Dritter Reisebericht // Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Beiheft 1902. Göttingen. 1902. S. 145–196.

11. Hagen P. Die deutschentheologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek derfreien und der Hansestadt Lübeck)

12. Heydeck K. Die mittelalterlichen Handschriften der Universitätsbibliothek Rostock. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.

13. Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9). Halle, 1914.

14. Leloux, H. Zur Sprache der Devotio Moderna, NdJB, 101, 1978, S.28–45.

15. Ochsenbein, P. Deutschsprachige Privatgebetbucher vor 1400 in Deutsche Handschriften (1100–1400). Oxforder Kolloquium 1985, ed. by Volker Honemann and Nigel F. Palmer, (Tubingen, 1988). Pp. 379–398.

16. Palmer N. Bibelübersetzung und Heilsgeschichte DeG. 2007.

17. Peters, R. Mittelniederdeutsche Studien II: ausgewählte Schriften 2004–2018. Hrsg. von Eichhorn-Hartmeyer, Christina; Kleymann, Verena; Nagel, Norbert; Tiedemann, Meike. 2018.

18. Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil 1. Niederdeutsches Wort 27. 1987.

19. Schöndorf K. Die Tradition der deutschen Psalmenubersetzung. Koln, 1967.

20. Vagonytė, Ž. Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg. Bericht über eine Bibliotheksreise // “Durst nach Erkenntnis”. Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium / Hg. von Heike Müns und Matthias Weber. München, 2007. Pp. 181–195.

(Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa 29.)

21. Ureland, P. St. Sprachkontakt in der Hanse: Aspekte des Sprachausgleichs im Ostsee- und Nordseeraum. Tübingen. 1987.

22. Žirmunski V. Deutsche Mundartkunde. Berlin, 2010.

Резюме

В статье предлагается анализ диалектных особенностей средненижненемецкого ареала на материале псалма 21 из двух рукописей XV в. (Ф. 955 Оп. 2 № 51 и Ф. 956 Нем. О.I №96, РНБ, Санкт-Петербург), происходящих с севера Германии.

В процессе анализа затрагивается проблема традиции средненижненемецкого перевода псалмов (Schöndorf 1967: 106). Однако основной целью статьи является проследить особенности проявления диалектного смешения, сложившегося на базе средненижненемецкого в конце XV в., а также показать, как данные лингвистического анализа могут способствовать локализации текста.

Актуальность работы связана с тем, что, с одной стороны, проблема перевода на северные диалекты псалмических текстов представляет собой одну из актуальных проблем изучения средненижненемецкого ареала. Так, особенностям бытования псалмов в средненижненемецком пространстве был посвящен доклад Урсулы Кундерт (Ursula Kundert) на ежегодной нижненемецкой диалектологической конференции, проходившей в 2016 в г. Штендаль (Stendal). С другой стороны, данные об особенностях грамматического (употребление перфекта: wente my hebben vele hunde umme betogen/ wente vele hunde umme ghingen) и лексического характера (worpenheit/worpinghe) псалма 21 в двух разных средненижненемецких рукописях в очередной раз опровергают положение о существовании некоего средненижненемецкого языка с отчётливо сложившейся нормой, но могут указывать на существование в отношении религиозных текстов на средненижненемецком определённой языковой традиции – традиции переводов Герта Грота.

Ключевые слова: «Новое благочестие», средненижненемецкий язык, Герт Грот, молитвенники.

MIDDLE LOW GERMAN DIALECT FEATURES (ON THE BASE OF PSALM 21 FROM THE PRAYER-BOOKS F. 955 OP. 2 № 51 AND F. 956 NEM. O. I. № 96, NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA)

Vlasova Elizaveta
librarian, Russian National Library, Manuscripts Department
(Saint Petersburg)
kealis@gmail.com

Summary

The article deals with the traditional opinion about existing of the Middle Low German norm language. On the base of the linguistic analysis of two prayer-books F. 955 Op.2 №51 and F. 956 Nem. O. I. № 96 there is to suggest that there was no regular norms in the period of the Middle ages for the Middle Low German. Furthermore there is possible to point to the existence on base of religious texts in the Middle Low German a particular linguistic tradition – the tradition of the translation of Geert Groote.

Keywords: "New piety", Middle Low German, Geert Groote, prayer books

References

1. Borchling C. Mittelniederdeutsche Handschriften in Wolfenbüttel und einigen benachbarten Bibliotheken. Dritter Reisebericht // Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Beiheft 1902. Göttingen. 1902. S. 145–196.
2. Edlichka A. Tipy norm jazykovoj kommunikacii // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. [Types of norms of language communication] M., 1988. Vyp. 20. S. 135–149.
3. Hagen, P (1922). Die deutschentheologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek derfreien und der Hansestadt Lübeck.)
4. Heydeck K. Die mittelalterlichen Handschriften der Universitätsbibliothek Rostock. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
5. Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9). Halle, 1914.
6. Leloux, H. Zur Sprache der Devotio Moderna, NdJB, 101, 1978. S. 28–45.

7. Logutova M.G. Rukopisnye molitvenniki iz monastyrej “Novogo blagochestija” v biblioteke gercoga Avgusta (Vol'fenbjuttel', Gemanija) [Manuscript prayer-books in monasteries of Devotio Moderna in the Library of August (Wolfenbüttel, Germany], Arbor Mundi. Mirovoe drevo. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury, Moskva, 2010 [Arbor Mundi World tree. International journal for history of World Culture]. 16. C. 98–126.

8. Ochsenbein, P. Deutschsprachige Privatgebetbucher vor 1400 in Deutsche Handschriften (1100–1400). Oxforder Kolloquium 1985, ed. by Volker Honemann and Nigel F. Palmer, (Tubingen, 1988). Pp. 379–398.

9. Palmer N. Bibelübersetzung und Heilsgeschichte DeG. 2007.

10. Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil 1. Niederdeutsches Wort 27. 1987.

11. Peters R. Mittelniederdeutsche Studien II: ausgewählte Schriften 2004–2018. Hrsg. von Eichhorn-Hartmeyer, Christina; Kleymann, Verena; Nagel, Norbert; Tiedemann, Meike. 2018.

12. Schöndorf K. Die Tradition der deutschen Psalmenubersetzung. Koln, 1967.

13. Skvayrs, E. Areal'naja baza istorii nizhnenemeckogo jazyka Ganzy. M. : Izd-vo AO “Dialog-MGU”, 1997 [E. E. Skvayrs Areal basement of the Hansa Middle Low Language History Lomonosov Moscow State University, Philological Department. M. Dialog-MGU, 1997.

14. Smirnickaja S.V. Grammatizacija slovoobrazovatel'nyh jelementov v istorii nemeckogo jazyka (na primere prefiksa *ge*-) [Process of achieving grammer status os morphological element in the History of German Language (over prefix *ge*-)] // Trudy po germanistiki i istorii jazykoznanija. SPb. 2002. P. 12–19.

15. Ureland, P. St. Sprachkontakt in der Hanse: Aspekte des Sprachausgleichs im Ostsee- und Nordseeraum. Tübingen. 1987.

16. Vagonytė Ž. Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg. Bericht über eine Bibliotheksreise // “Durst nach Erkenntnis”. Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium / Hg. von Heike Müns und Matthias Weber. München, 2007. Pp. 181–195. (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa 29.)

17. Vlasova E.A. Dialektnye osobennosti srednenizhnenemeckogo jazyka v molitvennike XV v. iz Lubeka (RNB, f. 955 op. 2 Nr. 51) [Dialekt Features in the Middle Low German in Prayer-book of the XVth century from Lübeck]. Indoevropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European linguistics and classical philology Yearbook]. XVII. Materialy chtenij, posvjashhjonnyh pamjati professora I.M. Tronskogo [Proceedings of the 17th Conference in Memory of Professor J. Tronsky]. St. Petersburg, 2013. Pp. 160–176.

18. Vlasova E.A. Funkcional'nye osobennosti perfekta v srednenizhnenemeckom (na materiale rukopisnyh molitvennikov iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki) [Functional peculiarities of the Perfect tense in the Middle Low German (on the base of handwritten prayer books from the National Library of Russia)] Problemy jazyka vzgljad molodyh uchjonyh. Sbornik nauchnyh statej po materialam konferencii «Vzgljad molodyh uchjonyh 12–14 marta 2018» [Language Issuies, Journal of articles: View of Young Scholars]. M., 2018.

19. Vlasova E.A. Jazykovye osobennosti vyrazhenija very v tekstah «Novogo blagochestija» (na materiale rukopisnyh molitvennikov iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki) [Language peculiarities of the expression of faith in the Devotio Moderna Texts], M.: Institut jazykoznanija RAN, 2017 (v pechati).

20. Vlasova E.A. Osobennosti funkcionirovanija pristavki *ge-* v glagol'nyh prichastijah proshedshego vremeni v srednenizhnenemeckom [Functional Pecularities of the prefix *ge-* in participles of the Past Sentence in the Middle Low] // Problemy jazyka, sbornik nauchnyh statej po materialam Vtoroj konferencii-shkoly «Problemy jazyka: vzgljad molodyh uchjonyh» [Language Issuies, Journal of articles: View of Young Scholars]. M., 2013. P. 78–90.

21. Vlasova E.A. Osobennosti sredneniderlandskogo i srednenizhnenemeckogo vokalizma v molitvennyh knigah XV – XVI vv. [Vocalic features in Middle Low Dutch and Middle Low German in prayer books of the XVth and XVIth centuries] // Colloquia classica et indogermanica, VI., pamjati Leonarda Georgievicha Gertsenberga [Colloquia VI classica et indo-germanica in Memory of Leonard Georgievich Gertsenberg] / otv. red. N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij [editor in chief N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2014. P. 452–463.

22. Žirmunski V. Deutsche Mundartkunde. Berlin, 2010.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ ДВИЖЕНИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ «САТЕЛЛИТОВ»)

Дзанголи Джулия
аспирант, Болонский Университет,
Департамент устного и письменного перевода (г. Форли)
zangiuli@gmail.com, giulia.zangoli2@unibo.it

1. Вступительные замечания

В данной работе представляются промежуточные результаты сопоставительного исследования способов кодификации ситуации движения в итальянском и русском языках.

Данная статья состоит из вступления и четырех частей. Во вступительной части мы представили предмет нашего исследования, его цель и методы. В первой части мы вкратце описали теоретическую рамку, в которую вписывается наша работа, а во второй представили, что подразумевается под тенденцией к гибридизации при лексикализации ситуации движения в итальянском языке. Далее мы описали способ проведения сопоставительного анализа и предъявили промежуточные результаты. В четвертой части представлены выводы нашего исследования на данном этапе. Прилагается список литературы.

Гипотезой исследования является тенденция к возникновению в итальянском языке гибридизации при лексикализации[21] ситуации движения. С целью проверки гипотезы проведено исследование, сфокусированное на анализе соотношения русской приставки *вы-* с ее итальянскими коррелятами, а также на выявлении случаев, в которых наблюдается корреляция между русскими приставочными глагольными формами, образован-

[21] Здесь и далее в статье термины «гибридная лексикализация», «гибридизация при лексикализации», «гибридные формы (варианты)» относятся к тенденции, наблюдаемой в итальянском языке, выражать семантический компонент ‘маршрут’ (*path*) ситуации движения при помощи ‘сателлитов’, как в русском языке, либо в самом глаголе, как в остальных романских языках, входящих, согласно типологической классификации, введенной Л. Талми, в группу языков глагольного типа (бинарное разделение языков, предложенное Л. Талми, рассматривается в части 1). Таким образом, в современном итальянском языке наблюдается двойственный подход к лексикализации компонентов ситуации движения (подробнее о языках сателлитного и глагольного типов см. в части 1).

ными с помощью приставки *вы-*, и итальянскими гибридными формами.

Исследование осуществляется при помощи сопоставительного анализа текстов на трех разных языках: английском, итальянском и русском. Источником анализа является повесть *The Hobbit, or There and Back Again* Дж. Р. Р. Толкина на языке оригинала, в русском переводе Н. Рахмановой 1976 г. [Толкин 1976] и в итальянском переводе Е. Й. Конте 1989 г. [Tolkien 1989]. В работе мы рассматривали те глаголы движения, которые обозначают изменение местоположения субъекта в пространстве в широком смысле, т. е. непереходные глаголы как однонаправленного, так и разнонаправленного движения. Традиционно в лингвистике различаются понятия движения и перемещения (англ. *movement and displacement*, фр. *mouvement et déplacement*)[22], однако для нашего исследования строгое разграничение не столь существенно. Мы исключили за рамки исследования глаголы движения в переносном смысле. Что касается семантики приставки *вы-*, то, как правило, в словарных описаниях и в грамматике русского языка [Грамматика-80] выделяются значения, представленные в (1).

(1) (а) Глаголы со значением «удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу»: *вывезти*, *выгнать*, *выгрузить*, *выдавить*, *выехать*, *выйти*, *выкарабкаться*, *выкатить*, *вылететь*.

(б) Глаголы со значением «интенсивно и (или) тщательно совершить действие»: *выбелить*, *выделать*, *вылизать*, *вымерить*, *выпечь*, *выписать* (*каждую букву*).

(в) Глаголы со значением «добыть, получить, найти что-н.»: *выиграть*, *высидеть*, *выследить*, *высмотреть*.

---

[22] Здесь мы ссылаемся на разграничение, введенное Л. Теньером [Tesnière 1988: 307–310], согласно которому глаголы движения (*verbes de mouvement*) описывают способ изменения местоположения субъекта (*marcher, courir, trotter, sauter, voler, nager...*), в то время как глаголы перемещения (*verbes de déplacement*) указывают на определенное направление относительно точки отсчета (*monter, descendre, aller, venir…*). Можно сказать, что с помощью новой терминологии Теньер в работе 1959 г. выдвигает то же типологическое разграничение, которое позже вводится Талми. “Grace à cette terminologie, ce n’est plus qu’un jeu de constater que le verbe allemand exprime le mouvement, tandis que le verbe français exprime le déplacement […]” [Tesnière 1988: 309]. В теории Теньера, понятия *mouvement* и *déplacement* близки понятиям *способа* и *маршрута*, в терминологии Талми, т. е., по сути, в языках сателлитного типа, например, в немецком, глагол фокусируется на выражении способа (*mouvement*), в то время как в языках глагольного типа, например, во французском, глагол кодирует маршрут (*déplacement*).

(г) Глаголы со значением «выдержать что-н., протерпеть в течение какого-н. времени, совершая действие, названное мотивирующим глаголом»: *выжить, высидеть, выстоять, выстрадать*.

(д) Глаголы со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *вылечить, вызубрить, выкопать, выровнять, выстроить, высушить* [Грамматика-80, Т. 1: § 857].

В настоящей статье нас будут интересовать глаголы движения, образованные при помощи приставки *вы-* и относящиеся к первой группе (а).

Кроме того, среди характеристик приставки *вы-* в составе глаголов перемещения у Ю. Д. Апресяна выделяется «своеобразное значение, в словарях до сих пор не замечавшееся. *А вышел из В в С* значит, помимо прочего, что *А* переместился из замкнутого пространства *В* в более открытое пространство *С*. Можно *выйти из комнаты в коридор* или *со двора на улицу*, но нельзя *выйти из коридора в комнату* или *с улицы во двор*» [Апресян 1995: 490–491].

Помимо этого, в некоторых исследованиях [Добрушина 2014; Добрушина, Пайар 2001] значение приставки *вы-* в сочетании с глаголами перемещения трактуется как «перемещение в специфическую область, принципиально отличную от области начального местонахождения, что требует специального развития действия (особой траектории движения)» [Добрушина 2014: 19], см. также [Добрушина, Пайар 2001: 68–70].

В вышеупомянутых работах приводятся примеры с глаголами *выйти, выбежать, выползти, выпрыгнуть*, как в (2):

(2) *Волк* ***выбежал*** *из леса на дорогу* [Добрушина, Пайар 2001: 69].

В (2) *figure*[23], т. е. волк, как раз перешел из замкнутого пространства (*из леса*) на более открытое место, *на дорогу*, перемещаясь, таким образом, в область, существенно отличающуюся от первоначальной. Помимо значения перемещения изнутри – наружу, в процитированных описаниях Добрушиной [Добрушина 2014] выделяется второй компонент в значении приставки *вы-*, т. е. «сложный путь развития действия», на ос-

[23] Семантический компонент *figure* обозначает основного участника движения, который последовательно изменяет свое положение в пространстве, по терминологии Л. Талми [Талми 1985, 1991, 2000, 2007].

нове которого, по мнению автора, приставка «стала образовывать глаголы с непространственными значениями» [Добрушина 2014: 20–21].

В данной работе рассматривается то значение приставки *вы-*, которое непосредственно связано с глаголами перемещения, т. е., согласно трактовке, представленной в [Апресян 1995], компонент, выражающий перемещение из замкнутого в более открытое пространство. Данная трактовка позволяет также сфокусироваться на итальянских коррелятах приставки *вы-*, которые нередко выражают ту же идею перемещения, удаления из замкнутого в более открытого пространства (см. итальянские адвербиальные частицы[24] *fuori*, *via*).

В тексте оригинала мы подобрали английские соответствия русских глаголов, выражающих идею перемещения в пространстве определенным способом и указывающих на определенное движение изнутри наружу при помощи приставки *вы-*, затем мы выделили корреляты в итальянском переводе. Сопоставление текстов на трех языках позволяет избежать прямой интерференции русских приставочных форм при переводе на итальянский язык. Среди итальянских коррелятов русских приставочных форм на *вы-* мы определили частотность и природу гибридных вариантов.

В настоящее время внимание исследователей сфокусировано в основном на анализе семантики приставки *вы-* не с типологической точки зрения, а с учетом русскоязычной перспективы. Подобным образом, в трудах по итальянскому языку, тенденция к «гибридной» лексикализации ситуации движения рассматривается в основном в сопоставлении с романскими языками. В связи с этим, прямое сопоставление лексикализации ситуации движения в итальянском и русском языках весьма актуально в целях более осознанного восприятия и понимания процессов мышления и выражения движения в двух языках, ко-

[24] Здесь и далее мы будем называть их частицами либо адвербиальными частицами те итальянские слова, которые обладают различным формальным статусом (они могут быть наречиями или предлогами), но приобретающие единый статус, выступая в роли «сателлитов» в глагольных конструкциях итальянского языка. В трудах, посвященных итальянским сателлитным конструкциям, на английском языке чаще всего встречаются следующие определения данных частиц: *directional particles*, *locative particles*, *post-verbal particles* [Iacobini 2010, 2012], в то время как в исследованиях на итальянском языке терминология имеет менее стабильный характер – данные частицы называют наречиями (*avverbi*), адвербиалами (*elementi avverbiali*), модификаторами глагола (*modificatori*) или просто частицами (*particelle, particelle adverbali*) [см. Cini 2008; Simone 1997].

дирующих семантические компоненты ситуации движения двумя различными способами.

2. Теоретическая база исследования

Движение – языковая универсалия, присутствующая во всех языках мира, однако, лексикализация компонентов движения лингвоспецифична, так как стратегии языкового выражения ситуации движения сильно отличаются в разных языках. Исследования в данной области связаны, прежде всего, с типологической классификацией лексикализации компонентов ситуации движения, предложенной Л. Талми [Talmy 1985, 1991, 2000, 2007].

Внутри ситуации движения Л. Талми выделяет четыре семантических компонента – само движение (*motion*), основной участник в ситуации движения, который последовательно изменяет свое положение в пространстве (*figure*), двигаясь по определенному маршруту или пути (*path*) относительно определенного объекта-ориентира (*ground*). Помимо этих компонентов Талми выделяет два внешних компонента ситуации движения – способ движения (*manner of motion*) и каузатор, или причина движения (*cause*). В примерах (3) и (4) представлены главные семантические компоненты ситуации движения, выделенные Талми на материале английского языка.

(3) *The pencil* ***rolled off*** *the table* (*manner*).
(4) *The pencil* ***blew off*** *the table* (*cause*) [Talmy 2007: 71].

В примерах (3) и (4) *the pencil* представляет собой основной участник движения, т. е. *figure*, в то время как *the table* выступает в роли объекта-ориентира (*ground*). Путь или маршрут выражается при помощи частицы *off*, а глаголы *rolled* и *blew* кодируют соответственно способ и каузатор движения.

На основе семантических компонентов ситуации движения, выделенных Талми, приводятся примеры и в работе Майсака [Майсак 2005: 102–103]. Таким образом, в (5) *Петя* выступает в роли *figure*, который движется по определенному маршруту, выраженному префиксом *при-* и предлогом *из*, по отношению к определенному ориентиру (*ground*), т. е. к *школе*. Способ движения закодирован в самой глагольной форме – *при**шел***. В (6) и (7) *отец* и *кошка* выступают в качестве каузаторов движения и перемещаются вместе с *figure* (соответственно *сосиска* и *корова*).

Важно отметить, что в приведенных примерах на русском языке способ движения всегда выражен.

(5) *Петя* ***пришел*** *из школы.*
(6) *Отец* ***привел*** *домой корову.*
(7) *Кошка* ***утащила*** *сосиску.*

Согласно бинарному разделению языков, введенному Талми, среди языков мира выделяются две основных группы: языки глагольного типа (*verb-framed*), которые отображают компонент ‘маршрут’ (*path*) в самом глаголе, и языки сателлитного типа (*satellite-framed*), в которых компонент ‘маршрут’ выражается отдельно при помощи сателлитов, связанных с главным глаголом. Формальный статус сателлитов может быть различным, по словам Талми:

“The satellite, which can be either a bound affix or a free word, is thus intended to encompass all of the following grammatical forms, which traditionally have been largely treated independently of each other: English verb particles, German separable and inseparable verb prefixes, Latin or Russian verb prefixes […]” [Talmy 2007: 139].

Русский язык относят к языкам сателлитного типа, т. е. в нем ‘маршрут’ выражается при помощи глагольных приставок, в то время как итальянский язык входит в группу глагольного типа, т. е. ‘маршрут’ выражается в самом глаголе. Русский язык, следовательно, выражает способ движения в глагольном корне, а итальянский при помощи адвербиальных конструкций, деепричастий, существительных и других элементов, связанных с глаголом. Таким образом, в языках глагольного типа само выражение способа движения синтаксически подчинено и факультативно. Иными словами, компонент ‘способ’ (*manner of motion*) кодируется только в тех случаях, когда информация о нем подчеркнута (*foregrounded*), а в большинстве случаев она подразумевается из контекста, как это видно из приведенных ниже примеров (8), (9), (10):

(8) Ит. *Da quest’albero* ***esce*** *un gufo.*
(9) Рус. *Там* ***выскочила*** *сова.*
(10) Англ. *An owl* ***popped out*** [Slobin 2004].

В (8) кодируется только маршрут, а компонент ‘способ’ лексически не выражен. Наоборот, русский и английский, языки са-

теллитного типа, выражают маршрут соответственно при помощи префикса и предлога (*вы-*, *out*), в то время как способ выражен в глагольной форме (*-скочила*, *popped*).

Ниже приводятся примеры из составленного нами корпуса[25], относящиеся к глагольному (11) и сателлитному (12) типам языков:

(11) Ит. […] *e dietro di essi* ***venivano*** *gli Uomini del Lago dalle lunghe spade.*

(12) Рус. […] *а за ними* ***выбежали*** *воины Озерного города с длинными мечами.*

В (11) глагольная форма *venivano* кодирует компоненты ‘движение’ и ‘маршрут’, способ не выражается лексически, он, скорее всего, подразумевается из контекста.

В (12), наоборот, маршрут кодируется при помощи префикса *вы-*, а компоненты ‘движение’ и ‘способ’ выражены глагольным корнем (*беж-*).

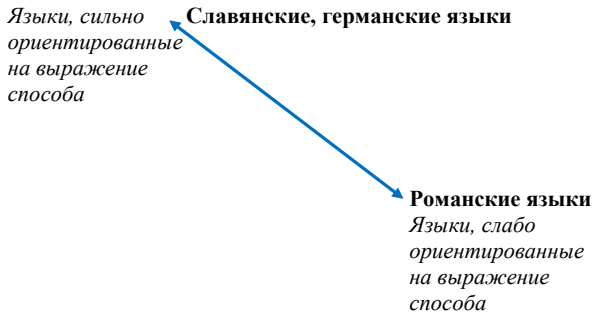


Рисунок 1.

Из вышеприведенных примеров становится понятным, что компонент ‘способ движения’ играет важную роль в разграничении двух языковых групп, сателлитной и глагольной. Для

[25] Здесь и далее в статье мы ссылаемся на составленный нами корпус на основе повести *The Hobbit, or There and Back Again* на языке оригинала и переводов на русский и итальянский языки. Поисковый процесс состоит из двух шагов – первый этап предусматривает поиск в параллельном корпусе НКРЯ составленного из оригинала английской повести и ее русского перевода, а на следующем этапе анализа мы подбирали соответствия в итальянском переводе вручную, опираясь на итальянский перевод, изданный в 1989 году.

языков сателлитного типа характерно более детализированное кодирование способа движения. Именно с этой перспективы Д. Слобин рассматривает типологическую классификацию, предложенную Л. Талми, дополняя и расширяя ее[26]. Согласно Д. Слобину, языки мира можно расположить вдоль шкалы значимости по степени выражения способа движения – на одном полюсе находятся языки сателлитного типа, сильно ориентированные на выражение способа, а на противоположном полюсе расположены языки глагольного типа, слабо ориентированные на выражение способа[27]. Таким образом, бинарной оппозиции, введенной Л. Талми, Д. Слобин противопоставляет языковой *континуум* – от одного полюса до противоположного. Рис. 1 графически отражает типологический подход, введенный Д. Слобиным[28].

3. Динамика лексикализации ситуации движения в итальянском языке

Несмотря на то, что традиционно итальянский язык, как и все романские языки, относят к языкам глагольного типа, в последние десятилетия стали появляться исследования, посвященные конструкциям сателлитного типа в итальянском языке. В трудах разных авторов [см. Cini 2008; Iacobini, Masini 2006; Iacobini 2009, 2010, 2012; Schwarze 1985; Simone 1997] рассматривается роль и распространение конструкций сателлитного типа, т. е. включающих в себя глагольную форму и частицу, тесно связанную с главным глаголом. В состав данных конструкций входят, чаще всего, глаголы движения (но не только), как переход-

[26] По словам Д. Слобина, “That is, the languages differ in the attention to manner of movement. […] In High-manner-salient languages, speakers regularly and easily provide information about manner when describing motion events, whereas in Low-manner-salient languages manner information is only provided when manner is foregrounded for some reason” [Slobin 2004].

[27] В терминологии Д. Слобина, *High-manner-salient languages* и *Low-manner-salient languages*, соответственно [Slobin 2004].

[28] Стоит отметить, что в исследовании, проведенном Слобиным на материале иллюстрированной детской книги *Frog, where are you?* [Mayer 1969], во время которого носители разных языков рассказывали приключения мальчика и лягушкой по картинкам Майера, русский язык оказался на краю шкалы значимости по степени лексикализации способа движения – все носители русского языка выбрали глаголы движения, выражающие способ при повествовании истории. Таким образом, вдоль шкалы значимости русский язык немного удаляется от германских языков [см. Slobin 2006].

ные, так и непереходные, и пространственные адвербиальные частицы, например, среди более частотных встречаются *via, fuori, dentro, su, giù*. В некоторых случаях сателлитные конструкции представляют собой синонимический вариант более формальных синтетических глагольных форм, например, *andare dentro* vs. *entrare* ‘входить’, но, в ряде случаев, сателлитные конструкции не имеют синтетического аналога (см. *restare fuori, saltare via* и т. д.). Данные сателлитные конструкции отличаются цельностью и устойчивостью на морфосинтаксическом уровне [Iacobini, Masini 2006: 158–161]. Что касается семантических свойств сателлитных конструкций, то у адвербиальных частиц выделяются, как правило, три основных значения:

а) пространственное значение, как в (13), (14);

б) идиоматическое, как в (15);

в) акциональное, т. е. влияющее на акциональную характеристику главного глагола, как показано в (16) и (17) [Iacobini, Masini 2006: 162–163; Iacobini 2012: 375–377].

(13) *saltare fuori, andare dentro, andare via;*

(14) *entrare dentro, uscire fuori;*

(15) *mettere dentro, fare fuori;*

(16) *correre via, correre fuori;*

(17) *cacciare via, strappare via, strofinare via*[29].

Как видно из примеров (13), (14) и (16) адвербиальные частицы (*fuori, dentro, via*) сочетаются как с глаголами, кодирующими маршрут (*entrare, uscire*), так и с глаголами, кодирующими способ движения (*saltare, correre*), и с глаголами, выражающими общий компонент ‘движение’ (*andare*). Во всех случаях, функция частиц, по сути, одинакова – они кодируют информацию о маршруте, иногда дублируя ее, в том случае, если она уже выражена главным глаголом. В некоторых случаях, как в (15) помимо прямого значения, сателлитные конструкции проявляют также идиоматическое значение, например, *mettere dentro* является разговорным вариантом *imprigionare* [‘сажать/посадить в тюрьму’], в то время как *fare fuori* соответствует более формальным *uccidere, eliminare* [‘убивать/убить, избавляться/избавиться от кого-л.’]. Кроме того, частицы, в зависимости от собственного лексического значения и от общего контекста, могут влиять на акциональную характеристику главного глагола, например, в (16) и (17), где непредельный глагол

[29] Примеры с (13) по (17) взяты из [Iacobini, Masini 2006; Iacobini 2012].

correre [‘бегать/бежать’] в сочетании с частицами *via, fuori* приобретает предельный оттенок, как например *correre via* [‘убегать/убежать’]. У некоторых частиц выделяются одновременно две функции – они кодируют маршрут и указывают на достижение какого-л. результата либо конечной точки. В эту группу попадают такие адвербиальные частицы, как *via, dentro, fuori, su, giù*.

“[…] there is a simultaneity of functions of the particle: the function as a path marker and the function as a *telos* indicator. […] The most represented *tendentially telic particles* in our corpus are (in decreasing order): *via* ‘away’, *dentro* ‘in(side)’, *fuori* ‘out(side)’, *su* ‘up’, *giù* ‘down’” [Iacobini, Masini 2006: 175].

Стоит также отметить, что чаще всего именно глаголы, кодирующие способ движения, и глаголы, обозначающие общий компонент ‘движение’ [*andare, venire*], выступают в качестве члена сателлитных конструкций, скорее всего, потому, что они нуждаются в определении маршрута или конечной точки движения. Неслучайно в итальянском языке наблюдается разнообразная и многочисленная группа глаголов, выражающих способ движения, в отличие от других романских языков. Согласно [Iacobini 2010] именно большое количество и разнообразие глаголов, выражающих способ движения, обуславливает появление и развитие сателлитных конструкций в итальянском языке.

4. Проведение сопоставительного анализа: промежуточные результаты

Итак, путем сопоставительного анализа мы проверили нашу гипотезу о появлении и распространении тенденции к гибридизации при лексикализации ситуации движения в итальянском языке. Кроме того, мы определили основные корреляты русской приставки *вы-* в итальянском языке, а именно те частицы, которые выступают в роли сателлитов. В данной части мы вкратце рассмотрим основные этапы исследования и обсудим промежуточные результаты.

Прежде всего мы определили диапазон приставочных глагольных форм, образованных при помощи приставки *вы-*, для которых нам важно найти соответствующие выражения в тексте на языке оригинала, т. е. на английском. После того, как мы выделили глагольные формы на русском и английском языках, мы рассмотрели их соответствия в итальянском переводе. Результаты поисков в таблице 1.

Таблица 1

Первый тип (I)		
Already he was a very different hobbit from the one that had **run out** without a pocket-handkerchief from Bag-End long ago.	Ведь он был далеко не тот хоббит, который **выбежал** когда-то без носового платка из Бэг-Энда.	Era già uno hobbit molto diverso da quello che **era corso via** da casa Baggins senza fazzoletto, molto tempo fa.
Out leapt the King under the Mountain, and his companions followed him.	Из пролома **выскочили** король Под Горой и его соратники.	Il Re sotto la Montagna **balzò fuori**, e i suoi compagni lo seguirono.
Some of the more foolish **ran out of** the hut […]	Те, кто поглупее, **выбежали** из караулки, […]	Alcuni dei più suggestionabili **corsero fuori** […]
Gloin lit several more torches, and then they all **crept out**, one by one, […]	Глойн зажёг несколько факелов, гномы один за другим **вылезли** из туннеля […]	Gloin accese molte torce, e **strisciarono** tutti **fuori**, in fila indiana, […]
Второй тип (II)		
They **came scurrying round** the corner in full cry […]	На полном ходу они **выскочили** из-за угла […]	**Superarono** la curva **di slancio** urlando a pieni polmoni […]
Out leaped Wood-elves with their bows and spears and called the dwarves to halt.	Из темноты **выпрыгнули** лесные эльфы с луками и копьями и закричали им: "Стой!".	Ed ecco che **guardinghi avanzarono allo scoperto** gli Elfi Silvani, armati di archi e frecce, e intimarono ai nani di fermarsi.
Третий тип (III)		
[…] the dwarves of the Iron Hills **plunged in**, wielding their mattocks, upon the other side; […]	[…] **выскочили** с другой стороны гномы Железных Холмов, потрясая боевыми мотыгами, […]	[…], i nani dei Colli Ferrosi **si lanciarono** all'attacco sull'altro lato, brandendo le loro piccozze; […]
Then suddenly goblins **came running up** yelling.	Внезапно на поляну с криками **выскочили** гоблины.	Poi d'un tratto **sopravvennero** gli orchi, urlando e correndo.

В таблице 1 выделяются три группы примеров в зависимости от стратегии лексикализации рассмотренных ситуаций движения в итальянском языке. В первую группу, самую многочисленную, **(I)** попадают конструкции сателлитного типа. Как видно из примеров, чаще всего глагольным формам русского языка, образованным путем приставки *вы-*, соответствуют в итальянском языке сателлитные конструкции, включающие в себя глагол, кодирующий способ движения и адвербиальную частицу *fuori* ['вне, снаружи, наружу']. В

данных примерах частица *fuori* передает одновременно значения направления (изнутри → наружу) и предельности, поскольку от глаголов, выражающих процесс (деятельность), как например *correre* [‘бегать’], *balzare* [‘прыгать, скакать’], *strisciare* [‘ползать’] получаются предельные формы *correre fuori* [‘выбегать/выбежать’], *balzare fuori* [‘выскакивать/выскочить’], *strisciare fuori* [‘выползать/выползти’]. Аналогичную предельную функцию выполняет частица *via*, выражая также значение направления движения в пространстве с какого-л. места, удаления.

К третьей группе (**III**) принадлежат те конструкции итальянского языка, глагол в которых обозначает больше двух семантических компонентов ситуации движения[30]. В данном случае коррелятом русской приставки *вы-* в итальянском языке является, в некоторой степени, независимая глагольная форма (*si lanciarono, sopravvennero*). Глаголы *lanciarsi, sopravvenire* включают в себя способ движения и, в какой-то мере, маршрут. *Lanciarsi* в классификации итальянских глаголов, предложенной в [Iacobini 2010: 503], выражающих способ движения, входит в группу глаголов, обозначающих “rapid movement toward goal”, в то время как *sopravvenire* обозначает внезапное, неожиданное приближение к месту, где уже собрались другие люди. Такая стратегия лексикализации тоже свидетельствует о тенденции к «гибридизации» в итальянском языке. В данных примерах, как и в сателлитных конструкциях, образованных с помощью глаголов движения и адвербиальных частиц, в фокус внимания попадает способ, в то время как маршрут составляет фон, что характерно для языков сателлитного типа.

Ко второй группе **(II)** относятся конструкции глагольного типа, т. е. конструкции, более характерные для итальянского языка и для романских языков в целом. В эти конструкции входят глаголы движения, обозначающие маршрут (*superare* [‘пройти, преодолевать’], *avanzare* [‘двигаться вперёд’], а сам способ движения выражается наречием (*superarono* ***di slancio***, дословно ‘с прыжком’) и дополнительными лексическими средствами (***guardinghi*** *avanzarono* ***allo scoperto***, дословно ‘осторожно они двигались вперёд на более открытое место’).

Промежуточные результаты сопоставительного анализа представлены в графике 1.

---

[30] Выделяются следующие компоненты, согласно терминологии, введенной Л. Талми: движение (*motion*), способ (*manner*), маршрут (*path*).

Как видно из графика 1, в подобранном подкорпусе чаще всего (в 45% случаев) русским глагольным формам, образованным с помощью приставки *вы-*, в итальянском языке соответствуют сателлитные конструкции, образованных при помощи частиц *fuori* и *via*. На втором месте по частотности находятся характерные для итальянского языка конструкции глагольного типа (37%), а на третьем месте (18%) встречаются глагольные формы, кодирующие одновременно два (и/или более) семантических компонента движения, выводя на первый план способ движения.

График 1

Выводы

Из результатов, полученных на настоящем (промежуточном) этапе исследования, видно, что в итальянском переводе отображается тенденция к гибридизации при лексикализации ситуации движения. В связи с этим, можно предложить новое расположение итальянского языка на шкале значимости, введенной Д. Слобиным. Ниже, на рис. 2, представлена графическая модель гибридизации итальянского языка.

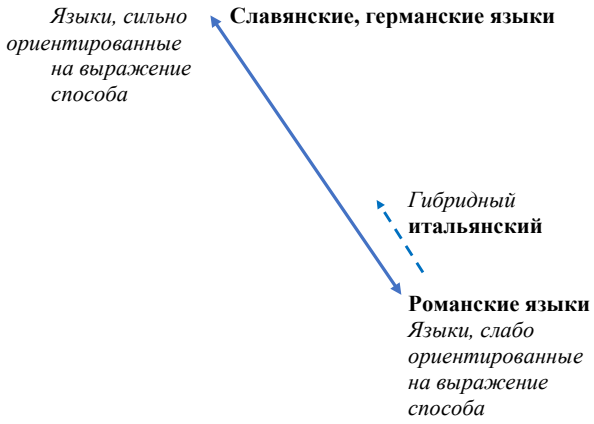


Рисунок 2.

Как показано на рисунке (рис. 2), наблюдается градуальное продвижение итальянского языка в сторону языков сателлитного типа, к которым относится русский язык. В частности, это проявляется в том, что семантический компонент ‘маршрут’ может выражаться в нем сателлитом, а способ движения – при помощи глагольной формы. В связи с этим итальянскому языку можно приписать «гибридный» статус в отношении лексикализации семантических компонентов ситуации движения.

На следующем этапе исследования целесообразно рассмотреть тенденцию к гибридизации в итальянском языке на более объемном материале, чтобы определить стратегии лексикализации и типы коррелятов в зависимости от инвентаря русских глагольных приставок. Мы полагаем, что поэтапное исследование соответствий русских приставочных форм и итальянских частиц, выступающих в роли сателлитов, принесет свои плоды в перспективе более осознанного и критического подхода к изучению русского и итальянского языков, в том числе как иностранных[31].

[31] Как неоднократно отмечал Д. Слобин в своих трудах, посвященных лексикализации ситуации движения в типологической перспективе, языки различаются по степени кодирования разных семантических компонентов ситуации движения. По этой причине говорящим на иностранном языке важно обращать внимание на разграничения, существующие в разных языках и на «удельный вес» семантических компонентов движения в типологически противоположных языках [Slobin 2004, 2005, 2006].

Литература

1. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
2. Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Издательство ПСТГУ, 2014.
4. Добрушина Е.Р., Пайар, Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Под ред. Е.Р. Добрушиной, Е.А. Меллиной, Д. Пайара. М.: Русские словари, 2001. С. 11–254.
5. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
6. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
7. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // ВЯ. 2000. № 1. С. 10–32.
8. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
9. Майсак Т.А., Рахилина, Е.В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Под ред. Т.А. Майсака, Е.В. Рахилиной. М.: Индрик, 2007. С. 27–75.
10. Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru.
11. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М.: Пробел–2000, 2009. С. 92–157.
12. Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или туда и обратно / Пер. с английского Н. Рахмановой. Л.: Детская литература, 1976.
13. Beavers J., Levin, B., Tham, S.W. The typology of motion expression revisited // Journal of Linguistics. 2010. № 46. Pp. 331–377.
14. Berman R., Slobin, D. Relating Events in Narrative: A Crosslinguistic Developmental Study. Hillsdale NJ: Erlbaum, 1994.

15. Cadierno T. Learning to talk about motion in a foreign language // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / Robinson, P., Ellis, N. C. (Eds.). New York, London: Routledge, 2008. Pp. 239–275.

16. Cini M. I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Atti delle giornate di studio (Torino, 19-20 febbraio 2007) / Ed. by M. Cini. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

17. Germain C., Netten, J. A new paradigm for the learning of a second or foreign language: the neurolinguistic approach // Neuroeducation. V. 1. № 1. 2012. Pp. 85–114.

18. Iacobini, C., Masini, F. The emergence of verb-particle constructions in Italian locative and actional meanings // Morphology. № 16. 2006. Pp. 155–188.

19. Iacobin, C. The role of dialects in the emergence of Italian phrasal verbs // Morphology. № 19. 2009. Pp. 15–44.

20. Iacobini C. The number and the use of manner verbs as a cue for typological change in the strategies of motion events encoding // Space in Language. Proceedings of the Pisa International Conference / Marotta, G., Lenci, A., Meini, L., Rovai, F. (Eds.). Pisa: ETS, 2010. Pp. 495–514.

21. Iacobini C. Grammaticalization and innovation in the encoding of motion events // Folia Linguistica. V. 46. № 2. 2012. Pp. 359–385.

22. Lapesa G., Lenci A. Italian Verbs of Manner of Motion at the Syntax-Semantics Interface: a Distributional Analysis. Linguistic Evidence (https://portal.ikw.uni-osnabrueck.de/~glapesa/materials/Lapesa_Lenci_tubingen.pdf)

23. Mayer M. Frog, where are you? New York: Dial Books for Young Readers, 1969.

24. Schwarze Ch. “Uscire” e “andare fuori”: struttura sintattica e semantica lessicale // Sintassi e morfologia della lingua italiana d’uso: teorie e applicazioni descrittive / Franchi De Bellis A., Savoia L., Roma M. (Eds.). Roma: Bulzoni, 1985. Pp. 355–371.

25. Simone R. Esistono verbi sintagmatici in italiano? // Lessico e grammatica. Teorie linguistiche e applicazioni lessicografiche. Atti del Convegno interannuale della SLI (Madrid, 21–25 febbraio 1995) / De Mauro, T., Lo Cascio, V. (Eds.). Roma: Bulzoni, 1997. Pp. 155–170.

26. Slobin D.I. The many ways to search for a frog: linguistic typology and the expression of motion events // Relating Events in Narrative / Strömqvist, S., Verhoeven, L. (Eds.). Vol. 2. Mahwah NJ: Erlbaum, 2004. (http://verbisintagmatici.caissa.it/Slobin% 202004%20-%20The%20many%20ways%20to%20search%20for%20a%20frog.pdf)

27. Slobin D.I. Linguistic representations of motion events: What is signifier and what is signified? // Iconicity Inside Out: Iconicity in Language and Literature / Maeder, C., Fischer, O., Herlofsky, W. (Eds.). V. 4. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005. (http://arslangulthese.free.fr/page_perso_telech/slobin_ 2005_linguistic_representations_of_motion_events.pdf)

28. Slobin, D. I. What makes manner of motion salient? Explorations in linguistic typology, discourse, and cognition // Space in Languages: Linguistic systems and cognitive categories / Hickmann, M., Robert, S. (Eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. (http://verbisintagmatici.caissa.it/Slobin%202006%20-%20What%20makes%20manner%20of%20motion%20salient.pdf)

29. Svenonius P. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. V. 32. № 2. 2008. Pp. 205–253.

30. Svenonius, P. Russian Prefixes are Phrasal // Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages / Zybatow, G., Szucsich, L., Junghanns, U., Meyer, R. (Eds.). V. 5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. Pp. 526–537.

31. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 36–149.

32. Talmy L. Path to Realization: A Typology of Event Conflation. Proceedings of the Berkeley Linguistics Society. V. 17. Pp. 480–519. (https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/ index.php/BLS/article/view/1620/1394)

33. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge MA: MIT Press, 2000.

34. Talmy L. Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 66–168.

35. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1988.

36. Tolkien J. R. R. The Hobbit, or There and Back again. London, 1937.

37. Tolkien J. R. R. Lo Hobbit o la riconquista del tesoro / Trad. di E. Jeronimidis Conte. Milano: Adelphi, 1989.

Резюме

Данная работа посвящена изучению способов лексикализации ситуации движения в итальянском и русском языках, выражающих семантические компоненты ситуации движения при помощи различных языковых средств, согласно типологической классификации, введенной Л. Талми.

Фокус нашего исследования направлен на соотношение русской приставки *вы-* с ее итальянскими коррелятами. Путем сопоставительного анализа мы проверили гипотезу о появлении и распространении в итальянском языке тенденции к гибридизации при лексикализации ситуации движения. В работе представлены промежуточные результаты сопоставительного анализа текстов на трех разных языках: английском, русском и итальянском. Во избежание прямой интерференции при переводе приставочных глагольных форм с русского языка на итальянский, в качестве источника анализа мы выбрали повесть *The Hobbit, or There and Back Again* на языке оригинала, в русском переводе 1976 г. и в итальянском переводе 1989 г.

Промежуточные результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в итальянском языке наблюдается тенденция к лексикализации семантического компонента ‘маршрут’ при помощи различных средств, среди которых выделяются адвербиальные частицы, выполняющие функцию, похожую на функцию русской приставки *вы-*. На следующем этапе исследования возможно обоснование нового подхода в преподавании и обучении русскому и итальянскому языкам как иностранным.

Ключевые слова: глаголы движения, способ, маршрут, сателлиты, приставки

THE LEXICALIZATION OF THE MOVEMENT COMPONENTS IN ITALIAN AND RUSSIAN (IN TERMS OF "SATELLITES" RELATION)

Giulia Zangoli
PhD Student, University of Bologna,
Department of Interpretation and Translation
zangiuli@gmail.com, giulia.zangoli2@unibo.it

Summary

The paper deals with the lexicalization of the movement components in Russian and Italian. According to Leonard Talmy's original typological classification, these two languages express the semantics of movement components in two different ways.

Our research has mainly focused on the relationship between the Russian prefix *vy-* and its Italian correlates. Using a contrastive approach, we have tested our hypothesis that in contemporary Italian there is an increasing tendency to use hybrid constructions when the lexicalization of the movement situation is used. The paper presents the intermediate results of a comparative analysis of texts in three different languages: English, Russian and Italian.

The source text for our corpus-based analysis is J.R.R. Tolkien's novel *The Hobbit, or There and Back Again* (1937), together with its Russian (1976) and Italian (1989) translations. We have compiled a corpus that includes texts in three different languages to avoid linguistic interference while translating prefixed verbs from Russian into Italian.

The intermediate results of our study confirm our hypothesis that in contemporary Italian there is a tendency to lexicalize the semantic component 'path' in adverbial particles, which approximately function as the Russian prefix *vy-*. A further stage of our research can lead to a new approach to teaching and learning Russian and Italian as foreign languages.

Keywords: verbs of motion, manner, path, satellites, prefixes

References

1. Russkaja grammatika [Russian Grammar]. V.1. Moscow, 1980.

2. Apresjan, Ju.D. Leksikograficheskij portret glagola VYJTI [A lexicographic portrait of VYJTI] // Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy.

Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected works. An Integrated Theory of Language and Systematic Lexicography]. V. 2. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1995.

3. Beavers, J., Levin, B., Tham, S.W. The typology of motion expression revisited // Journal of Linguistics. 2010. № 46. Pp. 331–377.

4. Berman, R., Slobin, D. Relating Events in Narrative: A Crosslinguistic Developmental Study. Hillsdale NJ: Erlbaum, 1994.

5. Cadierno, T. Learning to talk about motion in a foreign language // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / Robinson, P., Ellis, N. C. (Eds.). New York, London: Routledge, 2008. Pp. 239–275.

6. Cini, M. I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Atti delle giornate di studio (Torino, 19-20 febbraio 2007) / Ed. by M. Cini. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

7. Dobrushina, E.R. Korpusnye issledovanija po morfemnoj, grammaticheskoj i leksicheskoj semantike russkogo jazyka [Corpus-based Studies on Morphemic, Grammatical and Lexical Semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2014.

8. Dobrushina, E.R., Paillard, D. Pristavochnaja paradigma russkogo glagola: semanticheskie mehanizmy [The prefixal paradigm of Russian verbs: semantic mechanisms] // Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo [Russian Verbal Prefixation: Polysemy and Semantic Integrity] / E.P. Dobrushina, E.A. Mellina, D. Paillard (Eds.). Moscow: Russkie slovari, 2001. Pp. 11– 254.

9. Germain, C., Netten, J. A new paradigm for the learning of a second or foreign language: the neurolinguistic approach // Neuroeducation. V. 1. № 1. 2012. Pp. 85–114.

10. Iacobini, C., Masini, F. The emergence of verb-particle constructions in Italian locative and actional meanings // Morphology. № 16. 2006. Pp. 155–188.

11. Iacobini, C. The role of dialects in the emergence of Italian phrasal verbs // Morphology. № 19. 2009. Pp. 15–44.

12. Iacobini, C. The number and the use of manner verbs as a cue for typological change in the strategies of motion events encoding // Space in Language. Proceedings of the Pisa International Conference / Marotta, G., Lenci, A., Meini, L., Rovai, F. (Eds.). Pisa: ETS, 2010. Pp. 495–514.

13. Iacobini, C. Grammaticalization and innovation in the encoding of motion events // Folia Linguistica. V. 46. № 2. 2012. Pp. 359–385.

14. Krongauz, M.A. Pristavki i glagoly v russkom jazyke: semanticheskaja grammatika [Prefixes and Verbs in Russian: A Semantic Grammar]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.

15. Lapesa, G., Lenci, A. Italian Verbs of Manner of Motion at the Syntax-Semantics Interface: a Distributional Analysis. Linguistic Evidence (https://portal.ikw.uni-osnabrueck.de/~glapesa/materials/Lapesa_Lenci_tubingen.pdf)

16. Mayer, M. Frog, where are you? New York: Dial Books for Young Readers, 1969.

17. Majsak, T.A. Grammatikalizacija glagolov dvizhenija: opyt tipologii [Grammaticalization of Motion Verbs: a Typological Approach] // Voprosy Jazykoznanija [Topics in the study of language]. 2000. № 1. Pp. 10–32.

18. Majsak, T.A. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii [Grammaticalization Paths of Motion and Posture Verbs: a Typology]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2005.

19. Majsak T.A., Rahilina, E.V. Glagoly dvizhenija i nahozhdenija v vode: leksicheskie sistemy i semanticheskie parametry [Verbs of aqua-motion: semantic domains and lexical systems] // Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija [Lexical Typology of Aqua-motion] / T.A. Majsak, E.V. Rahilina (Eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 27–75.

20. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Russian National Corpus] // http://www.ruscorpora.ru.

21. Schwarze, Ch. “Uscire” e “andare fuori”: struttura sintattica e semantica lessicale // Sintassi e morfologia della lingua italiana d’uso: teorie e applicazioni descrittive / Franchi De Bellis A., Savoia L., Roma M. (Eds.). Roma: Bulzoni, 1985. Pp. 355–371.

22. Simone, R. Esistono verbi sintagmatici in italiano? // Lessico e grammatica. Teorie linguistiche e applicazioni lessicografiche. Atti del Convegno interannuale della SLI (Madrid, 21–25 febbraio 1995) / De Mauro T., Lo Cascio V. (Eds.). Roma: Bulzoni, 1997. Pp. 155–170.

23. Slobin, D.I. The many ways to search for a frog: linguistic typology and the expression of motion events // Relating Events in Narra-

tive / Strömqvist S., Verhoeven L. (Eds.). Vol. 2. Mahwah NJ: Erlbaum, 2004. (http://verbisintagmatici.caissa.it/Slobin%202004%20-%20The%20many%20ways%20to%20search%20for%20a%20frog.pdf)

24. Slobin, D.I. Linguistic representations of motion events: What is signifier and what is signified? // Iconicity Inside Out: Iconicity in Language and Literature / Maeder C., Fischer O., Herlofsky W. (Eds.). V. 4. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005. (http://arslangulthese.free.fr/page_perso_telech/slobin_2005_linguistic_representations_of_motion_events.pdf)

25. Slobin, D. I. What makes manner of motion salient? Explorations in linguistic typology, discourse, and cognition // Space in Languages: Linguistic systems and cognitive categories / Hickmann M., Robert S. (Eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. (http://verbisintagmatici.caissa.it/Slobin%202006%20-%20What%20makes%20manner%20of%20motion%20salient.pdf)

26. Svenonius, P. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. V. 32. № 2. 2008. Pp. 205–253.

27. Svenonius, P. Russian Prefixes are Phrasal // Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages / Zybatow G., Szucsich L., Junghanns U., Meyer R. (Eds.). V. 5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. Pp. 526–537.

28. Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 36–149.

29. Talmy, L. Path to Realization: A Typology of Event Conflation. Proceedings of the Berkeley Linguistics Society. V. 17. Pp. 480–519. (https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/BLS/article/view/1620/1394)

30. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge MA: MIT Press, 2000.

31. Talmy, L. Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 66–168.

32. Tatevosov S.G. Mnozhestvennaja prefiksacija i anatomija russkogo glagola [Multiple prefixation and the anatomy of Russian verb] // Korpusnye issledovanija po russkoj grammatike [Corpus-based Studies in Russian Grammar] / K.L. Kiseleva, V.A. Plungjan, E.V. Rahilina, S.G. Tatevosov. Moscow: Probel–2000, 2009. Pp. 92–157.

33. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1988.

34. Tolkien, J. R. R. The Hobbit, or There and Back again. London, 1937.

35. Tolkien, J. R. R. Lo Hobbit o la riconquista del tesoro / Trad. di E. Jeronimidis Conte. Milano: Adelphi, 1989.

36. Zaliznjak, A.A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija [Polysemy in Language and Ways of Representing]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ПЕРИОДА

Дурыманова Анастасия Дмитриевна
аспирант, Институт Лингвистики РГГУ (Москва)
durymanova.a.d@mail.ru

Введение

Современный китайский язык, в том виде и многообразии, в котором он существует сегодня, является результатом, прежде всего, глоттогенеза, эволюции языка. В грубом приближении древнекитайский язык – язык-предок для всех когда-либо существовавших и существующих диалектных форм китайского языка.

Важным аспектом является и тот факт, что древнекитайский язык – не абстрактное лингвистическое явление, а полноценный язык, на котором не только писали, но и говорили люди тех времен. Поэтому доступные нам тексты сегодня все чаще рассматриваются не только через призму специального письменно-литературного языка, но и как (возможно, несовершенное) письменное отражение живой разговорной речи [Старостин 2012: 5–9]. Это означает, что при всей своей уникальности древнекитайский язык все же не должен и не может нарушать типологические универсалии и закономерности, которые существуют в других языках мира. Например, в рамках концепции древнекитайского языка как «языка без правил» (в частности без деления на части речи) допустимо утверждение, что любое существительное может становиться глаголом и наоборот. Однако ни в одном живом языке мира (включая изолирующие) подобного явления, насколько нам известно, не наблюдается. Логично будет предположить, что и древнекитайский язык существовал по законам, актуальным для всех остальных языков изолирующего типа, а значит, накладывал определенные грамматические ограничения на свободное употребление слов в той или иной функции.

То, что китайский язык отличен от привычного «пор-роялевского»[32] шаблона, легко способствует формированию заве-

[32] Грамматика Пор-Рояля – первое фундаментальное грамматическое сочинение, позиционируемое как учебник универсальной грамматики. Оно было написано в 1660 году аббатами французского монастыря Пор-Рояль Антуаном Арно и Клодом Лансло.

домо ложного мнения о нем как о некоем аморфном языковом феномене, где нет ничего, кроме контекста. В частности, это касается вопроса о существовании частей речи в древнекитайском языке.

Общие сведения

Древнекитайский язык, являясь языком без морфологии, представляет для исследователей нерешенную задачу в вопросе выделения частей речи. За неимением морфологических критериев, части речи выделяются только на основе семантико-синтаксических критериев. Большинство китаистов выделяют, по крайней мере, два класса слов: существительные и глаголы [Яхонтов 1965: 40–46; Никитина 1982: 3–28; Branner 2005: 1–45].

Жесткая структура китайского предложения с фиксированным порядком слов SVO позволяет определять синтаксическую позицию лексемы. Довольно большое число лексем при этом могут выступать как в функции предиката (характерной для глаголов), так и в функции глагольного аргумента (типичной для имен) [Schuessler 2007]. При этом лексемы, которые традиционно считаются существительными, реже употребляются в предикативной позиции, чем глаголы – в аргументных позициях (хотя это явление все же нельзя назвать исключительным). Семантика существительного позволяет предположить, насколько частотной может быть у него предикативная функция: слова, обозначающие предметы, редко выступают в функции предиката, в отличие от слов, обозначающих состояния или абстрактные понятия. В связи с этим возникает вопрос: если некоторая лексема, в частности лексема с предметным значением, может употребляться в разных синтаксических позициях, то доказывает ли это отсутствие у данной лексемы исходной синтаксический функции или же ее способность изменять свою исходную синтаксическую функцию? [Kieviet 2016: 74].

Если для большинства сино-тибетских языков лингвистической нормой является переход глагола в имя, то обратный процесс можно считать редким явлением. В связи с этим встает вопрос: могут ли слова с предметным значением употребляться в предикативной позиции? Какие это слова, сколько их, насколько часто и в каких глагольных позициях они выступают?

Материалы и методы исследования

Для исследования мы выбрали памятник эпохи империи Хань «Луньхэн»[33] (I в. н.э.), состоящий из 85 глав разной тематики (≈ 600 стр. А4), так как, в отличие от других памятников данного периода, он наиболее точно, насколько это возможно, передает живую речь ханьского периода. Авторское словотворчество и намеренная архаизация слога присутствуют в нем лишь в небольшой степени, тогда как большинство ханьских памятников отличается характерным авторским самобытным стилем и высокой степенью словотворчества [Karlgren 1952: 51–80].

Мы исследовали существительные, обозначающие физические предметы, в функции предиката, то есть в несвойственных им синтаксических позициях, основываясь на критериях дистрибуции. Среди всего количества именных лексем с подобной семантикой в «Луньхэне» было обнаружено 7 удовлетворяющих вышеуказанным критериям лексем, способных употребляться в предикативной функции: 鉤gōu ‘крюк’, 佩pèi ‘подвеска на поясе’, 鼓gǔ ‘барабан’, 帶dài ‘пояс’, 杖zhàng ‘посох’, 毒dú ‘яд’, 軌guǐ ‘колея’.

Следующим этапом исследования обнаруженных лексем «Луньхэна» стал их анализ на массиве текстов более древних периодов XI в. до н.э. – V в н.э. (≈ 100 памятников) по корпусу древнекитайских текстов ctext.org. Как уже отмечалось выше, «Луньхэн» является памятником эпохи Хань, периода расцвета авторского творчества, а соответственно и авторского языка и словотворчества. Анализ искомых лексем на массиве более ранних текстов поможет привести ряд аргументов, доказывающих или опровергающих авторское употребление данных лексем в функции предиката. Кроме того, он поможет доказать или опровергнуть идею о том, что данный авторский памятник письменного творчества пригоден для изучения языка в целом, а не только языка конкретного автора. Статистические данные помогут нам определить, возможно ли употребление предметных лексем древнекитайского языка в качестве предиката.

В то же время само понятие «древнекитайский язык» довольно пространное, оно охватывает временной период от XIV–XV вв. до н.э. (первые зафиксированные гадательные надписи на

---

[33] 论衡Lùnhéng «Луньхэн» – «Весы суждений» или «Критические рассуждения» единственное дошедшее до нашего времени произведение мыслителя и просветителя эпохи Хань Ван Чуна (27 –ок. 97 г. н. э.).

костях и панцирях – 甲骨文*цзягувэнь*; в отечественной системе периодизации древнекитайского языка данный этап называют «архаичным») до I–IV/V вв. н.э. (в той же системе периодизации этот этап именуется позднедревнекитайским) [Крюков, Хуан Шуин 1978: 7]. В первую очередь следует отметить, что не все периоды развития древнекитайского языка одинаково пригодны для проведения на их основе детальных исследований по лексике и грамматике этого языка. По письменным памятникам цзягувэнь довольно трудно судить о языковых особенностях грамматики или лексики древнекитайского языка архаичного периода. Это связано с тем, что тексты архаичного периода не отличаются многообразием, как правило, они создавались как элементы шаманизма в целях общения с духами. Такие тексты всегда строились по определенным сходным шаблонам и были объединены тематикой гадания. Таким образом, при анализе лексико-грамматических особенностей древнекитайского языка (в данной работе в частности) целесообразнее исключить этот этап, начав с периода X–VI вв. до н.э. (в системе периодизации [Крюков, Хуан Шуин 1978: 7] – раннедревнекитайский язык, или – в англоязычной традиции – Early Zhou Chinese, т. е. раннечжоуский китайский язык [Schuessler 1987: 9]).

Для обнаруженных лексем, удовлетворяющих критерию «существительное в функции» предиката, мы предложили ряд параметров, по которым можно определить их исходную синтаксическую принадлежность, тем самым подтвердив нестандартность предикативной функции. Статистический анализ памятников более ранних периодов дал возможность говорить о процентном соотношении именной и предикативной функций лексем, а также предполагать, является ли обнаруженная лексема в «Луньхэне» авторским творчеством или сохранившейся нормой живого языка.

Результаты

В ходе анализа удалось произвести перекрестные подсчеты частоты употребления исследуемых вышеуказанных слов и представить результаты в общем виде для текста «Луньхэна» (см. рис.1), где частотность употребления каждого слова в процентах:

- 鉤gōu ‘крюк’ 2,7%;
- 佩pèi ‘подвеска на пояс’ 27,27%;

- 鼓gǔ ‘барабан’ 21,79%;
- 帶dài ‘пояс’ 19,44%;
- 杖zhàng ‘посох’ 9,37%;
- 毒dú ‘яд’ 7,81%;
- 軌guǐ ‘колея 37,5%;

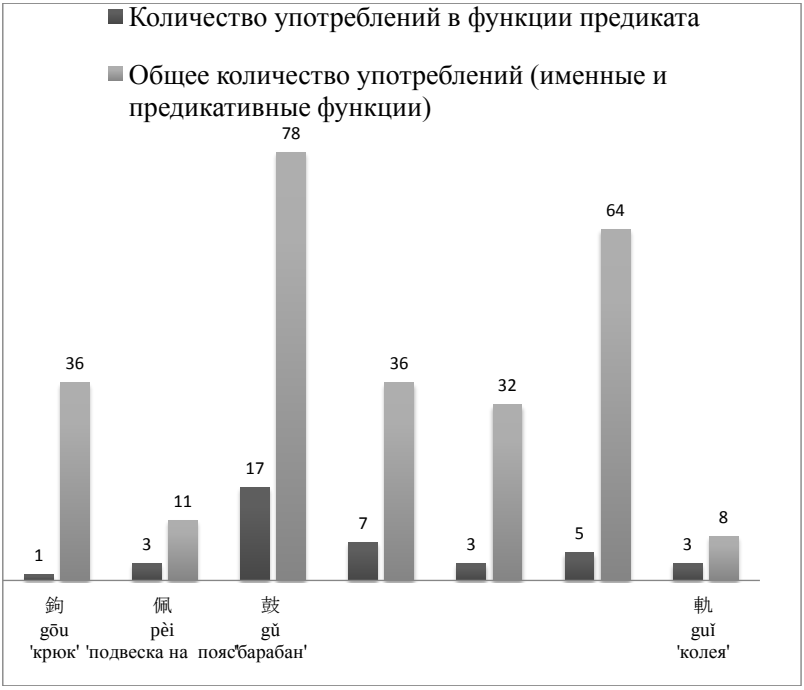


Рисунок 1. Количество употреблений исследуемых слов в памятнике «Луньхэн».

Аналогичную диаграмму можно построить и по результатам текстов более древних периодов XI в. до н.э. – V в н.э. (см. рис. 2), где частотность употребления каждого слова в процентах:

- 鉤gōu ‘крюк’ 3,06%;
- 佩pèi ‘подвеска на пояс’ 15,84%;
- 鼓gǔ ‘барабан’ 9,39%;
- 帶dài ‘пояс’ 12,89%;
- 杖zhàng ‘посох’ 15,78%;
- 毒dú ‘яд’ 5,64%;
- 軌guǐ ‘колея’ 12,67%;

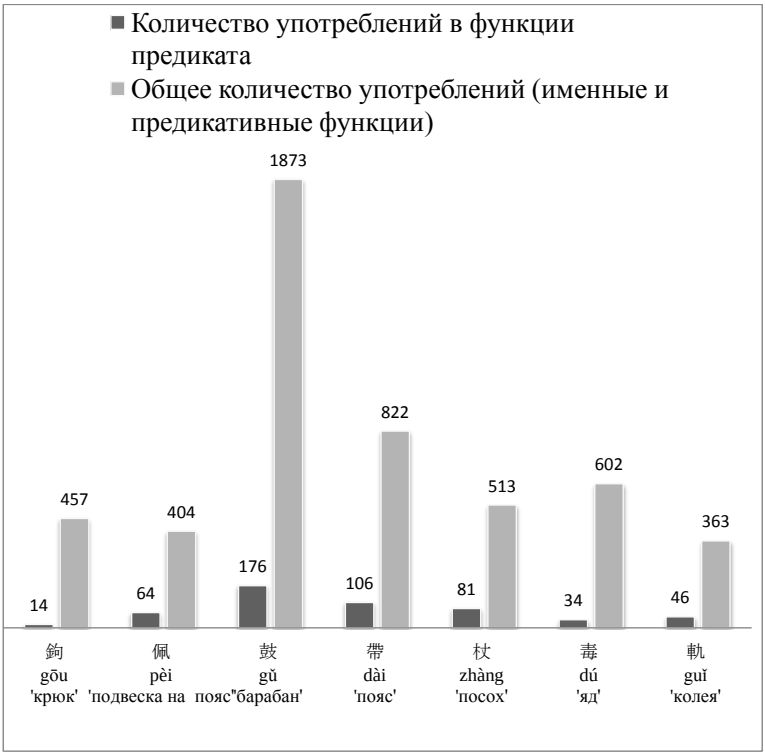


Рисунок 2. Количество употреблений исследуемых слов в памятниках XI в. до н.э. – V в н.э.

Статистические данные представлены также в таблице, где наглядным образом показано количество употреблений в «Лунь-хэне» и в текстах более ранних периодов (табл. 1).

Таблица 1

Общие статистические данные по частотности употребления предметных лексем в функции предиката

	СИНТАКСИС					
	Статистика по дистрибуции					
	Луньхэн I в.н.э.			Тексты XI в. до н.э. – V в н.э.		
	Общее кол-во употреблений (именные и предикативные функции)	Кол-во употреблений в позиции предиката	Процент встречаемости в позиции предиката	Общее кол-во употреблений (именные и предикативные функции)	Кол-во употреблений в позиции предиката	Процент встречаемости в позиции предиката
鉤 gōu ‘крюк’	36	1	2,7%	457	14	3,06%
佩 pèi ‘подвеска на поясе’	11	3	27,27%	404	64	15,84%
鼓 gǔ ‘барабан’	78	17	21,79%	1873	176	9,39%
帶 dài ‘пояс’	36	7	19,44%	822	106	12,89%
杖 zhàng ‘посох’	32	3	9,37%	513	81	15,78%
毒 dú ‘яд’	64	5	7,81%	602	34	5,64%
軌 guǐ ‘колея’	8	3	37,5%	363	46	12,67%

Очевидно, что большинство исследуемых слов успешно используется и в именной (1–7a), и в предикативной функциях (1–7b), что проиллюстрировано нижеследующими примерами из «Луньхэна».

1(a)
gù *yǒu* *shè* ***gōu***
故 有 射 **鉤**
Поэтому иметь стрела **крюк**(OBJ)
‘Поэтому у них есть стрелы и **крюки’**.
1(b)
zhǎng chū zhī xiàng wèi yuè tóng suǒ ***gōu***
長 初 之 象 為 越僮 所 **鉤**
Длина жэнь ATR слон делать Аннам то,что **крюк**(PRED)
‘Слон, высотой в жэнь, **управляется крюком** Аннамского махаута (делает то, что махаут крючит)’.

2(a)
wǔ *rén* *jiē* *mùyù* ***pèi****yù*
五 人 皆 沐浴 佩玉
Пять человек все мыть яшмовая.**подвеска** (OBJ)
‘Все пятеро моют нефритовую **подвеску** для пояса’.
2(b)
pèi *dāo* *yú* *yòu*
佩 刀 於 右
Подвеска.на.поясе(PRED) нож LOC право
‘**Подвесил** нож справа **на поясе’**.

3(a)
gǔ *yóu* *tiān*
鼓 猶 天
Барабан(OBJ) словно Небо
‘**Барабан** подобен Небу’.
3(b)
Shī Kuàng **gǔ** qín
師曠 鼓 琴
Наставник Куан **барабан**(PRED) цинь
‘Наставник Куан **играл на** цине’.

4(a)
gōu guà yú ***dài***
鉤 挂 於 帶
Крюк свисать LOC **пояс**(OBJ)
‘Крюк свисал с **пояса’**.
4(b)
dài *tiān zǐ zhī shòu*
帶 天 子 之 綬
Пояс(PRED) Небо сын ATR лента
‘**Подпоясался** лентой Сына Неба (императора)’.

5(a)
Zi xià tóu qí ***zhàng*** *ér bài*
子夏 投 其 杖 而 拜
Цзыся отбросить 3.GEN **посох**(OBJ) CONJ кланяться
‘Цзыся бросил свой **посох** и поклонился’.
5(b)
[Shī shàng fǔ] ***zhàng*** *yuè bǎ máo*
[师尚父] 杖 鉞 把 旄
Ши Шан-фу **посох**(PRED) Юэ держать бунчук
‘[Наставник и отец Шан] в одной руке **словно посох держал** топор Юэ, в другой – бунчук’.

6(a)
qí ***dú*** *xiàng rén zhī bīng*
其 毒 象 人 之 兵
3.GEN **яд**(SBJ) походить человек ATR оружие
‘Его **яд** словно человеческое оружие’.
6(b)
yāo chū bù néng ***dú***
妖 出 不 能 毒
Бес появляться NEG мочь **яд**(PRED)
‘Если появляется бес, он не может **отравить’**.

7(a)
yì wáng Qín zhī ***guǐ***
易 亡 秦 之 軌
Легко забыть Цинь ATR **колея**(OBJ)
‘Легко забыть **праведный путь (колею)** империи Цинь’.

7(b)

guài	*bù*	***guǐ***	*zhī*	*xīn*
怪	不	軌	之	心
Оборотень	NEG	**колея**(PRED)	3.GEN	сердце

‘Оборотни **не следуют** своему сердцу’.

Выводы

Предположения о способности лексем, обозначающих физические объекты, употребляться в позиции предиката подтвердились. Однако интересен тот факт, что процент встречаемости у многих из них довольно высок (как у 佩pèi ‘подвеска на поясе’ 15,84% или 軌guǐ ‘колея’ 12,67%). Помимо этого, все обнаруженные лексемы, удовлетворяющие исходным параметрам анализа, в позиции предиката проявляли переходную модель управления[34].

Можно заключить, что статистические данные могут быть полезны для определения исходной синтаксической функции лексемы. Анализ искомых лексем на массиве более ранних текстов может подтвердить, что употребление искомых лексем в функции предиката в «Луньхэн» не является авторским творчеством, а также подкрепляет идею о том, что данный авторский памятник письменного творчества пригоден для изучения языка в целом, а не только языка конкретного автора. Также статистические данные явно говорят о возможности употребления предметных лексем древнекитайского языка в качестве предиката. При этом данные не могут подтвердить теорию о чистой конверсии. По-видимому, данные лексемы все же сохраняют за собой исходную синтаксическую функцию имени, но при определенных условиях способны принимать дополнительную предикативную функцию.

Подобные процентные данные и выводы релевантны и для анализа в рамках одного памятника («Луньхэн»), и для памятников XI в. до н.э. – V в н.э., что еще раз иллюстрирует пригодность «Луньхэна» в качестве источника выявления неоднозначных именных лексем, функционирующих в качестве предиката, не-

---

[34] Переходная модель управления для鉤gōu ‘крюк’ («Ханьши вай чжуань» II в. до н.э.):

tuì	*zhě*	***gōu***	*zhī*
退	者	鉤	之

Отступать тот.кто **крюк**(PRED) 3.GEN

‘Когда враг начал отступать, [они] **поймали их крюками**’.

смотря на время его создания – эпоха Хань, период развития личного авторского творчества и характерных авторских не повсеместно распространенных литературных приемов.

Также можно предполагать, что частота употребления лексем, обозначающих физические объекты, непосредственно коррелирует с их семантикой. Лексемы с подобной семантикой наиболее вероятно окажутся обладателями исходной именной синтаксической функции, нежели лексемы, обозначающие абстрактные понятия (сравнить: крюк – скрючить кого-либо/что-либо и выгода – быть выгодным кому-либо).

Незначительные расхождения в процентных данных между двумя сравниваемыми областями (*чаще* Луньхэн > XI в. до н.э. – V в н.э.) можно объяснить тем, что исследуемые слова в «Луньхэне» употребляются в главах с соответствующей тематикой. Например, в главах, посвященных бесам, можно часто встретить пассажи о бесовском яде, который может отравить, а в главах о правилах для благородного мужа подробно описываются его одеяния, в том числе пояса, подвески, или колея праведного пути. Это дает нам основание считать, что потребность использовать ту или иную лексему у автора выше в зависимости также и от выбранной тематики главы или книги.

Список сокращений

OBJ – объект; ATR – атрибутив; PRED – предикат; LOC – локатив; 3 – третье лицо; GEN – генитив; CONJ – союз; SBJ – субъект; NEG – отрицание

Литература

1. Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 497 с.
2. Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. Л.: 1982. 148 с.
3. Старостин Г.С. К вопросу о методологии языкового анализа древнекитайских текстов // Вестниг РГГУ. 2012. №20 (100). С. 216–248.
4. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: 1965. 105 с.
5. Branner D. On Early Chinese Morphology and its Intellectual History // Journal of the Royal Asiatic Society for 2003. 2005. P. 1–45.

6. Karlgren B. New excursions in Chinese Grammar // Bulletin №24 of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1952. P. 51–80.

7. Kieviet P. A grammar of Rapa Nui the language of Easter Island. Ridderkerk, 2016. 607 p.

8. Schuessler A. A Dictionary of Early Zhou Chinese. Honolulu: University of Hawaii press, 1987. 876 p.

9. Schuessler A. ABC Etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu, 2007. 658 p.

10. Корпус письменных памятников древнекитайского периода [Электронный ресурс] URL: https://ctext.org/ (дата обращения: 15.03.2019)

Резюме

В данной статье рассматриваются вопросы лексических категорий в языке памятников древнекитайского периода, в частности в памятнике I в. н.э. «Луньхэн»: существуют ли лексические категории в принципе, и если это так, то, в частности, могут ли слова с предметным значением употребляться в предикативной позиции. В таком случае, что это за слова, сколько их, в каких глагольных позициях они употребляются и насколько часто?

Некоторые именные лексемы из «Луньхэна» были отобраны для анализа на основании следующих критериев: семантика (обозначают физический объект), способность выступать в функции предиката. Статистический анализ памятников более ранних периодов дал возможность говорить о процентном соотношении именной и предикативной функций лексем, а также предполагать, является ли предикативное употребление той или иной лексемы в «Луньхэне» особенностью авторского стиля или сохранившейся нормой живого языка.

Полученные данные позволяют привести ряд аргументов, например, наличие четкой исходной синтаксической функции и ее доминирование в текстах, в пользу того, что слово не может свободно принимать как глагольную, так и именную роли.

Ключевые слова: лексические категории, древнекитайский язык, синтаксическая функция

PREDICATIVE FUNCTION OF NOMINAL LEXEMES IN ANCIENT CHINESE

Durymanova Anastasia
Russian State University for the Humanities (Moscow)
durymanova.a.d@mail.ru

Summary

The paper deals with the problem of lexical categories in the Ancient Chinese language, specifically “Lunheng” language (I A.D.). The main questions are as follows: (1) do lexical categories exist? (2) if yes, could a nominal lexeme indicating a real physical object be used as a predicate? In this case, what are these words, how many are they, what are their verbal syntactic positions, how frequently it happens?

I analyzed several nouns from the treatise “Lunheng” (I A.D.) chosen on the basis of the following criteria: possibility of predicative usage, semantics (physical object). Statistical analysis of texts XI B.C. – V A.D. gave a percentage ratio of nominal and predicative syntactic functions, which give us an opportunity to suppose whether the predicative usage of a particular nominal lexeme is due to the peculiarities of the author’s individual style or a normal phenomenon for the language of that period of time.

The results could give a number of arguments proving that the shift of the syntactic function of the nominal lexeme doesn’t indicate the total absence of its basic syntactic function but may be the marker of its existence. The results could also help to prove that a basic nominal lexeme can share verbal properties in more or less degree.

Keywords: lexical categories, ancient Chinese, syntactic function

References

1. Kryukov M.V., Huan Shuin. Drevnekitajskij yazyk. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1978. 497 s.
2. Nikitina T. N. Grammatika drevnekitajskih tekstov. L.: 1982. 148 s.
3. Starostin G.S. K voprosu o metodologii yazykovogo analiza drevnekitajskih tekstov // Vestnik RGGU. 2012. №20 (100). S. 216–248.
4. Yahontov S. E. Drevnekitajskij yazyk. M.: 1965. 105 s.

5. Branner D. On Early Chinese Morphology and its Intellectual History // Journal of the Royal Asiatic Society for 2003. 2005. P. 1–45.

6. Karlgren B. New excursions in Chinese Grammar // Bulletin №24 of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1952. P. 51–80.

7. Kieviet P. A grammar of Rapa Nui the language of Easter Island. Ridderkerk, 2016. 607 p.

8. Schuessler A. A Dictionary of Early Zhou Chinese. Honolulu: University of Hawaii press, 1987. 876 p.

9. Schuessler A. ABC Etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu, 2007. 658 p.

10. Corpus of written Ancient Chinese texts URL: https://ctext.org/ (accessed: 15.03.2019)

О НЕЭКОНОМНОСТИ ТЕОРИИ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Зеленский Дмитрий Максимович
магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
dz-zd@mail.ru

Введение

В окологенеративной лингвистической традиции существует множество возникших в разное время конкурирующих теорий, как касающихся какой-то конкретной сферы (фонологии ([Chomsky, Halle 1968], [Goldsmith 1976], среди прочих), семантики (например, [Heim, Kratzer 1998]), морфологии ([Aronoff 1985], [Halle, Marantz 1993]), синтаксиса (правда, в этом случае чаще как части более широкого описания, но ср. Лексико-функциональную грамматику [Dalrymple 2001], созданную выходцами из генеративной традиции и очевидно испытывающую её влияние)), так и претендующих на более или менее всеобъемлющее описание.

Одной из теорий последнего типа является теория оптимальности ([Prince, Smolensky 1993; Kager 2004]; далее – ТО), первоначально предложенная на фонологическом материале, но претендующая на описание грамматики в целом, что подтверждается нижеприведённой цитатой: «Важно ещё раз подчеркнуть, что ТО не теория исключительно фонологии, а скорее теория грамматики. Следовательно, главная идея в основе ТО, идея иерархически упорядоченных ограничений, которые нарушаются минимально, в принципе, с тем же успехом применима к нефонологическим явлениям»[35] [Kager 2004: 341].

Практически одновременно с ТО возникла так называемая минималистская программа, или минимализм[36] [Chomsky 1993], выдвигающая новые требования к лингвистическим теориям. Поскольку ядро генеративистов по меньшей мере на словах принимает её, а ТО считает себя частью генеративной лингвистики, имеет смысл обсуждать, насколько они совместимы. Это тем

[35] “It is important to emphasize once again that OT is not a theory of phonology proper, but rather a theory of grammar. Therefore the basic idea underlying OT, that of hierarchically ranked constraints which are minimally violated, is, in principle, equally well applicable to non-phonological phenomena”, перевод цитат здесь и далее мой.

[36] В англоязычной литературе минимализм и связанные с ним термины обычно пишутся с заглавной буквы (как и оба слова в теории оптимальности – Optimality Theory), однако причин переносить эту привычку на русскоязычную почву не наблюдается.

важнее, что по крайней мере в некоторых изложениях ТО эксплицитно претендует на наличие связи с минимализмом, например: «Более сильный тип параллелизма между стандартным синтаксисом и ТО, который будет играть важную роль в дальнейшем обсуждении, заключается в понятии **экономии**. Это понятие происходит из недавних работ в рамках “Минималистской” синтаксической теории. <…> Это понятие экономии деривации и репрезентации крайне схоже с принципом “делай лишь при необходимости” в ТО»[37] [Kager 2004: 343].

Данная тема исследования актуальна, поскольку теория оптимальности чрезвычайно влиятельна среди американских и европейских фонологов, в то время как минимализм и вовсе стал фактическим стандартом генеративного синтаксиса.

В то время как сама тема уже поднималась, в том числе в специальном сборнике [Broekhuis, Vogel 2006], направление, рассматриваемое в данной работе, насколько нам известно, никем другим не затрагивалось.

Теория оптимальности и её ранняя критика

ТО – это теория грамматики, предполагающая в каждом модуле грамматики каждого языка (или на каждом уровне модуля, если таковых в нём предполагается несколько, как, например, в [Kiparsky 2003]) четыре части:

- Gen, универсальный (т.е. единый для всех языков) интерфейс, практически без ограничений генерирующий набор кандидатов («Генератор может подавать на вход структуры любого объёма, держась в рамках словаря репрезентаций лингвистической теории»[38] [Kager 2004: 344]);
- конкретно-языковая иерархия на универсальном наборе нарушаемых противоречивых ограничений Con (обычно предполагается полный порядок, но, например, в [Anttila 1997] предполагается частичное упорядочивание);

[37] “A stronger kind of parallelism between standard syntax and OT, and one that will also play an important role in the discussion below, is that of ‘economy’. This notion stems from recent work in ‘Minimalist’ syntactic theory. <…> This notion of economy of derivation and representation is highly similar to the ‘do only when necessary’ principle of OT”. В оригинальном тексте (первое) слово economy дано не только в марровских кавычках, но и курсивом.

[38] “Any amount of structure may be posited on the input by Gen, while keeping within the representational vocabulary of linguistic theory”.

- Eval, универсальный интерфейс оценки, соотносящий входы и выходы Gen с вышеупомянутой иерархией;
- наконец, универсальный набор элементов, из которых генерируются кандидаты (только их фонологический облик является конкретно-языковым).

Разумеется, как и любая влиятельная теория, ТО сталкивалась с некоторой критикой. Большая её часть обсуждена и отвергнута в [Smolensky 2002]. Так, неверно, что:

1. в ТО на выходе все слова должны выглядеть «ба» (или «та»; т.н. ограничения преданности предотвращают подобный результат);
2. ТО несовместимо с пошаговой обработкой (существует так называемый «гармонический сериализм», представляющий собой как раз пошаговую обработку; предпочтение параллельной ТО – результат работы в рамках ТО, а не исходное её допущение);
3. параллельная ТО не описывает так называемые явления непрозрачности (opacity effects – ситуации, когда, в терминах деривационных теорий, применение одного правила влияет на применимость другого, изменяя данные);
4. бесконечный набор структур на выходе генератора опровергает ТО из-за конечности ресурсов мозга (не любая задача с бесконечным количеством кандидатов требует фактического перебора по ним);
5. ТО лишено объяснительной силы, поскольку не объясняет источник используемых ограничений;
6. ТО объяснительно неадекватно из-за «слишком большого» числа ограничений;
7. объяснительная сила иерархии ограничений не выше, чем у упорядочивания правил;
8. межъязыковое варьирование в ТО бесконечно (поскольку список ограничений универсален, а не свой для каждого языка, это налагает жёсткие рамки на варьирование);
9. разные иерархии сводимы к бинарным параметрам (даже низкие в иерархии ограничения принципиально остаются активными для случаев, когда более высокие не дают ответа);
10. всё межъязыковое варьирование должно храниться в лексиконе просто потому, что его всё равно нужно учить для каждого языка;
11. механическая замена нарушаемых ограничений на ненарушаемые с оговорками «кроме как» (например, «не имей коды,

кроме как когда все кандидаты, не нарушившие более высокое ограничение, имеют её») оправдана.

Новое противоречие

Вопреки процитированному выше утверждению из [Kager 2004: 343], ТО нарушает одно из основных допущений минимализма, которое можно неформально сформулировать как «мозг избегает траты ресурсов» (ср. «the language faculty is nonredundant» ‘языковая способность неизбыточна’ в [Chomsky 1993: 3]). При этом основанием для совершения «траты ресурсов» может быть только информация, доступная мозгу. Следовательно, межъязыковое варьирование не может служить для мозга аргументом в пользу траты ресурсов, поскольку мозгу не нужно знать о множественности языков, чтобы выучить один из них.

Проблема лежит в Gen, но заключается не в том, что его набор кандидатов неизбежно бесконечен (как в четвёртом возражении из списка выше). Как упоминается в [Kager 2004: 26–27], бесконечный набор кандидатов не ведёт к невычислимости, и его можно сокращать по классам, а не вычёркиванием по одному. Проблема в том, что набор, который всё же придётся оценить **и выбросить**, неприемлемо велик. Это не одно и то же. Прежде всего, «неприемлемо велик» не значит «бесконечен» (предобработка может сократить набор до конечного, но проблему это не решает), и наоборот. Но главная разница лежит в другом.

ТО предполагает, что носитель должен в Gen сгенерировать кандидатов А, Б, В и так далее, создавая некое относительно большое число[39] – допустим, 100 – которое действительно должно проходить оценку. После этого работа Eval сводится к тому, чтобы выкидывать их, двигаясь по иерархии ограничений. В конце обычно остаётся один победитель – или потенциально несколько, если иерархия упорядочена лишь частично, как в [Anttila 1997], но всё равно меньшинство, так что на структуру идущей далее аргументации это принципиально не влияет.

Допустим, что наш победитель единственный – кандидат Б.

Тогда получается, что ТО предполагает, что мозг создал сотню структур, 99 из которых выбрасывается, не оказывая никакого влияния на облик уже сгенерированного до работы Eval

[39] [Riggle 2009: 3] оценивает соответствующее количество как факториал от количества вовлечённых ограничений. Поскольку за пределами игрушечных примеров их заведомо больше четырёх, 100 – (намеренно) заниженная оценка.

кандидата Б (что тем самым критически отличает их от промежуточных структур в деривационных подходах наподобие [Chomsky, Halle 1968]). Разумеется, это вычислимо, но это остаётся неприемлемой тратой ресурсов мозга.

Этого следует избегать по тем же причинам, по которым отказались от неограниченного применения трансформации «передвинь α» (ср. [Chomsky 1993: 36]: «В более общем случае «передвинь α» применяется к элементу α, только если иначе морфологические свойства самого α не удовлетворяются»[40]) с проверкой результатов на соответствие островным ограничениям (избавляясь таким образом от трансформаций как таковых).

Как уже было сказано во введении, никем другим[41] это возражение не выдвигалось, вероятно, из-за поверхностного сходства с отвергнутой ранее проблемой невычислимости (указанной четвёртой в списке возражений, отвергнутых в [Smolensky 2002]): оба возражения обращаются к числу порождаемых кандидатов как к недостатку ТО.

Однако сама проблема сочетаемости минимализма и ТО, безусловно, поднималась. В частности, ей был посвящён специальный сборник, [Broekhuis, Vogel 2006].

Одна из статей этого сборника, [Broekhuis 2006], предложила комбинированную модель, в которой сперва синтаксические структуры порождаются стандартным для минимализма образом, а затем проходят оценивание на соответствие семантическим и фонологическим ограничениям в духе ТО. Эта модель избавляется от описанной выше проблемы в синтаксисе – но не в фонологии.

Заключение

В настоящей работе было представлено соображение, делающее несовместимыми минималистскую программу и теорию оптимальности. Поскольку минималистская программа проявила себя как разумным, так и эффективным требованием, а проблема представляется неразрешимой, это означает, что теория оптимальности не должна оцениваться как удачная структурная (в значении [Мельчук 1997] – отражающая не только результаты, но и строение) модель грамматики.

---

[40] “More generally, Move α applies to an element α only if morphological properties of α itself are not otherwise satisfied”.

[41] Одностраничная версия этого возражения представлена в бакалаврском дипломе автора: [Зеленский 2018: 11].

Литература

1. Зеленский Д.М. Генеративно-фонологическое описание фонологической системы литературного финского языка. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. (Выпускная квалификационная работа на звание бакалавра).
2. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1997.
3. Anttila A. Deriving variation from grammar: A study of Finnish genitives // Variation, change and phonological theory / ed. Frans L. Hinskens, Roeland van Hout, W. Leo Wetzels. Amsterdam: John Benjamins, 1997.
4. Aronoff M. Word formation in generative grammar / ed. Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA & London, England: MIT Press, 1985. 3rd edition.
5. Broekhuis H., Vogel R. (eds.). Optimality Theory and Minimalism: A possible convergence? Linguistics in Potsdam 25. Potsdam: Universitätsbibliothek, Publikationsstelle, 2006.
6. Broekhuis H. Derivations (MP) and Evaluation (OT) // Optimality Theory and Minimalism: A possible convergence? Linguistics in Potsdam 25 / ed. Broekhuis Hans, Vogel Ralf. Potsdam: Universitätsbibliothek, Publikationsstelle, 2006.
7. Chomsky N. A minimalist program for linguistic theory // The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / ed. Hale Kenneth, Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
8. Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. New York: Harper & Row Publishers, 1968.
9. Dalrymple M. Lexical Functional Grammar. New York: Academic Press, 2001.
10. Goldsmith J. Autosegmental Phonology. Cambridge, MA: MIT Press, 1976. PhD dissertation.
11. Halle M., Marantz A. Distributive Morphology and pieces of inflection // The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / ed. Hale Kenneth, Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
12. Heim I., Kratzer A. Semantics in Generative Grammar. Malden: Blackwell Publishers, 1998.
13. Kager R. Optimality Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

14. Kiparsky P. Finnish Noun Inflection // Generative approaches to Finnic and Saami languages / ed. Nelson Diane, Manninen Satu. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 109–161.

15. Prince A., Smolensky P. Optimality Theory: Constraints in generative grammar. New York: Rutgers University & University of Colorado, 1993. Manuscript.

16. Riggle J. Generating contenders // Rutgers Optimality Archive. 2009. Vol. 1044.

17. Smolensky P. Optimality Theory: Frequently Asked 'Questions' // Phonological Studies. 2002. Vol. 5.

Резюме

Согласно [Kager 2004], теория оптимальности – теория грамматики, преимущественно используемая в фонологии и основанная на оценивании потенциально бесконечного набора произвольно генерируемых кандидатов на соответствие конкретно-языковой иерархии универсальных ограничений, которые могут нарушаться, и выбором наилучшего. Многие возражения против неё были рассмотрены и отвергнуты одним из её авторов, Полом Смоленски [Smolensky 2002], а невычислимость также и Кагер [Kager 2004: 26–27].

Однако один аргумент ранее никогда не упоминался. Минималистская программа ([Chomsky 1993]) предполагает, что мозг избегает траты ресурсов. Сторонники теории оптимальности зачастую утверждают, что предобработка на уровне генерирования приводит к конечному (хотя и относительно большому) количеству действительно оцениваемых кандидатов. Однако, даже если это так, абсолютное их большинство при оценке выбрасывается, не повлияв на облик победителя (в отличие от систем с правилами, где есть много представлений, но все они отражают одну и ту же строку в разное время). Хотя такая процедура оценки и вычислима, она предполагает нерациональную трату ресурсов.

Комбинированная модель в [Broekhuis 2006], представленная в сборнике, посвящённом отношениям между теорией оптимальности и минимализмом, судя по всему, избегает этой проблемы для синтаксиса, но не для фонологии.

Ключевые слова: методология науки, теория оптимальности, минимализм

ON OPTIMALITY THEORY'S RESOURCE WASTING

Zelenskii Dmitrii
student for Master degree, Lomonosov Moscow State University
dz-zd@mail.ru

Summary

Optimality theory, as per [Kager 2004], is a theory of grammar (mostly used in phonology) based on evaluation of a (potentially infinite) set of mindlessly generated candidates by a language-specific hierarchy of universal violable constraints. Many of the criticisms against it were refuted by one of its authors, Paul Smolensky [Smolensky 2002], and intractability also by [Kager 2004: 26–27].

However, there is a previously never mentioned argument. Minimalism assumes that brain avoids waste of resources (as follows from [Chomsky 1993]). Proponents of Optimality theory tend to claim that preprocessing at generation makes set of the actually evaluated candidates finite (though still relatively large). However, even if this is true, most of them are thrown out during evaluation not influencing the winner (unlike rule systems where you have many levels but all of them are manifestations of the same string at a different time). Such an evaluation procedure is not intractable, yet it presupposes an irrational waste of resources.

Combined model of [Broekhuis 2006], presented in an issue dedicated to relations between Optimality theory and Minimalism, seems to avoid it for syntax, but crucially not for phonology.

Keywords: scientific methodology, optimality theory, minimalism

References

1. Anttila Arto Deriving variation from grammar: A study of Finnish genitives // Variation, change and phonological theory / ed. Frans L. Hinskens Roeland van Hout, W. Leo Wetzels. Amsterdam: John Benjamins, 1997.
2. Aronoff Mark Word formation in generative grammar / ed. Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA & London, England: MIT Press, 1985. 3rd edition.
3. Broekhuis Hans, Vogel Ralf (eds.) Optimality Theory and Minimalism: A possible convergence? Linguistics in Potsdam 25. Potsdam: Universitätsbibliothek, Publikationsstelle, 2006.

4. Broekhuis Hans Derivations (MP) and Evaluation (OT) // Optimality Theory and Minimalism: A possible convergence? Linguistics in Potsdam 25 / ed. Broekhuis Hans, Vogel Ralf. Potsdam: Universitätsbibliothek, Publikationsstelle, 2006.

5. Chomsky Noam A minimalist program for linguistic theory // The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / ed. Hale Kenneth, Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

6. Chomsky Noam, Halle Morris The Sound Pattern of English. New York: Harper & Row Publishers, 1968.

7. Dalrymple Mary Lexical Functional Grammar. New York: Academic Press, 2001.

8. Goldsmith John Autosegmental Phonology. Cambridge, MA: MIT Press, 1976. PhD dissertation.

9. Halle Morris, Marantz Alec Distributive Morphology and pieces of inflection // The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / ed. Hale Kenneth, Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

10. Heim Irene, Kratzer Angelika Semantics in Generative Grammar. Malden: Blackwell Publishers, 1998.

11. Kager René Optimality Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

12. Kiparsky Paul Finnish Noun Inflection // Generative approaches to Finnic and Saami languages / ed. Nelson Diane, Manninen Satu. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 109–161.

13. Mel'čuk Igor Kurs obschej morfologii [General morphology course]. Moscow : Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1997.

14. Prince Alan, Smolensky Paul Optimality Theory: Constraints in generative grammar. New York: Rutgers University & University of Colorado, 1993. Manuscript.

15. Riggle Jason Generating contenders // Rutgers Optimality Archive. 2009. Vol. 1044.

16. Smolensky Paul Optimality Theory: Frequently Asked 'Questions' // Phonological Studies. 2002. Vol. 5.

17. Zelenskij D.M. Generativno-fonologicheskoe opisanie fonologicheskoj sistemy literaturnogo finskogo yazyka [An analysis of the Finnish phonological system based on generative phonology]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2018. Bachelor thesis.

КОНКУРЕНЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ СУПЕРЛАТИВА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Леонтьева Татьяна Алексеевна
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ СПб (Санкт-Петербург)
t-leony@yandex.ru

Введение

Данная работа посвящена исследованию распределения синтетических и аналитических способов образования суперлатива в восточнославянских языках.

Аналитические формы представляют собой сочетание прилагательного в форме позитива и вспомогательного слова. Синтетические же формы – это морфологические формы, которые образуются с помощью аффиксов от форм компаратива и позитива.

Аналитическая и синтетическая формы могут быть одновременно образованы от одного и того же прилагательного. Тем не менее, и в устной, и в письменной речи (на материале которой проводилось исследование) существует конкуренция в использовании этих форм.

В ходе исследования были использованы методы корпусной лингвистики: привлечение основного и параллельных подкорпусов Национального Корпуса Русского Языка[42] (далее – НКРЯ).

Работа состоит из пяти разделов. Первый раздел представляет собой введение, во втором описываются способы образования суперлатива в восточнославянских языках. В третьем разделе описаны факторы, которые ограничивают выбор формы, в четвертом – те случаи, при которых возможно использование обеих форм – синтетической и аналитической. Пятый раздел содержит выводы.

1. Инвентарь форм

В восточнославянских языках существуют два способа образования форм суперлатива: синтетический и аналитический. Синтетические и аналитические суперлативы, в свою очередь, также обра-

[42] URL: http://www.ruscorpora.ru/

зуются различными способами. Так, синтетические формы образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами в русском языке от форм позитива и префиксальным от форм компаратива – в других восточнославянских языках**.**

Аналитические формы также можно разделить на два вида. Первый вид образуется с помощью слов *самый* и *самы* в русском и белорусском языке соответственно, второй – с помощью слов *наиболее* и *наименее* в русском языке, *наибільш* и *наименш* – в украинском и *найбольш*, *найменш* – в белорусском.

В таблице 1 представлены рассматриваемые формы.

Таблица 1

Формы суперлатива в восточнославянских языках

Язык	**Синтетическая форма**		**Аналитическая форма**	
Белорусский	*-ейш-* / *-эйш-* (1)	*най-* + компаратив (*-ейш-* / *-эйш-*) (3)	*самы* (6)	*найбольш, найменш* (8)
Русский	*-ейш-* / *-айш-*(2)	*наи-* + *-ейш-* / *-айш-* (4)	*самый* (7)	*наиболее, наименее* (9)
Украинский	–	*най-* + компаратив (*-ш-* / *-иш-*) (5)	–	*найбільш, найменш* (10)

(1) ***бліж-эйш-ы*** *валютн-ы* *банкамат*[43]
близкий-COMP-M.NOM.SG валютный-M.NOM.SG банкомат
‘ближайший валютный банкомат’

(2) *в* ***ближайшем*** *отделении милиции*

(3) ***най-леп-ш-ым*** *чын-ам*
SUPL-хороший-COMP-M.INS.SG образ-M.INS.SG
‘Наилучшим образом’

(4) *кожа, покрытая* ***наилегчайшим*** *пушком*

(5) ***най-послідовні-ш-ою***
SUPL-последовательный-COMP-F.INS.SG
маніфестаці-єю
манифестация-F.INS.SG
‘самой последовательной манифестацией’

(6) ***сам-ая*** ***галоўн-ая*** *адзна-ка*
самый-F.NOM.SG главный-F.NOM.SG оценка-F.NOM.SG
‘самая главная оценка’

[43] Все примеры и количественные данные получены с помощью основного и параллельного корпусов НКРЯ.

(7) ***самые странные*** *комбинации*
(8) ***найбольш смел-ая***
наиболее смелый-F.NOM.SG
‘наиболее смелая’
(9) ***наиболее умные*** *из наших коллег*
(10) ***найбільш поширен-им***
наиболее распространенный-M.INS.SG
глинян-им *посуд-ом*
глиняный-M.INS.SG посуда-M.INS.SG
‘наиболее распространенной глиняной посудой’

Рассмотрим общее распределение исследуемых форм, представленное в таблице 2 ниже.

Таблица 2

Распределение аналитического и синтетического способов образования суперлатива в восточнославянских языках в НКРЯ

Язык	Аналитический способ	Синтетический способ	% аналитического способа
Белорусский	3345	806	81%
Русский	268 113	313 259	46%
Украинский	93	4309	2%

В украинском языке наблюдается самая высокая доля употребления синтетических форм по сравнению со всеми рассматриваемыми языками. В белорусском преобладают аналитические суперлативы. В русском языке довольно ровное распределение и в одинаковой мере встречаются как синтетические, так и аналитические формы.

1.1. Синтетические суффиксальные формы

Синтетические суффиксальные формы образуют прилагательные русского и белорусского языков. Формы превосходной степени в украинском языке не образуются суффиксальным способом.

Не существует, однако, единого мнения о том, чем являются формы на *-ейш-* / *-эйш-* в белорусском языке: согласно одним грамматикам [Атраховіч, Булахау 1962: 168], это форма компаратива, которая довольно часто выполняет функции суперлатива и даже элатива. В других источниках [Marchant 2004: 28] такая форма рассматривается как форма суперлатива.

Обе функции были рассмотрены в ходе исследования и было выявлено, что прилагательные на *-ейш-* / *-эйш-* имеют тенденцию к более частому употреблению в форме компаратива, однако доля суперлативов также высока (до 30%), поэтому форма была включена в исследование, но с помощью ручной выборки были исключены примеры со значением компаратива.

1.2. Синтетические префиксальные формы

Префиксальные формы суперлатива встречаются во всех восточнославянских языках, однако только в белорусском и русском языках они конкурируют с суффиксальными. В связи с этим было проведено сравнение способов образования суперлатива в русском и белорусском языках для русских прилагательных *важный*, *дорогой*, *короткий* и *мягкий* и соответствующих им белорусских прилагательных.

Согласно полученным данным, в белорусском языке нет жесткого преобладания того или иного способа, однако префиксальный является более употребительным, чем в русском. Так, если в русском языке доля приставочного способа от всего объема синтетических форм суперлатива для каждого из прилагательных составила не больше 10%, то в белорусском языке для рассмотренных слов она достигает 78%.

1.3. Аналитические формы

Аналитические способы образования суперлатива с помощью слов *самый* и *самы* встречаются только в русском и белорусском языках соответственно, с помощью слов *наиболее* / *наименее*, *наибільш* / *наименш*, *найбольш* / *найменш* – во всех восточнославянских языках.

В отличие от синтетических форм, на образование которых накладывается ряд морфологических ограничений, аналитические формы можно образовать от любых прилагательных, которые могут иметь превосходную степень.

В белорусском и русском языках наиболее частотными аналитическими формами являются суперлативы, образованные с помощью слов *самый* и *самы* (87% и 96% соответственно от общего количества вхождений аналитических форм).

2. Факторы, влияющие на грамматичность синтетической или аналитической формы суперлатива

2.1. Значение компаратива

В русском языке встречаются случаи употребления суперлатива в значении компаратива. Такие формы являются характерными для канцелярского стиля и встречаются в устойчивых выражениях, например, *в дальнейшем (изложении)* или *в ближайшем рассмотрении.*

Кроме того, значение компаратива в русском языке могут принимать и некоторые другие прилагательные. Как отмечено в [Апресян 2000: 42], прилагательные «со значением общей оценки» могут принимать значение компаратива, но при этом быть выраженными формой суперлатива (9).

(9) *Для* ***лучшей*** *адаптации в школе методическая и психологическая составляющая тоже, Вы понимаете, гораздо важнее лингвистической.*

В таблице 3 приведены данные распределения синтетического способа образования суперлатива в значениях суперлатива и компаратива для прилагательных *дальнейший*, *ближайший*, *лучший* и *худший* русского и белорусского языков[44].

Таблица 3

Распределение значений суперлатива и компаратива в синтетических формах превосходной степени в русском и белорусском языках

	Белорусский язык			**Русский язык**		
	Значение компаратива	**Значение суперлатива**	**% компаратива**	**Значение компаратива**	**Значение суперлатива**	**% компаратива**
Дальнейший	146	2	99%	500	0	100%
Ближайший	0	179	1%	9	491	2%
Лучший	45	155	23%	36	464	7%
Худший	80	120	40%	66	434	13%

Как видно из таблицы 3, значение компаратива для прилагательного *дальнейший* является наиболее употребительным в обоих языках. Для русского языка также не было найдено приме-

[44] Данные приведены для выборок размером в 500 примеров для русского языка и 200 – для белорусского.

ров, где бы форма *самый дальний* имела значение компаратива. Таким образом, в русском языке суперлативы *дальнейший* и *самый дальний* приобретают разные значения, причем у формы *дальнейший* устойчиво закрепляется компаративное значение.

Если сравнивать распределение значений для русского и белорусского языков, можно заметить, что в целом процент значений компаратива в белорусском языке выше, чем в русском. Иначе ведет себя только прилагательное *ближайший*, что связано с тем, что в русском языке оно употребляется в форме суперлатива только в устойчивом сочетании *в ближайшем рассмотрении*.

Что касается украинского языка, компаратив является единственным значением для формы на *-иш-* / *-ш-*. Формы суперлатива же такого значения принимать не могут, даже в тех случаях, где для белорусского и русского языков формы являются единственно возможными.

2.2. Морфология

Синтетические формы имеют ряд особенностей, из-за которых они уступают аналитическим. Среди таких особенностей – морфологические ограничения на образование.

В русском языке для префиксальных форм трудность возникает только там, где нельзя образовать суффиксальные. Суффиксальные же формы образуются от форм позитива, и здесь появляется ряд ограничений, обусловленных словообразовательными особенностями. Для русского языка фактором, запрещающим образование синтетических форм, является наличие суффиксов *-аст-*, *-ист-*, *-лив-*, *-чив-*, *-к-*, *-ск-*, *-н-*, *-ов-*[Виноградов 1986: 69; Камынина 1999: 95].

В грамматике белорусского языка [Атрахович, Булахау 1962: 164] описаны некоторые случаи, когда образуется только аналитическая форма компаратива (а следовательно, и суперлатива), которые были проверены на данных НКРЯ и представлены в таблице 4 ниже.

Синтетические формы компаратива и суперлатива в украинском языке также имеют ряд ограничений. [Danylenko, Vakulenko 1995: 25] среди таких ограничений выделяют суффиксы *-ськ-*, *-н-* и *-ов-*, а [Pugh 1999: 151], не упоминая тех суффиксов, которые были указаны выше, выделяет такие суффиксы, как *-ав-* (*-яв-*), *-ущ-* (*-ющ-*), *-увай-* (*-ювай-*), *-енн-* и *-ези-*.

Таким образом, во всех трех восточнославянских языках есть прилагательные, от которых не образуются синтетические формы суперлатива.

Таблица 4

Суффиксы, ограничивающие образование форм суперлатива и компаратива в восточнославянских языках

Суффикс	Белорус.	Русский	Украинский	Суффикс	Белорус.	Русский	Украинский
н	+	+	+	*к*	+	+	+
ичн (*ычн*)	+	–	–	*ск* (*цк*) / *ськ*	+	+	+
льн	+	–	–	*ич*	+	0	0
ив	+	–	–	*ч*	+	0	–
лив	+	+	–	*ім*	+	–	–
ат	+	+	–	*ом*	+	+	–
аст	+	+	–	*уч*	+	+	–
іт	+	–	–	*юч*	+	+	–
авіт	+	0	0	*ач*	+	+	–
ов	+	+	+	*ушч* / *ущ*	+	+	–
ав	+	+	+	*ашч* / *ащ*	+	+	–
іст (*ыст*) / *ист*	+	+	–				

В таблице 4 показано, какие аффиксы, описанные для белорусского языка (так как именно для этого языка был рассмотрен наиболее полный список), употребляются в русском и украинском языках. Знаком «+» отмечены те аффиксы, которые ограничивают образование форм компаратива и суперлатива, а знаком «-» – которые не препятствуют образованию таких форм (то есть такие примеры встречаются в корпусе). Знаком «0» отмечены те случаи, когда аффикс не употребляется в языке или имеет другое значение, при котором не образуются формы степеней сравнения.

3. Факторы, влияющие на статистическое распределение форм

3.1. Конструкции, употребляемые с суперлативом

Существует ряд предлогов и конструкций, которые маркируют суперлативное значение. В большинстве случаев такие предлоги ограничивают то множество, с которым происходит сравнение.

Для русского языка было рассмотрено распределение форм в сочетании с конструкциями *в мире, из всех / из всего, на свете* и *один из* (таблица 5).

Таблица 5

Распределение синтетических и аналитических форм суперлатива для прилагательных с конструкциями *в мире, из всех / из всего, на свете, один из*

	Аналитический способ	**Синтетический способ**	**% аналитического способа**
в мире	2647	1183	69%
из всех / из всего	1998	565	78%
на свете	830	96	90%
один из	12 381	7768	61%
без конструкций	255 732	305 491	46%

Как видно из данных таблицы, доля аналитического способа образования выше для прилагательных с рассматриваемыми конструкциями. Наиболее жесткое распределение отмечено для прилагательных с конструкцией *на свете.*

Процент аналитических форм для суперлативов в сочетании с описанными конструкциями (65%) выше, чем для суперлативов без этих конструкций (46%)[45].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что для русского языка конструкции, усиливающие значение суперлатива, чаще сочетаются с аналитическими формами превосходной степени.

Сравним также прилагательные в сочетании с предлогами *в, среди, из* (таблица 6).

[45] Значение *p* для этих данных меньше 0,05, что доказывает, что различие статистически значимо.

Таблица 6

Распределение синтетических и аналитических форм суперлатива для прилагательных в сочетании с предлогами *в, из, среди*

	Аналитический способ	**Синтетический способ**	**% аналитического**
из	675	151	82%
среди	539	108	83%
в	363	130	74%
без конструкций	255732	305491	46%

Как и в случае с конструкциями, доля аналитических суперлативов больше, чем доля суперлативов, образованных синтетическим способом. Таким образом, в русском языке прилагательные в сочетании с определенными предлогами и конструкциями, которые усиливают суперлативное значение, более четко выделяя множество, с которым происходит сравнение, чаще образуют аналитические формы.

Для украинского языка в [Pugh 1999: 154] описаны следующие предлоги, чаще всего употребляемые с суперлативом: *з, серед, за, від, між* и *з-поміж*. Также в украинском языке употребляются конструкции, синонимичные конструкциям, описанным для русского языка (*один з* ‘один из’, *в світі* ‘в мире’, *у світі* ‘на свете’, *з усіх* ‘из всех’).

Несмотря на довольно большое количество предлогов, которые употребляются в украинском языке для маркирования значения суперлатива, нет возможности говорить о распределении этих предлогов и конструкций для синтетических и аналитических форм, прежде всего из-за того, что, как уже отмечалось выше, доля аналитических форм очень низка.

Для белорусского языка были рассмотрены предлоги и конструкции, синонимичные русским (таблица 7).

Таблица 7

Распределение аналитических и синтетических форм суперлатива для прилагательных с предлогами и конструкциями в белорусском языке

	Аналитический способ	**Синтетический способ**	**% аналитического способа**
у	271	75	78%
сярод	14	6	70%
на	129	25	84%
з	231	35	87%
у свеце	22	15	59%
з усіх	55	6	90%
адзін з	26	9	74%
без конструкций	2597	635	80%
с конструк-циями (сумма)	748	171	81%

Как видно из таблицы 7, в белорусском языке, как и в русском, употребление предлогов и конструкций, усиливающих значение суперлатива, скорее характерно для аналитических форм[46].

Таким образом, для русского и белорусского языка сочетание прилагательных с определенными предлогами и предложными конструкциями является тем фактором, который влияет на распределение форм, и в таком случае суперлативы будут тяготеть к аналитическому способу образования.

3.2. Значение элатива

Одним из основных признаков элатива и его отличием от суперлатива является «безотносительность». Различие между элативным и суперлативным значениями, которые выражают высшую степень качества, определяется тем, что в случае элатива такое значение выражено «вне сопоставления с другими предметами»[47] [Шведова 1952: 150]. Ю. П. Князев отмечает, что среди

[46] Значение *p* для суперлативов с конструкциями и без них меньше 0,05, а значит, можно говорить о том, что различие статистически значимо.

[47] Существуют и другие подходы к рассмотрению этого различия, однако в рам-

аналитических форм превосходной степени «сочетания со словами *наиболее* (*наименее*) употребляются, по-видимому, только в суперлативном значении. Конструкции же со словом *самый* могут выражать и элативное значение» [Князев 2016: 18].

Рассмотрим распределение форм для значений суперлатива и элатива для некоторых прилагательных (таблица 8).

Таблица 8

Распределение значений элатива и суперлатива у синтетических и аналитических форм в русском языке

	Синтетическая форма			**Аналитическая форма**		
Прилагательное	Суперлатив	Эла-тив	% суперлатива	Суперлатив	Элатив	% суперлатива
сильный	141	359	28%	312	146	68%
умный	125	375	25%	334	123	73%
красивый	98	402	20%	296	187	61%

Согласно данным, представленным в таблице, для русского языка можно говорить о том, что значение элатива скорее характерно для синтетических форм[48].

В белорусском и украинском языках также существует значение элатива. [Атрахович, Булахау 1962] пишет, что синтетические и аналитические формы прилагательных (с приставкой *най-* и со словами *самы, найбольш, наймени*ш), которые выражают не степень сравнения, а безотносительно самую высокую (или самую низкую) степень качества, не могут иметь при себе зависимых существительных или местоимений. То есть и синтетические, и аналитические формы могут иметь значение элатива. В таблице 9 приведено распределение значений для синтетических и аналитических форм для прилагательных, которые уже были рассмотрены для русского языка.

ках данной работы учитывалось представленное определение.

[48] Значение *p* для каждой из строк меньше 0,05, что доказывает, что различие статистически значимо.

Таблица 9

Распределение значений суперлатива и элатива для синтетических и аналитических форм в белорусском языке

Прилагательное	Синтетические формы			Аналитические формы		
	Супер-латив	Элатив	% супер-латива	Супер-латив	Элатив	% супер-латива
моцны ‘сильный’	2	4	33%	10	12	45%
разумны ‘умный’	0	2	0%	9	12	43%
прыгожы ‘красивый’	1	6	14%	12	15	44%

Данных по синтетическим формам мало, что связано с небольшой выборкой таких форм для белорусского языка. Тем не менее, можно высказать предположение, что в белорусском языке значение элатива больше свойственно синтетическим формам.

[Озерова 2003: 341] указывает, что для украинского, как и для русского, значение элатива является довольно продуктивным и «в украинское подобное значение может передаваться превосходными степенями, осложненными префиксами *що*- или *як*-, или образовываться с помощью наречий (*надзвичано розумна*)».

Как уже упоминалось, в параллельном украинском подкорпусе аналитические формы суперлатива встречаются всего 92 раза. Более того, среди аналитических форм не встречается суперлативов в значении элатива. Таким образом, если принимать во внимание утверждение Н. Г. Озеровой и данные небольшой выборки параллельного подкорпуса НКРЯ, можно сделать вывод, что для украинского языка основной формой, которая выражает значение элатива, так же, как и в русском языке, является синтетическая форма.

Таким образом, синтетические формы образования суперлатива являются наиболее употребляемыми при выражении значения элатива во всех восточнославянских языках.

3.3. Частотность прилагательного

В работе [Леонтьева 2017] был сделан вывод, что наиболее частотные прилагательные ведут себя не так, как остальные. Например, с конструкциями *один из* и *на свете*, где скорее были ожидаемы аналитические формы, наиболее частотные прилагательные в большинстве случаев образовывали синтетические формы.

В белорусском языке, согласно данным НКРЯ, наиболее частотными прилагательными в форме суперлатива являются прилагательные *вялікі* ‘великий’, *стары* ‘старый’, *добры* ‘хороший’, и *высокі* ‘высокий’. Распределение форм для этих прилагательных представлено в таблице 10.

Согласно данным таблицы, в белорусском языке так же, как и в русском, наиболее частотные прилагательные чаще образуют синтетические формы. Важно также учитывать, что в белорусском языке 81% суперлативов образуется не синтетическим, а аналитическим способом, тогда как в русском языке это распределение более ровное.

Таблица 10

Распределение форм суперлатива для наиболее частотных прилагательных в белорусском языке

Прилагательное	Аналитическая форма	Синтетическая форма	% аналитической формы
вялікі ‘великий’	91	104	47%
стары ‘старый’	20	30	40%
добры ‘хороший’	27	347	7%
высокі ‘высокий’	71	252	50%
Общее распределение	3345	806	81%

Чтобы подтвердить эти данные, рассматриваемые прилагательные были также сопоставлены в сочетании с предлогами *на* и *з* и конструкциями *адзін из* и *з усіх*.

Данное сопоставление показало, что процент синтетических суперлативов в сочетании с предлогами и конструкциями, являющимися маркерами суперлатива, ниже, чем без этих предлогов и конструкций, однако вместе с этим, он в большинстве случаев выше, чем процент аналитических форм.

3.4. Отрицание

Еще одним фактором, который влияет на распределение форм суперлатива в восточнославянских языках, является отрицание. Этот фактор был рассмотрен для белорусского и русского языков (таблица 11).

Таблица 11

Распределение форм суперлатива для прилагательных с отрицательной частицей *не* в русском и белорусском языках[49]

Язык	Конструкция	Аналитическая форма	Синтетическая форма	% аналитической формы
Русский язык	с *не*	3809	1566	71%
	без *не*	264 304	311 693	46%
Белорусский язык	с *не*	85	53	62%
	без *не*	3260	753	81%

Как видно из таблицы 11, для русского и белорусского языков справедлива гипотеза, что в сочетании с отрицанием формы суперлатива «охотнее» будут образовываться аналитическим способом.

4. Выводы

Основные выводы, сделанные в ходе работы, представлены в таблице 12 ниже. Цветом в таблице обозначены те факторы, которые запрещают или сильно ограничивают выбор той или иной формы. Буквами *A* и *C* – предпочтение определенной формы, аналитической и синтетической соответственно. Знак ? используется в тех случаях, когда данных недостаточно для формулирования выводов.

Таблица 12

Факторы, влияющие на выбор формы суперлатива в восточнославянских языках

Фактор	Белорусский язык	Русский язык	Украинский язык
Морфологические признаки	+ (A)	+ (A)	+
Значение компаратива	+ (C)	+ (C)	–
Значение элатива	+ (C)	+ (C)	–
Частотность прилагательного	+ (C)	+ (C)	?
Сочетание с конструкциями, маркирующими значение суперлатива	+ (A)	+ (A)	?
Частица *не*	+ (A)	+ (C)	?

[49] Для обеих форм значение *p* – меньше 0,05, что указывает на то, что различие является статистически значимым.

Для украинского языка практически не отмечается конкуренции форм, поэтому он меньше фигурировал при рассмотрении факторов.

Было выявлено, что русский и белорусский языки оказываются более похожими с точки зрения частотного отношения форм и влияющих на выбор формы факторов. Украинский язык, в свою очередь, стоит особняком, показывая меньшую вариативность и другой набор рассматриваемых факторов.

Список сокращений

COMP – компаратив; F – женский род; INS – инструменталис; M – мужской род; NOM – номинатив; SG – единственное число; SUPL – суперлатив

Литература

1. Атраховіч К. К., Булахау М. Г. Граматыка беларускай мовы. Марфалогия. Минск: АН БССР, 1962.
2. Князев Ю. П. Превосходная степень. На правах рукописи. 2016.
3. Леонтьева Т. А. Конкуренция синтетических и аналитических способов образования суперлатива в русском языке. На правах рукописи. 2017.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, А. В. Птенцова. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000.
5. Озерова Н. Г. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев: Наукова Думка, 2003.
6. Плющ М. Я. Граматика української мовы. Морфеміка. Київ: Вища Школа, 2005.
7. Шведова Н. Ю. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1952.
8. Danylenko A., Vakulenko S. Ukranian // Languages of the world / Materials 05. München, 1995.
9. Marchant C. Fundamental of modern Belarusian. 2004.
10. Stefan M. Pugh. Ukranian. A comprehensive grammar. Oxon, 1999.

Резюме

В статье рассматривается распределение морфологических и синтаксических суперлативных конструкций в восточнославянских языках на материале грамматик и параллельных подкорпусов НКРЯ. Во всех рассматриваемых языках существует конкуренция способов образования суперлатива, и в работе рассматривается ряд факторов, с помощью которых можно предсказать выбор формы. Выявлено также, что русский и белорусский языки оказываются похожими с точки зрения жесткости конкуренции различных способов образования формы суперлатива и влияющих на нее факторов. Украинский язык, в свою очередь, стоит несколько особняком, показывая более слабую конкуренцию способов выражения суперлатива и другой набор рассматриваемых факторов.

Ключевые слова: суперлатив, аналитический суперлатив, синтетический суперлатив, восточнославянские языки, корпусная лингвистика

COMPETITION BETWEEN ANALYTIC AND SYNTHETIC SUPERLATIVES IN EAST SLAVIC LANGUAGES: A CORPUS-BASED STUDY

Leontyeva Tatiana
student, NRU HSE SPb (Saint-Petersburg)
t-leony@yandex.ru

Summary

The article discusses the distribution of morphological and syntactic superlative constructions in East Slavic languages on the material of grammar descriptions and parallel subcorpuses of NCRL. For all the languages which are considered, there is a competition of ways to form superlatives. A number of factors with which one can predict the choice of form are considered in the paper. It was also revealed that the Russian and Belarusian languages are similar in terms of the rigidity of competition and factors affecting it. The Ukrainian language, in turn, stands apart, showing weaker competition and a different set of factors considered.

Keywords: superlative, analytical superlative, synthetic superlative, the East Slavic languages, corpora linguistics

References

1. Atrakhovich K. K., Bulahau M. G. Grammatika belaruskay movy. Marfalogia. [The grammar of Belarusian. Morphology.] Minsk, 1962.
2. Danylenko A., Vakulenko S. Ukranian // Languages of the world / Materials 05. München, 1995.
3. Knyazev Yu. P. Prevoskhodnaya stepen. Na pravah rukopisi [Superlative. As a manuscript]. 2016.
4. LeontyevaT. A. Konkurenciya sinteticheskih i analiticheskih sposobov obrazovaniya superlative v russkom yazyke. Na pravah rukopisi. [Competition between analytic and synthetic superlatives in Russian. As a manuscript.] 2017.
5. Marchant C. Fundamental of modern Belarusian. 2004.
6. Novyj obyasnitel'nyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Vtoroj vypusk / Pod obshchim ruk. akad. Yu. D. Apresyana. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Second issue / Under the general hands. acad. Yu. D. Apresyan.]. M., 2000.
7. Ozerova N. G. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i ukrainskogo yazykov. [Comparative grammar of Russian and Ukrainian.] Kiev, 2003.
8. Plyushch M. Ya. Gramatika ukraïnskoy movy. Morfemika. [The grammar of Ukrainian. Morphology.] Kiev, 2005.
9. Shvedova N. Yu. Sovremennyj russkij yazyk. Morfologiya. [Modern Russian. Morphology.] M., 1952.
10. Stefan M. Pugh. Ukranian. A comprehensive grammar. Oxon, 1999.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА В КИРГИЗИИ

Лещенко Ольга Андреевна
магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
olgaleshchenko1@gmail.com

Введение

Киргизия – небольшая многонациональная страна в Центральной Азии. Исторически территория этой республики находилась на Великом шелковом пути, что способствовало многочисленным языковым контактам и мультикультурализму. В настоящее время Киргизия уже более двадцати лет независима и ведет самостоятельную политику.

По данным последней переписи населения 2009 года (stat.kg), в Киргизии проживает более 90 разных этнических сообществ. Каждый этнос, согласно конституции, имеет право на сохранение своего родного языка. Законодательством в республике закреплено двуязычие: государственным языком является киргизский, официальным – русский. Языковая политика в Киргизии занимает важное место, и государственные законы дают право на поддержку и сохранение родных языков национальных меньшинств. Однако на практике можно столкнуться с рядом многочисленных проблем, вызванных разными факторами. Актуальными проблемами в области языковой политики Киргизии на данный момент являются разный языковой престиж государственного и официального языков, их функциональность, качество преподавания родных и иностранных языков.

Областью исследования данной работы является языковая политика Киргизии с момента получения ею независимости по настоящее время. Тема исследования – языковой профиль, национальные меньшинства и их языки на территории Киргизии. В качестве метода исследования используются анализ нормативно-правовых документов, официальных статистических данных, а также анкетирование и личные интервью с жителями столицы Киргизии и близлежащей к ней Чуйской области. Задачи исследования следующие: 1) описать языковой профиль Киргизской Республики и сферы распространения киргизского и русского языков, 2) провести анкетирование жителей Бишкека и Чуйской

области с целью выявления проблем в области языковой политики, 3) дать возможные практические рекомендации о языковой политике на основе проведенного исследования.

Материал и методы исследования

Нами были проведены анкетирование жителей Бишкека и Чуйской области и ряд личных интервью с представителями этнических меньшинств в Бишкеке и Чуйской области. Анкетирование проводилось через социальные сети, и в нем приняли участие 123 человека в период с марта по май 2019 года. В анкете содержится 29 вопросов о возрасте, поле, месте рождения, степени владения языками и их использовании в повседневной жизни. Вопросы анкеты следующие:

1) Укажите Ваш пол.

2) Укажите Ваш возраст.

3) Где Вы родились?

4) Кем Вы считаете себя по национальности?

5) Сколько лет Вы живете в Киргизии?

6) Какие языки Вы знаете?

7) Назовите свой родной язык.

8) Оцените по пятибалльной шкале, насколько хорошо Вы говорите на киргизском языке.

9) Оцените по пятибалльной шкале, насколько хорошо Вы говорите на русском языке.

10) Оцените по пятибалльной шкале, насколько хорошо Вы понимаете киргизский язык.

11) Оцените по пятибалльной шкале, насколько хорошо Вы понимаете русский язык.

12) На каком языке или языках в большинстве случаев Вы говорите дома с близкими?

13) На каком языке или языках Вы говорите на работе?

14) На каком языке или языках Вы говорите в общественных местах?

15) Вы бы хотели владеть киргизским языком в совершенстве?

16) На каком языке или языках Вы смотрите телевидение или видеоролики в интернете?

17) Оцените по пятибалльной шкале, насколько Вы довольны школьными уроками киргизского языка.

18) Оцените по пятибалльной шкале, насколько Вы довольны школьными уроками русского языка.

19) Оцените по пятибалльной шкале, насколько Вы довольны школьными уроками английского языка.

20) Как Вы считаете, каждый гражданин Киргизии должен знать государственный язык (киргизский язык) и официальный язык (русский язык)?

21) Оцените по пятибалльной шкале, насколько часто Вам нужен русский язык на работе.

22) Оцените по пятибалльной шкале, насколько часто Вам нужен киргизский язык на работе.

23) Оцените по пятибалльной шкале, насколько часто Вам нужен русский язык на учебе.

24) Оцените по пятибалльной шкале, насколько часто Вам нужен киргизский язык на учебе.

25) Вы довольны тем, как государство поддерживает киргизский язык?

26) Вы довольны тем, как государство поддерживает русский язык?

27) С какими языковыми трудностями столкнулись лично Вы?

Согласно собранным данным, в заполнении анкеты приняли участие 74 человека мужского пола, 49 – женского. Самой многочисленной группой по возрасту стала группа 21–25 лет (58 респондентов), затем группа 15–20 лет (31 респондент), 26–30 лет (28 респондентов), 31–35 лет (4 респондента), 36–40 лет (2 респондента) и 1 респондент в возрасте 41–45 лет. В анкете содержится вопрос об этническом самоопределении респондентов, и, согласно собранным данным, респонденты идентифицируют себя как киргизов (71 респондент), русских (37 респондентов), метисов (3 респондента), таджиков (1 респондент), татар (1 респондент), узбеков (2 респондента), уйгуров (1 респондент), украинцев (1 респондент), чеченцев (1 респондент), людей без этнической принадлежности (6 респондентов). Также были взяты интервью у женщины 66 лет и мужчины 19 лет, которые идентифицируют себя как турок, женщины 56 лет, принадлежащей к корейскому этносу, мужчины 35 лет курдской этничности, 2 мужчин русской и украинской этничности в возрасте 32 и 25 лет.

Для описания языкового профиля был проведен анализ законов, регулирующих использование языков на территории Киргизской Республики, и анализ переписи населения за 2009-й год, данных об образовании и науке за 2013–2017 годы, опубликован-

ных на официальном сайте Национального статистического комитета Киргизской Республики.

Результаты и обсуждение

Результатом исследования стало выявление общих проблем в области языковой политики, характерных для всех представителей языковых групп. Несмотря на то, что в редакции закона Киргизии о «Государственном языке от 23 июня 2015-го года № 135» говорится о том, что «не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка», на практике ситуация отличается от написанного в законах.

Для понимания языкового ландшафта Киргизии обратимся к переписи населения 2009 года. Согласно статистике распределения населения отдельных национальностей по родному языку за 2009-й год (stat.kg), из 3 804 788 человек 3 799 385 киргизов указали киргизский язык родным языком, 3 978 человек в качестве родного языка указали русский и 1 124 – узбекский. Интересно, что 6 324 узбеков из 768 405 человек указали киргизский язык родным, в то же время только 322 русских из 419 583 человек указали киргизский язык своим родным языком.

Согласно переписи населения 2009-го года, наибольшее количество носителей киргизского языка проживает в Ошской и Джалал-Абадской областях на юге Киргизии (758 286 человек в Ошской и 725 321 человек в Джалал-Абадской областях), наибольшее количество носителей узбекского языка также проживает на юге – 308 695 человек в Ошской области. Русскоязычное население в основном сконцентрировано на севере – 167 135 человек в Чуйской области и 191 947 человек проживает в Бишкеке. Носители таджикского языка компактно проживают на юге – 29 569 человек в Баткенской области. С точки зрения мультикультурализма, север республики наиболее разнообразен: здесь компактно проживают такие этнические сообщества, как дунгане (49 521 человек), уйгуры (15 267 человек), казахи (12 800 человек), турки (10 869 человек), украинцы (10 850 человек), азербайджанцы (10 196 человек) и другие национальные меньшинства (stat.kg).

Русский язык – lingua franca, незаменимое средство общения для более чем 90 различных этнических сообществ на территории Киргизской Республики. Это подтверждают статистические дан-

ные о распределении населения отдельных национальностей по владению вторым языком: по данным на 2009 год, из общего количества людей, владеющих вторым языком, русским языком владеют 2 109 393 человек.

Одной из важных сфер языковой политики является образование, которое преимущественно осуществляется на русском и киргизском языках. Согласно официальным данным Национального статистического комитета (stat.kg) и Министерства образования Киргизской Республики на 2011-й год, в Киргизии действует 2204 дневные общеобразовательные школы с охватом 1 015 172 учеников.

Количество школ, в которых обучение частично или полностью идет на русском языке, увеличилось по всем показателям, в то время как количество школ с узбекским языком обучения к 2018 году сократилось с 65 школ в 2013–2014 гг. до 33 школ в 2017–2018 гг. Количество школ с таджикским языком обучения стабильно. В 2016–2017 гг. появилась одна мультиязычная школа (киргизско-русско-узбекско-таджикская школа), которая находится в Баткенской области на юге республики.

В городских поселениях преобладают одноязычные образовательные учреждения с русским языком обучения (140 русскоязычных школ против 111 киргизских одноязычных школ), двуязычные русско-киргизские школы против узбекско-киргизских (165 школ против 3 школ соответственно). В сельских местностях доминируют одноязычные образовательные учреждения с киргизским языком обучения: всего их 1316 школ против 86 школ с русским языком обучения, 27 школ с узбекским языком обучения и 2 школы с таджикским языком обучения. Также в сельских местностях школ, использующих два и более языков обучения, наиболее многочисленными являются двуязычные русско-киргизские школы (244 школы) в сравнении с трехъязычными русско-киргизско-узбекскими школами (40 школ), киргизско-узбекскими (49 школ), узбекско-русскими (25 школ). Вышеперечисленные данные приведены за 2017–2018 учебный год (stat.kg).

Преподавание в заведениях среднего профессионального образования ведется на русском (48 573 образовательных учреждения всего), киргизском (42 638 образовательных учреждений), турецком (480 образовательных учреждений) и узбекском языках (88 образовательных учреждений) – по состоянию на 2017–2018 учебный год (stst.kg).

Количество студентов с русским языком обучения является наибольшим (108 403 человек). Далее идут киргизский (40 160 человек) и английский (9 947 человек) языки. Прослеживается тенденция увеличения числа студентов, обучающихся на английском, турецком и узбекском языках.

Подводя итоги анализа официальных статистических данных, можно сделать следующие выводы: 1) сферы использования государственного, официального языков и языков меньшинств в сфере образования различаются по областям и в городской и сельской местностях с преобладанием русского языка в городских поселениях и киргизского языка в сельских местностях; 2) в дошкольных учреждениях доминирует киргизский язык, в то время как русский язык используется в высшем профессиональном образовании; 3) обучение на языках меньшинств ведется в основном на юге республики – в компактных местах проживания таких этнических меньшинств, как узбеки и таджики.

Результаты нашего анкетирования свидетельствуют о функциональном использовании русского и киргизского языков в северной части республики. На наши вопросы были даны следующие ответы:

1) «На каком языке (языках) Вы говорите дома с близкими?»: «чаще или всегда на русском языке» – 70 ответов (56,9 %), «чаще или всегда на киргизском языке» – 19 ответов (15,4 %), «одинаково часто на русском и киргизском языках» – 33 ответа (26,8 %), «на другом (других языках)» – 1 ответ (0,8 %);

2) «На каком языке (языках) Вы говорите на работе?»: «чаще или всегда на русском языке» – 83 ответа (63,5 %), «чаще или всегда на киргизском языке» – 3 ответа (2,4 %), «одинаково на русском и киргизском языках» – 20 ответов (16,3 %), «на другом (других) языках» – 5 ответов (4,1 %), «не работаю» – 12 ответов (9,8 %);

3) «На каком языке (языках) Вы говорите в общественных местах (магазины, улицы, транспорт, кафе)?»: «чаще или всегда на русском языке» – 84 ответа (68,3 %), «чаще или всегда на киргизском языке» – 10 ответов (8,1 %), «одинаково на русском и киргизском языках» – 29 ответов (23,6 %), «на другом (других) языках» – 0 ответов;

4) «На каком языке (языках) Вы смотрите телевидение, видеоролики в интернете?»: «чаще или всегда на русском языке» – 105 ответов (85,4 %), «чаще или всегда на киргизском языке» – 1 ответ

(0,8 %), «одинаково на русском и киргизском языках» – 9 ответов (7,3 %), «на другом (других) языках» – 8 ответов (6,5 %).

Как видно из числовых показателей, у опрошенных респондентов русский язык доминирует во всех сферах (работа, общественная жизнь, общение в семье), менее распространено двуязычие (использование русского и киргизского языков примерно в равной степени наиболее развито в общении с семьей, в общественных местах и на работе). Киргизский язык больше всего используется дома в общении с близкими, в то время как просмотр телевидения или видеороликов в интернете имеет самый низкий показатель (согласно результатам анкетирования, только 1 опрошенный смотрит телевидение или видеоролики в интернете чаще или всегда на киргизском языке). Языковые малочисленные сообщества используют русский язык как lingua franca, отсюда можно заметить, что и киргизское большинство также использует русский язык в общении с языковыми меньшинствами.

Также 47 респондентов, относящихся к национальным меньшинствам, в анкетировании отметили их общую проблему – незнание государственного киргизского языка на достаточном уровне и невозможность его использования в бытовой среде. Языковое киргизское большинство на севере владеет русским языком на высоком уровне, переключение кода с киргизского языка на русский – привычная и нормальная билингвальная практика. По словам респондента украинской этничности, из личного интервью, незнание киргизского языка объясняется обучением в дошкольных и школьных образовательных учреждениях на русском языке: «Они, кстати, удивляются, почему мы не знаем киргизский, но мы не виноваты… Нас учили на русском, учили бы на киргизском – знали бы киргизский». Другой немаловажной проблемой является качество преподавания киргизского как иностранного в образовательных учреждениях. Средняя оценка школьных уроков киргизского языка среди 123 респондентов – 3,2 балла по пятибалльной шкале. Отмечается низкое качество основных показателей изучения языка (чтения, говорения, письма и понимания), а также отсутствие качественной учебной литературы по киргизскому языку как иностранному. По словам интервьюируемого русской этничности, из личного интервью, уроки киргизского языка для русскоязычного населения и для него, в частности, проходили незатруднительно: «То, что у нас в школе был киргизский, пару уроков в неделю, это ни о чем не говорит…

И еще как нас учили? Я помню, расскажи стих, прочитай текст – пять поставлю. Это не изучение языка, это изучение стиха на киргизском языке».

Другой респондент турецкого происхождения отмечает, что среди киргизских семей популярно отдавать детей учиться в классы с русским языком обучения: «С детьми разговаривают, общаются на русском языке. А почему-то с нас требуют, которые мы, русскоязычные, с нас требуют, чтобы мы на их языке разговаривали. Они с детьми на русском занимаются... Даже вот соседку нашу взять. Она всегда, почему у неё мама и папа, а не *ата*? Почему они на своём не говорят? Не зовут родителей на своём языке. Почему-то она мальчика водила, чтобы он учился на русском языке, в школе он на русском, почему она в киргизский класс не отдала?».

По этому отрывку можно заметить явное недовольство тем, что тенденция обучаться на русском языке и некие попытки научить некиргизскоязычное население государственному языку терпят крах.

Суммируя и принимая во внимание собранные данные в ходе интервью и анкетирования, а также анализа статистических данных и языковых законов, общими проблемами в области языковой политики на севере Киргизской Республики на данный момент являются: 1) отсутствие методики преподавания киргизского языка и хороших учебных пособий, что затрудняет изучение государственного языка для не носителей киргизского языка; 2) нехватка квалифицированных педагогов киргизского языка, что опять же влияет на слабое владение и использование государственного языка; 3) проблемы терминологии и перевода документации с русского на киргизский язык; 4) активное навязывание изучения государственного языка без предоставления надлежащей помощи; 5) невысокий языковой престиж киргизского языка у городского населения; 6) неравно-значное использование русского и киргизского языков в различных сферах (трудовой, бытовой, образовательной деятельностях), о чем будет подробнее сказано в разделе «Выводы».

Выводы

В Киргизской Республике зачастую коммуникативные практики между этническими киргизами и языковыми меньшинствами осуществляются на русском языке. Итак, обращая внимание на

выявленный список языковых проблем у жителей северной части республики, можно предпринять следующие шаги: 1) разработать качественную, новую методику преподавания киргизского языка с учетом того, что в школах его могут изучать не только носители киргизского языка, а носители разных языковых групп (специфика обучения киргизскому как иностранному для представителей русского, украинского, турецкого, корейского, дунганского, азербайджанского, татарского, узбекского и других языковых меньшинств); 2) разработать программу по популяризации киргизского языка среди городского населения; 3) разработать терминологические словари в разных профессиональных сферах для профессиональных программ не только на русском языке, но и на киргизском; 4) создать возможность изучения киргизского языка на добровольной основе для всех желающих, не учащихся в школьных или высших учебных заведениях; 5) создать интерактивные ресурсы для детей дошкольного возраста, позволяющие осуществлять программу обучения на нескольких языках; 6) популяризировать и увеличить объемы медиа, телевидения и радиовещания на государственном и официальном языках.

Что касается сфер употребления государственного и официального языков, здесь прослеживаются очевидные различия. По состоянию на сегодняшний момент, государственный язык наиболее распространен в сфере школьного образования, публикуемой художественной литературы, СМИ и общественно-политической жизни, в то время как русский язык используется в сфере интернета, делового и международного общения, административного общения, среднего и высшего образования. Это делает официальный язык способом улучшения качества жизни. Он способствует осуществлению профессиональной деятельности, получению профессии, поэтому киргизский не выдерживает соперничества в этих сферах и менее функционален, чем русский. В северных областях республики наблюдается значительное количество киргизско-русских билингвов, а также билингвов, говорящих на русском языке и языке национальных меньшинств, поскольку русский язык – lingua franca для большинства населения.

Следует сказать, что языковая политика в Киргизии нуждается в тщательном изучении, поскольку это одна из самых актуальных проблем в области языковой политики в странах бывшего Советского Союза. В связи с этим в дальнейших исследованиях требуется изучить более детально и подробно языковой профиль, этниче-

скую идентичность и региональную языковую политику во всех областях современной Киргизской Республики и провести сравнительный анализ языковых профилей севера и юга республики.

Литература

1. Киргизская Республика. Законы. Закон о Государственном языке: [гос. закон: принят президентом 23 июня 2015 г.: по состоянию на 25 мая 2019 г.]. Национальный статистический комитет Киргизской Республики, официальный сайт.

2. Киргизская Республика. Законы. Закон о Телерадиовещании № 106: [гос. закон: принят президентом 2 июня 2008 г.: по состоянию на 25 мая 2019 г.]. Национальный статистический комитет Киргизской Республики, официальный сайт.

3. Официальный сайт Правительства Киргизской Республики [Электронный ресурс]: /gov.kg/. Дата обращения: 15.02.2019.

Резюме

Статья посвящена языковой политике Киргизской Республики с момента обретения ее независимости в 1991-ом году по настоящее время. Киргизия – многонациональная страна, в которой проживает около 90 представителей разных этнических сообществ. В стране официально закреплено двуязычие: государственным языком является киргизский, официальным – русский. В реальной жизни существует проблема в использовании языков: русский язык служит языком lingua franca в северной части республики, а национальные меньшинства в качестве второго языка больше владеют русским, чем киргизским языком. Поэтому одной из задач исследования было описание языкового профиля Киргизии и сфер распространения языков национальных меньшинств в республике, и более детально в Бишкеке и Чуйской области. Для выполнения данной задачи был проведен контент-анализ законов, регулирующих использование языков, а также последней переписи населения за 2009-й год, данных об образовании и науке за 2013–2017 гг., опубликованных на сайте Национального статистического комитета Киргизской Республики. Также было проведено анкетирование 123 жителей Бишкека и Чуйской области и 6 качественных очных интервью с представителями национальных меньшинств. Результатом данной работы стало выявление общих проблем в об-

ласти языковой политики, свойственных на данный момент, а также возможные практические рекомендации для удовлетворения потребностей всех сторон.

Ключевые слова: языковая политика, языковые меньшинства, статус языка, социолингвистика, русский язык в Средней Азии

LANGUAGE POLICY, LANGUAGE PLANNING AND LANGUAGE MINORITIES IN KYRGYZSTAN

Leshchenko Olga
master, National Research University
“Higher school of Economics”
olgaleshchenko1@gmail.com

Summary

The article is devoted to the language policy of the Kyrgyz Republic since its independence in 1991 to the present time. Kyrgyzstan is a multinational and multilingual country with about 90 ethnic communities. Bilingualism is officially established in the country: Kyrgyz is the official language, Russian is the official language. In practical terms, there is a problem of languages’ using: Russian is the language of interethnic communication in the Northern part of the Republic, and language minorities speak Russian as a second language more than Kyrgyz. Therefore, one of the objectives of the study is to describe the language profile of Kyrgyzstan and the areas of distribution of national minority languages in the Republic, more explicitly in Bishkek and Chui region. To accomplish this task, I did a content analysis of the language laws, the latest population census in 2009, data on education and science in 2013–2017, published on the website of the National statistical Committee of the Kyrgyz Republic. There were also conducted a survey of 123 residents of Bishkek and Chui region and 6 qualitative face-to-face interviews with representatives of language minorities. The result of this study is the identification of common problems in the field of language policy, as well as possible practical recommendations to meet the needs of all parties.

Keywords: language policy, language minorities, language status, sociolinguistics, the Russian language in Central Asia

References

1. Kyrgyz Republic. Laws. Law of the State language: [state law: adopted by the President on 23 June 2015]. National statistical Committee of the Kyrgyz Republic, official website.

2. Kyrgyz Republic. Laws. Broadcasting law No. 106: [state law: adopted by the President on 2 June 2008]. National statistical Committee of the Kyrgyz Republic, official website.

3. Official website of the Kyrgyz Republic's Government [Electronic resource]: /gov.kg/. Date of application: 15.02.2019.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ТОЧНОГО ЧАСОВОГО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ: К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ

Пучкова Анастасия Ильинична
магистр лингвистики, СПбГУ (Санкт-Петербург)
puchkovanastya@yandex.ru

Введение

В статье рассматриваются универсалии, связанные с выражением часового времени в языках Европы. В 2014 году Мартин Хаспельмат на основе неопубликованной магистерской диссертации А. Уэтт сформулировал 10 предположительных универсалий, связанных с выражением часового времени [Haspelmath 2014; Wett 2014]. Очевидно, что универсалии носят гипотетический характер, так как они были получены на материале языков одного ареала, почти все из которых к тому же относятся к индоевропейской языковой семье.

В статье предпринимается попытка, не выходя за пределы языкового ареала, расширить выборку языков, используя более разнообразный генеалогический материал, и на материале этой выборки прокомментировать и дополнить универсалии Хаспельмата.

Выборка включает в себя 33 языка, 24 из которых относятся к индоевропейской семье (русский, украинский, польский, чешский, болгарский, сербохорватский, словенский, латышский, литовский, испанский, каталанский, португальский, итальянский, румынский, французский, английский, немецкий, нидерландский, норвежский, шведский, ирландский, албанский, армянский, греческий), 5 – к уральской (венгерский, северносаамский, финский, эстонский, удмуртский), 2 – к тюркской (башкирский, турецкий), 1 – к картвельской (грузинский). Кроме того, рассматриваются данные баскского языка. Таким образом, в данной статье Европа понимается в максимально широком значении – как пространство, ограниченное с востока Уральскими горами, с запада – Атлантическим океаном и с юга – Главным Кавказским хребтом.

В работе под термином «точка ориентации» подразумевается та часть часа, относительного которой может указываться другое время. Например, в русском языке точкой ориентации обычно является следующий час (то есть час, который ещё не наступил) –

пять минут второго (13:05), *без пяти два* (13:55). В английском языке в первой половине часа точкой ориентации является уже наступивший час (*at five minutes past one*), а во второй половине часа – следующий, как в русском языке (*at five minutes to two*).

В дальнейшем в статье универсалии Хаспельмата с комментариями и картами будут представлены в том же порядке, как они приводятся в его статье [Haspelmath 2014]. Текст, приведённый в кавычках, представляет собой перевод универсалий, предложенных М. Хаспельматом.

1. Универсалии, связанные с выражением часового времени

Универсалия 1

«Части часа могут выражаться лексемами, соответствующими 1/12, 1/8, 1/4 и 1/2 часа. Ни в одном языке не зафиксировано лексем, соответствующих 6 минутам (1/10 часа), 10 минутам (1/6 часа), 12 минутам (1/5 часа), 20 минутам (1/3 часа)».

Способ выразить промежуток времени, равный 30 минутам, не указывая на количество минут, есть во всех языках, рассматриваемых в статье. В основном, для этого используется слово со значением ‘половина’.

(1) *Um* ***halb*** *neun* *Uhr* (нем.)[50]
в половина девять час
‘в полдевятого’

(2) ***Fél*** *kilenc-kor* (венг.)
половина десять-TEMP
‘в полдесятого’

(3) *Zortzi* *t´-**erdi**-etan* (баск.)
восемь и-половина-IN
‘в полдевятого’

Только в некоторых диалектах каталанского языка для обозначения 30 минут используется словосочетание, буквально обозначающее ‘две четверти’ [Torres i Vilatarsana 2001]:

(4) *A* ***dos*** ***quart-s*** *de* *nou* (кат.)
в две четверть-PL PREP девять
‘в половину девятого’

[50] Далее будут глоссироваться примеры на всех языках, кроме славянских.

Способ выразить 1/4 часа без апелляции к минутам существует не во всех языках. Так, среди исследуемых языков лексемы с таким значением нет в португальском, армянском, ирландском, грузинском, удмуртском, башкирском и литовском.

Для каталанского языка лексема со значением ‘четверть’ имеет особое значение. По-каталански можно сказать *migquart*, чтобы выразить время между 7 и 8 минутами (1/8 часа):

(5) *A* ***mig quart*** *de* *les* *vuit* (кат.)
в половина четверть PREP DEF восемь
‘в восемь часов и семь с половиной минут’

Кроме того, в каталанском языке можно с помощью слова *quart* ‘четверть’ выразить промежуток, равный 45 минутам – три четверти. Впрочем, это также возможно в чешском, немецком и эстонском:

(6) *A* ***tresquart-s*** *de* *dotze* (кат.)
в три четверти-PL PREP двенадцать
‘без пятнадцати двенадцать’

(7) *Ve**tři čtvrtě**nadvanáct* (чеш.)
‘без пятнадцати двенадцать’

(8) *Um* ***dreiviertel*** *elf* (нем.)
в три.четверть одиннадцать
‘без пятнадцати двенадцать’

(9) *Ve**tři čtvrtě**nadvanáct* (чеш.)
‘в три четверти двенадцатого’

(10) *Kell* ***kolmveerand*** *kaksteist* (эст.)
час три.четверть двенадцать
‘в три четверти двенадцатого’

Мартин Хаспельмат отмечает, что в эрцгебиргском диалекте немецкого языка, распространённом в районе Рудных гор, существует возможность лексически выразить 1/12 часа [Haspelmath 2014]. В этом диалекте время 6:55 можно выразить следующим образом: ‘одиннадцать двенадцатых до семи’. К сожалению, М. Хаспельмат не приводит примера, а только даёт перевод. Вероятно, это должно выглядеть как *elf zwölfte vor sieben*.

Именно такое деление часа (то есть наличие в языках способов выразить 1/2, 1/4, 1/8 и 1/12 часа) связано, по всей видимости, с двумя закономерностями. Во-первых, традиционное деление циферблата часов подразумевает выделение 1/12 часа (каждые 5 минут) и 1/4 часа (15, 30, 45 минут). Во-вторых, 1/2, 1/4 и 1/8 часа получаются последовательным делением пополам (час пополам –

половина; половина пополам – четверть, четверть пополам – полчетверти). То, что в языках в основном встречаются лексемы, соответствующие 1/2 и 1/4 часа, объясняется тем, что именно это деление удовлетворяет обоим описанным принципам.

Если посмотреть на то, какие части часа имеют особое выражение в языках, то можно заметить, что первая универсалия Хаспельмата представляет собой иерархию:

(11) **1/2 < 1/4 < 3/4 < 1/8 (1/12)**

На Рисунке 1 синим отмечены языки, в которых есть только лексема, обозначающая 30 минут. Языки, в которых есть способ выражения 15 и 30 минут, помимо прямого называния количества минут, отмечены красным. Зелёным отмечены языки, в которых есть лексемы для 15 и 30 минут, а также существует возможность выражения 45 минут с помощью словосочетания со значением ‘три четверти’. При этом эрцгебиргский диалект немецкого языка, в котором возможно выражение 5 минут без апелляции к минутам, отмечен жёлтым. Каталанский выделен чёрным, потому что в нём есть также способ выражения половины четверти.

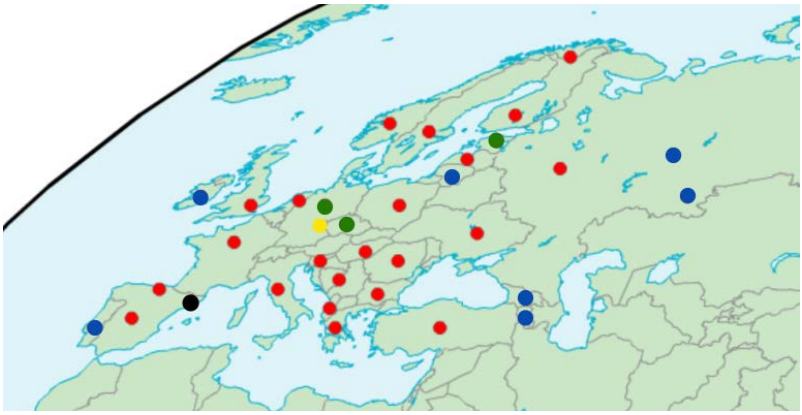


Рисунок 1. Способы обозначения частей часа

Можно заметить, что языки, в которых отсутствует иной способ выражения 1/4 часа (без упоминания количества минут) расположены на периферии карты. Не выходя за пределы ареала невозможно сказать, является ли наличие лексемы со значением

‘15 минут’ чертой языков среднеевропейского стандарта или такое распределение получилось случайно.

Универсалия 2

«Ориентационными точками, то есть временем, к которому возможно прибавление минут или из которого возможно вычитание, могут быть целый час, полчаса и четверть».

Таким образом, в языках невозможны выражения типа *без пяти десять минут второго*, но возможны выражения *без пяти минут половина второго, четверть и пять минут второго* и т. п.

(12) *В пять минут девятого* (рус.)

(13) *Pět minut popůl čtvrté* (чеш.)

‘без двадцати пяти четыре’

(14) *A un quart i deu minut-s deles tres* (кат.)

В INDF четверть и десять минута-PL PREP DEF три

‘в двадцать пять минут третьего’

Интересно, что ориентационными точками могут быть только те части часа, для которых существует способ их обозначить без апелляции к минутам, то есть существуют слова типа *половина, четверть* и т. п. (см. универсалию 1).

В каталанском языке ориентационной точкой могут быть три четверти часа:

(15) *A tres quart-s i cinc de les set* (кат.)

в три четверть-PL и пять PREP DEF семь

‘в три четверти и пять минут седьмого’ (в 6:50)

На рисунке 2 красным отмечены языки, в которых ориентационной точкой может служить только целый час. Синим отмечены языки, в которых также и полчаса может быть ориентационной точкой. Чёрным отмечен каталанский язык, в котором ориентационной точкой могут быть четверть, две четверти (половина) и три четверти.

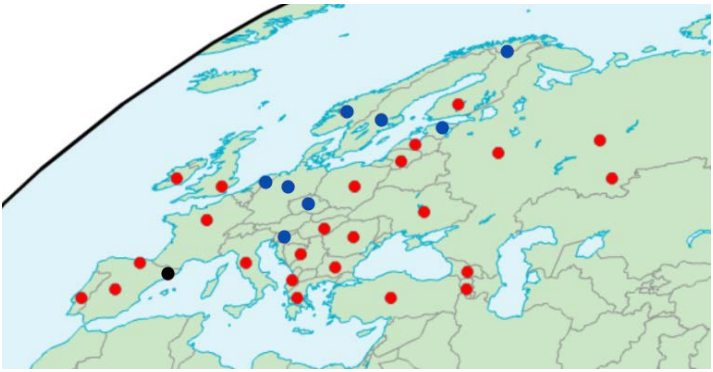


Рисунок 2. Ориентационные точки при обозначении времени

Можно заметить, что языки, в которых полчаса могут служить ориентационной точкой при обозначении времени, расположены контактно. При этом эти языки не являются близкими родственниками. На карте видны две зоны распространения этого явления. С одной стороны, это немецкий, нидерландский, словенский и чешский языки (центральная Европа), а с другой – норвежский, шведский, эстонский и северносаамский (северная Европа). Очевидно, что отсчёт времени относительно половины часа – это ареальная, а не генеалогическая черта, так как в список языков, в которых она присутствует, входят языки не только разных групп, но и языки разных семей. По всей видимости, можно предположить, что источником распространения этой черты являются германские языки, так как большинство языков, в которых возможен отсчет времени относительно половины часа, принадлежат именно этой группе. К тому же остальные языки в ходе своей истории подвергались значительному влиянию германских языков.

На карте видно, что финский язык выбивается из общей картины. Можно было бы предположить, что северносаамский приобрел эту черту в связи с тем, что он распространён на территории Швеции и Норвегии, однако это же мы наблюдаем в эстонском. Логично было бы ожидать, что в финском языке также будет существовать возможность определять время относительно половины часа. Несмотря на то, что носитель финского языка при описании времени 13:35 не предложил вариант, в котором точкой ориентации являлась бы половины часа, при оценке грамматичности примера (16) он ответил, что такой вариант не кажется ему странным.

(16) *Kello viis yli puol kaks* (фин.)
час пять над пол два
‘без двадцати пяти два’

Можно предположить, что это связано с тесными контактами финского и шведского языков: долгое время Финляндия была частью территории Швеции, а шведский имеет статус официального языка.

Универсалия 3

«При выражении точного часа возможна ориентация относительно смежного часа».

Согласно этой универсалии, при указании на время относительно какого-либо целого часа разница между этим часом и обозначаемым временем не может составлять больше 59 минут.

Таким образом, время 5:20 можно выразить либо относительно пяти часов, либо относительно шести (*в пять двадцать, в двадцать минут шестого*), но невозможно использовать фразы со значениями ‘четыре восемьдесят’ или ‘без ста минут семь’.

Учитывая, что в языках не только целый час может быть ориентационной точкой, эту универсалию можно дополнить следующим образом: чтобы выразить точное часовое время, необходимо ориентироваться на смежные ориентационные точки (четверть, половина часа).

(17) *Ve dvě dvacetpět* (чеш.)
‘в два двадцать пять’

(18) *Zapět půltřetí* (чеш.)
‘без пяти половина третьего’

Универсалия 4

«Если полчаса является ориентационной точкой в языке, отклонение от этой точки не может быть больше, чем 12 минут».

Универсалия предполагает, что в языках, использующих полчаса в качестве ориентационной точки, могут быть возможны выражения типа *без пяти половина второго*, но невозможны выражения типа **без двадцати половина второго*.

Неясно, почему отклонение не может превышать 12 минут. По всей видимости, это нуждается в проверке. Учитывая дополнение, предложенное к предыдущей универсалии, логично предположить, что отклонение от половины часа не может быть равно или больше 15 минут, так как в случае такого отклонения ближайшей ориентационной точкой станет целый час (2:14 ближе к двум часам, чем к половине третьего). С другой стороны, вполне

вероятно, что при указании настолько точного времени носители языка предпочитали бы 24-часовой формат времени. В рамках исследования, описываемого в данной статье, экспериментальная проверка пока не была проведена.

Универсалия 5

«Только целый час может выражаться порядковым числительным».

Это универсалия предполагает, что не существует языков, в которых были бы возможны выражения типа **пять минут второй половины пятого*.

Обычно, если половина может быть точкой ориентации, в языках используются конструкции, аналогичные конструкции в примере (19), в котором *petih* является формой родительного падежа количественного числительного со значением ‘пять’:

(19) *Ob pet čez pol petih* (слов.)
‘без двадцати пяти пять’

В языках, рассматриваемых в данной статье, час редко выражается порядковым числительным. Это наблюдается только в русском, украинском, польском и чешском языках.

(20) *За чверть до дванадцятої* (укр.)
‘без четверти двенадцать’

Интересно, что литовский – это, по всей видимости, единственный язык, в котором порядковое числительное используется при выражении ровного часа, но не используется при выражении часа как точки ориентации.

(21) *Penkt-ą* *valand-ą*
пятый-ACC.SG час-ACC
‘в пять’

(22) *Pusė* *devynių*
половина девять-GEN.PL
‘в полдевятого’

Универсалия 6

«Если для указания точного времени с ориентационной точкой, выраженной порядковым числительным, могут использоваться минуты, то также может использоваться и четверть, а если используется четверть, то может использоваться половина».

Эта универсалия предполагает, что могут существовать языки, в которых слово со значением ‘половина’ может использоваться с порядковым числительным, а слово со значением ‘четверть’ и минуты нет, и также могут существовать языки, в кото-

рых с порядковым числительным могут использоваться только слова со значениями ‘четверть’ и ‘половина’.

Так, в русском языке с порядковым числительным могут использоваться минуты (*пять минут второго*), и также существуют выражения *четверть второго* и *половина второго*. Как отмечает М. Хаспельмат, в немецком языке использование порядкового числительного возможно при указании на четверть и половину часа, но невозможно при указании минут [Haspelmath 2014].

Универсалия 7

«Если в языке для обозначения времени используются только количественные числительные, то *прибавление и убавление минут не пересекаются*[51]».

Языки могут использовать прибавление минут до определённой точки (например, в английском прибавление используется до половины часа 6:30 = *half past six*) и вычитание также до определённой точки, но промежутки времени, в которых используются прибавление и вычитание, никогда не пересекаются.

Таким образом, в одном и том же языке невозможно одновременное наличие выражений типа *at 40 minutes past six* ‘в 40 минут после шести’ и *at 20 minutes to seven* ‘без 20 семь’.

Встречаются также языки, например, шведский (23)–(25), в которых половина часа обозначается не так, как время в первой и во второй половине часа:

(23) *fem* *över* *tio*
пять над десять
‘пять минут одиннадцатого’

(24) *halv* *nio*
половина девять
‘половина девятого’

(25) *tio* *i* *sju*
десять к семь
‘без десяти семь’

Интересно, что не встречается ни одного языка, в котором половина обозначалась бы так же, как время во второй половине часа.

Универсалия 8

[51] В данном случае мы сохраняем терминологию М. Хаспельмата. Под прибавлением понимается ориентация на тот час, который уже наступил, а под вычитанием – на тот час, которому ещё предстоит наступить.

С предыдущей универсалией связана и другая: «в языках, которые используют прибавление и вычитание, никогда не добавляется больше, чем 35 минут, и не вычитается больше 29».

То, что в языках не вычитается больше 29 минут, кажется логичным, так как, с одной стороны, во всех языках существует способ выразить половину часа, а с другой, если выбирать из двух соседних целых часов точку ориентации, ближайший целый час кажется лучшим вариантом. Такую стратегию применяют большинство языков.

Прибавление минут к целому часу, однако, вызывает вопросы. Многие респонденты, отвечая на вопросы анкеты, предлагали два варианта обозначения времени, что, как кажется, нарушает эту универсалию:

(26) *Në* *dymbëdhjetë* *pa* *njëçerek* (алб.)
в двенадцать без четверти
‘без четверти двенадцать’

(27) *Në* *njëmbëdhjetë* *e* *dyzet* *e* *pesë* (алб.)
в одиннадцать и сорок и пять
‘в одиннадцать сорок пять’ (‘без четверти двенадцать’)

Второй вариант (пример (27)) формально похож на конструкцию в примере (28):

(28) *Në* *një* *e* *njëçerek*
в два и четверть
‘в четверть третьего’

Как кажется, оснований считать, что сложение может применяться только до 35 минут, нет. Таким образом, прибавление минут к предыдущему часу возможно всегда, тогда как ограничения на вычитание ещё предстоит проверить.

Универсалия 9

«В языке прибавление может использоваться при выражении большей части часа, чем вычитание, но не наоборот».

Так, Хаспельмат приводит в пример итальянский язык, в котором сложение применяется до 35 минут (6:35 = *le sei e trentacinque*), а время после 35 минут выражается с помощью вычитания из следующего часа. Однако грамматики итальянского языка для выражения 6:35 допускают вариант *alle sette meno venticinque*, который буквально значит ‘в семь минус двадцать пять’ [Lamping 2013].

По всей видимости, нельзя считать, что для итальянского языка конструкция со сложением (*le se e trentacinque*) первична, а

с вычитанием – вторична, так как во всех языках возможно выражение времени путём прибавления минут к предыдущему часу (чаще всего при 24-часовом формате обозначения времени):

(29) *hat óra ötven-kor* (венг.)
пять час пятьдесят-TEMP
‘в пять часов пятьдесят’

(30) *A neuf heure-s quarante-cinq* (фр.)
в девять час-PL сорок пять
‘в девять сорок пять’

(31) *В единадесет и четиридесет и пет* (болг.)
‘в одиннадцать сорок пять’

Универсалия 10

«Вычитание всегда маркировано».

Так, выражения типа *пять двадцать*, в которых час и минуты связаны только соположением, невозможно понять, как конструкцию, обозначающую время 4:40.

Однако из этой универсалии не следует, что соположение непременно обозначает сложение. Во многих языках половина какого-то часа выражается соположением слова со значением ‘половина’ и числительного, обозначающего следующий час.

(32) *Om half negen* (нидер.)
в половина девять
‘в полдевятого’

Можно было бы предположить, что в данном случае соположением маркируется именно вычитание, однако в других языках похожей конструкцией может выражаться и четверть часа. Так, по-венгерски время 5:15 можно назвать следующим образом:

(33) *Negyed hat* (венг.)
четверть шесть
‘четверть шестого’

В данном случае предположить, что это вычитание, невозможно. Можно предположить, что в примерах (32) и (33) соположение обозначает отношения части и целого.

Таким образом, соположением могут выражаться либо отношения сложения, либо отношения части и целого.

Выводы

В статье были проанализированы универсалии, предложенные М. Хаспельматом в его статье, посвященной выражению точного времени [Haspelmath 2014]. Критический анализ этих

универсалий позволил изменить список, предложенный М. Хаспельматом:

1. В языках Европы могут существовать способы выразить 1/12, 1/8, 3/4, 1/4 и 1/2 часа, не указывая количество минут. При этом наличие этих способов в языках можно представить в виде иерархии *1/2 < 1/4 < 3/4 < 1/8* (*1/12*): если в языке есть способ без апелляции к минутам выразить 3/4 часа, то в этом языке также можно выразить 1/4 и 1/2 часа. Выделение именно этих частей часа вызвано, с одной стороны, стремлением последовательно делить на 2, а с другой – типичным устройством циферблата часов.

2. Целый час является ориентационной точкой во всех языках.

3. Ориентационными точками могут быть целый час, три четверти, полчаса и четверть, но только в том случае, если для них существует способ выражения без апелляции к минутам. Источником распространения использования получаса в качестве ориентационной точки предположительно являются германские языки.

4. Чтобы выразить точное часовое время, необходимо ориентироваться на смежные ориентационные точки.

5. Отклонение от ориентационной точки не может быть больше, чем количество минут, равное половине этой ориентационной точки. Так, если ориентационной точкой являются полчаса, то отклонение не может быть больше 15 минут. Если ориентационной точкой является целый час, то отклонение не может быть больше 30 минут.

6. Способы обозначения времени до ориентационной точки и после неё не могут пересекаться. Видимые пересечения возможны только в тех языках, в которых обозначение времени в каком-то из этих промежутков формально совпадает с обозначением времени в 24-часовом формате.

7. Порядковые числительные могут использоваться, только если ориентационной точкой является целый час.

8. Если в языке возможно указание минут с ориентационной точкой, выраженной порядковым числительным, то возможно и указание четверти, а если возможно указание четверти, то возможно и указание половины.

9. Вычитание всегда маркировано. Соположение может маркировать либо сложение часов и минут, либо отношения части и целого.

10. Во всех языках существует способ выражения времени в 24-часовом формате.

Литература

1. Haspelmath M. Clock-time expressions in the colloquial language: some suggested universals. URL: https://dlc.hypotheses.org/698.

2. Lamping A. Talk Italian Grammar. Pearson Education, 2009.

3. Torres i Vilatarsana M. L'expressió de les hores en català: anàlisicontrastiva // Caplletra. Revista Internacional de Filologia. 2001. №. 30. С.169–198.

4. Wett A. Uhrzeitbezeichungenim Sprachvergleich. MA thesis, Leipzig University, 2014.

Резюме

В статье на материале 33 языков Европы рассматриваются конструкции, выражающие часовое время. В 2014 г. Мартин Хаспельмат сформулировал 10 гипотетических универсалий, связанных с выражением часового времени [Haspelmath 2014]. Целью настоящей статьи было, с одной стороны, проанализировать эти универсалии на более разнообразном языковом материале, чем у М. Хаспельмата, и получить данные о распределении языковых свойств, описанных в его статье, с другой. Материал исследования был получен в основном с помощью метода анкетирования. Результаты проведённого исследования показывают, что некоторые универсалии М. Хаспельмата являются импликативными. Так, утверждение, что в языках Европы без апелляции к минутам могут существовать способы выражения только 1/12, 1/8, 1/4 и 1/2 часа, можно дополнить и представить в виде иерархии *1/2 < 1/4 < 3/4 < 1/8* (*1/12*). Кроме того, некоторые универсалии предлагается объединить, а некоторые исключить из списка универсалий.

Ключевые слова: типология, языковые универсалии, часовое время, языки Европы

EXPRESSING PRECISE CLOCK-TIME IN THE LANGUAGES OF EUROPE: REGARDING UNIVERSALS

Puchkova Anastasiia
master of linguistics, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)
puchkovanastya@yandex.ru

Summary

The article focuses on clock time expressions based on material in 33 languages. In 2014 Martin Haspelmath formulated 10 hypothetical universals related to clock time expressions [Haspelmath 2014]. The goal of this article is to analyze these universals based on more diverse language material compared to Haspelmath's research on the one hand, and on the other hand, to obtain data on the distribution of language features described in his article. For the most part the material for the research was collected via elicitation. The results of the research indicate that some of Haspelmath's universals are implicative. Thus, the concept, according to which in the languages of Europe you can only express 1/12, 1/8, 1/4 and 1/2 of an hour without referring to the number of minutes, can be represented as a hierarchy: 1/2 < 1/4 < 1/8 (1/12). Besides that, some of the universals are considered to be merged together while some of them are considered to be excluded from the list of universals.

Keywords: typology, language universals, clock time, languages of Europe

References

1. Haspelmath M. Clock-time expressions in the colloquial language: some suggested universals. URL: https://dlc.hypotheses.org/698.
2. Lamping A. Talk Italian Grammar. Pearson Education, 2009.
3. Torres i Vilatarsana M. L'expressió de les hores en català: anàlisicontrastiva // Caplletra. Revista Internacional de Filologia. 2001. №. 30. P.169–198.
4. Wett A. Uhrzeitbezeichungenim Sprachvergleich. MA thesis, Leipzig University, 2014.

КВАНТИФИКАТОРЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЛНОГО ОХВАТА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КОДИРОВАНИЕ ДИСКРЕТНЫХ МНОЖЕСТВ И НЕДИСКРЕТНЫХ СОВОКУПНОСТЕЙ

Русских Алина Алексеевна
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ СПб (Санкт-Петербург)
allruss@list.ru

Разница между числительными, подобными русским *два* и *оба*, отражает два типа кодирования множеств [Kearns 2000: 73–78]. *Два* является количественным квантификатором, в то время как *оба* – квантификатором со значением полного охвата. В отличие от числительного ‘два’, выражающего число референтов в абсолютной величине, квантификатор *оба* содержит в себе не только количество ‘два’, но и значение квантора ‘все’ [Мельчук 1985: 3]. Возможные альтернативные способы анализа числительных со значением полного охвата не будут рассматриваться в данном исследовании[52]. В настоящей статье под числительными со значением полного охвата будут пониматься такие случаи, когда квантифицируемая группа выражает выбор N предметов из множества N.

В статье будут рассмотрены способы кодирования значения полного охвата в восьми славянских языках[53]. Несмотря на то, что выборка составлялась по принципу доступности, в ней представлены все три ветви славянских языков. Исследование проводилось на материале данных, полученных из грамматик, корпусов, а также методом анкетирования носителей.

Характерной чертой славянских языков является наличие общего когната *оба* для кодирования полного охвата с множествами, состоящими из двух объектов, ср. рус. *оба мальчика*. Эта лексическая единица встречается во всех славянских языках, за исключением болгарского и некоторых диалектов македонского

[52] В [Heim, Kratzer 1998: 154] квантификатор *both* рассматривается как детерминатив, содержащий в ассерции значение ‘все’ и в пресуппозиции множество релевантных объектов, равное двум. В [Mladenova 2007: 157] числительные со значением полного охвата анализируются как пропорциональные квантификаторы, кодирующие выбор всей доли из множества.

[53] Автор выражает искреннюю благодарность М. А. Холодиловой за содержательные комментарии и замечания, сделанные в ходе работы над исследованием, а также М. Ухлику за консультации по словенскому языку.

[Lazorczyk, Pancheva 2009: 10]. Утрата квантификатора *оба* в этих идиомах объясняется влиянием балканского языкового союза, для которого свойственно кодирование значения полного охвата с помощью отдельных маркеров [Mladenova 2007: 157].

В рассмотренных славянских языках наблюдаются три стратегии кодирования значения полного охвата:

A. прибавление к числительному универсального квантора (УК) – ср. рус. *все три*;

B. супплетивное – ср. словен. *oba*;

C. с помощью отдельного показателя, не привносящего значения универсальной квантификации вне сочетания с числительными, – ср. болгар. *и двата* [и два-DEF] ‘оба’.

По типу кодирования полного охвата все славянские языки можно разделить на две группы, представленные в таблице 1. Стратегия отмечалась как существующая в языке, если встречалась хотя бы с одним числительным. Языки типа I представляют собой наиболее распространенную модель в славянских языках – в них используются стратегии A (числительное с УК) и стратегия B (отдельное слово, образованное супплетивно). В языках типа II, включающего только болгарский, это значение выражается с помощью стратегий A и C. В Таблице 1 учитываются те диалекты македонского, в которых сохранился квантификатор ‘оба’. В других диалектах македонского полный охват кодируется так же, как и в болгарском, с помощью стратегий A и C.

Таблица 1

Стратегии A, B и C в славянских языках

	Стратегия A	**Стратегия B**	**Стратегия C**
Языки типа I Сербохорватский Словенский Белорусский Русский Польский Чешский Македонский	+	+	–
Языки типа II Болгарский	+	–	+

В статье будет подробнее обсуждено распределение стратегий A, B и C в каждой из выделенных выше групп. В разделе 1.1. будут рассматриваться языки типа I на примере словенского и русского языков; в разделе 1.2. мы остановимся на языках типа II

– на примере болгарского. В разделе 1.3. будут представлены выводы.

Особое внимание будет уделено выбору между стратегиями в тех случаях, когда с одним и тем же квантификатором могут использоваться одновременно две: ср. рус. *оба часа* vs. *все два часа*. Ключевыми факторами, влияющими на распределение стратегий, мы считаем дискретность или недискретность множества, а также количество объектов, из которых оно состоит (число ‘два’ vs. остальные числа).

1. Кодирование значения полного охвата в русском и словенском языках

На первый взгляд, распределение стратегий кодирования значения полного охвата в славянских языках типа I можно полностью описать как зависящее от количества объектов, входящих в множество. Для двух объектов используется стратегия B – общеславянский квантификатор *оба*, см. (1)–(2), для трех объектов и более кодирование этого значения происходит с помощью стратегии A – УК и числительного, см. (3)–(4). Между тем, иногда стратегия A используется в случаях, в которых возможна стратегия B, ср. рус. *оба часа* vs. *все два часа*. В данном разделе мы остановимся на дистрибуции стратегий A и B и рассмотрим, от чего зависит выбор между ними.

(1) РУССКИЙ
Оба мальчика пришли.
(2) СЛОВЕНСКИЙ
Ob-a *fant-a*
Оба-M.NOM.DU юноша-M.NOM.DU
‘Оба мальчика [пришли]’.
(3) РУССКИЙ
Все три мальчика пришли.
(4) СЛОВЕНСКИЙ
Vsi *tri-je*
UQ2.NOM/ACC.PL три- M.NOM.PL
fant-je
юноша-M.NOM.PL
‘Все три мальчика [пришли]’.

Как в русском, так и в словенском в обычном случае невозможно использовать стратегию с УК для кодирования значения полного охвата с множествами, состоящими из двух объектов:

(5) РУССКИЙ
**Все два мальчика пришли.*

(6) СЛОВЕНСКИЙ
**Vsi* *dva*
UQ2.NOM/ACC. PL два.M.NOM.DU
fant-a
юноша-M.NOM.DU
'Оба мальчика [пришли]'.

Е. В. Падучева отмечает, что в русском языке УК с числительным *два* не употребляется [Падучева 1974: 99]. Отличное поведение множеств, состоящих из двух референтов, от множеств, включающих большее число объектов, иллюстрируют и примеры, приведенные в работе Н. А. Еськовой [Еськова 2011: 227]: *Пришли Коля, Петя и Ваня, все в джинсах* vs. **Пришли Коля и Петя, все в джинсах* [Еськова 2011: 227]. Следует отметить, что речь идет именно о свойствах множества, а не числительного 'два': в последнем примере Н. А. Еськовой УК в придаточном предложении кодирует выбор всех объектов из множества, заданного в главном, однако само числительное 'два' не используется.

Можно, однако, заметить, что возможны сочетания *все два* со словами, обозначающими время и расстояние, ср. НКРЯ[54] рус. *все два часа*, *все два месяца*, *все два кубометра*.

В словенском языке, УК и числительное 'два' не употребляется в примерах типа (6), однако возможно в контекстах типа 'все два часа', 'все два дня', как в русском. Однако, в этих контекстах используется исключительно УК *cela*, но не *ves*:

(7) СЛОВЕНСКИЙ
Cel-a / **vsi* *dva*
UQ1-ACC.DU UQ2.NOM/ACC. PL два.M.ACC.DU
dni
день. M.ACC.DU/PL
'Все два дня [я ждал ответ]'.

Кванторное слово *cela* в словенском кодирует т.н. CMP-квантификацию. CMP-квантификация (от англ. completeness) служит для квантификации единичных сущностей, обозначающих один целостный объект (семантически множественный или обладающий сложной внутренней структурой), все части которого вовлечены в описываемую ситуацию [Татевосов 2004: 114–

[54] Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru).

115]. В примере (8) УК *cela* квантифицирует все множество элементов, из которых состоит объект ‘дом’:

(8) СЛОВЕНСКИЙ

Cel-a	*hiš-a*
UQ1-F.NOM.SG	ДОМ-F.NOM.SG

‘Весь дом [сгорел]’.

В отличие от УК *cela, ves* покрывает зоны GEN и DEF-квантификации, которые применяются к множеству дискретных индивидов. GEN-квантификация (от англ. generic) кодирует генерические множества, т.е. объединение всех возможных экстенсионалов называемого объекта [Татевосов 2004: 112–114]: рус. *все люди дышат*.

(9) СЛОВЕНСКИЙ (Google)

vsi	*judje*	*dihajo*
UQ2.NOM/ACC. PL	люди	дышать.PRS.3PL

‘Все люди дышат’.

DEF-квантификация (от англ. definite) используется для квантификации определённых множеств [Татевосов 2004: 112].

(10) СЛОВЕНСКИЙ (Google)

vsi	*mladenič-i*
UQ2.NOM/ACC.PL	молодые.люди-PL

‘Все молодые люди [пришедшие на холм, с нетерпением смотрели на восход]’.

В случаях, когда кванторное слово *ves* употребляется вместе с числительными, как в (4), оно кодирует определенное множество, т.е. является DEF-квантификатором.

Таким образом, в словенском числительное *два* может сочетаться только с CMP-квантификатором, но не с DEF-квантификатором. В связи с тем, что DEF-квантификатор кодирует дискретные множества, а CMP – единые сущности, можно сделать вывод, что выбор стратегии кодирования полного охвата зависит от типа множества – дискретное множество противопоставлено недискретной совокупности. Под дискретным множеством понимается множество объединений X [Ляшевская 2004: 164]: ‘все X’ – объединения всех референтов (X). Единые сущности следует рассматривать как недискретные совокупности: ‘весь X’ – это объединение всех элементов, из которых состоит (X).

С дискретными множествами число ‘два’ кодируется отличным образом от остальных чисел – словен. *oba fanta* ‘оба мальчи-

ка’ и *vsi trije fantje* ‘все три мальчика’. Недискретные совокупности одинаково выражают значение полного охвата со всеми квантификаторами, ср. (11)–(12):

(11) СЛОВЕНСКИЙ

Cel-a	*dva*	*dni*
UQ1-ACC.DU	два.M.ACC.DU	день.M.ACC.DU\PL

‘Все два дня [я ждал ответ]’.

(12) СЛОВЕНСКИЙ

Cel-e	*tri*	*dni*
UQ1-ACC.PL	три	день.ACC.DU\PL

‘Все три дня [я ждал ответа]’.

В русском языке УК, кодирующие DEF и CMP-квантификацию, омонимичны во множественном числе: ср. *все чернила* vs. *все дети* [Зализняк, Падучева 2009: 210]. Однако словенские данные позволяют предположить, что в примерах типа *все дети* УК кодирует DEF-значение, в то время как в примерах типа *все два часа* кванторное слово является CMP-квантификатором. Это подтверждается опросом на предпочтения.

Проведенный опрос содержал контексты трех типов. Контексты первого типа создавали ситуацию, в которой два временных отрезка следовали друг за другом и могли быть восприняты как единый временной промежуток, см. пример (13). Контексты второго типа, наоборот, затрудняли такую интерпретацию, так как в них между двумя временными отрезками был разрыв, см. пример (14). Участникам опроса предлагалось перефразировать каждый из контекстов и выбрать более естественный вариант между (а) и (б). Также была возможность отметить оба варианта как неподходящие – (в).

(13) РУССКИЙ

{Паша ждал письмо всю субботу и всё воскресенье.}

а) *Все два дня Паша ждал письмо.*

б) *Оба дня Паша ждал письмо.*

в) Ни один из вариантов.

(14) РУССКИЙ

{Паша ждал письмо весь четверг и всю субботу.}

а) *Все два дня Паша ждал письмо.*

б) *Оба дня Паша ждал письмо.*

в) Ни один из вариантов.

С контекстами первого типа (13), которые могут быть рассмотрены в качестве недискретной совокупности, ожидался выбор варианта (а) как кодирующего CMP-квантификацию, а в контекстах второго типа (14), для которых более естественна дискретная интерпретация, – вариант (б) как подразумевающий DEF-квантификацию. Подобные ожидания связаны с тем, что два неконтактно расположенных дня, как четверг и суббота, сложнее представить, как единый временной промежуток, в отличие от субботы и воскресенья, которые следуют друг за другом.

Аналогичный выбор было предложено сделать и для контекстов третьего типа (15), в которых действия повторялись два дня подряд, однако не занимали промежуток полностью и, потому, не могли интерпретироваться как единый временной промежуток.

(15) РУССКИЙ

{В субботу и воскресенье в церкви утром служили службы.}

а) *Оба дня в церкви были утренние службы.*

б) *Все два дня в церкви были утренние службы.*

Результаты опроса представлены в таблице 2. Для временного периода без разрыва характерно употребление *все два*, в то время как для обозначения двух дней, расположенных неконтактно, и двух действий, занимающих только часть каждого из двух дней, в рассмотренных данных преобладает *оба*. Отметим, что важным параметром для дискретной интерпретации является не только неконтактное расположение двух временных отрезков, но и неполный охват промежутка. В третьем контексте, в котором дни расположены контактно, однако действия занимают только фиксированную часть каждого из них, *оба* встречается чаще, чем в случаях неконтактного расположения дней. Разница между этими тремя контекстами статистически значима (χ^2, поправка Холма-Бонферрони для множественных сравнений, $p < 0,05$).

Таблица 2

Русский язык: опрос на предпочтения

	‘суббота и воскресенье’	‘четверг и суббота’	‘службы в субботу и воскресенье’
Оба	26	55	73
Все два	64	29	17
Ни один из вариантов	6	12	6
Всего:	**96**	**96**	**96**

Отмеченное тяготение *все два* к такому типу контекстов, в котором дни следуют друг за другом и, как следствие, могут рассматриваться в качестве единого временного периода, позволяет предполагать, что УК в них кодирует CMP-квантификацию. На это указывает и сопоставление со словенским языком, в котором в таких случаях встречается исключительно УК *cela*, который покрывает зону CMP и не может выражать значения DEF-квантификации. *Оба*, напротив, является DEF-квантификатором и поэтому чаще встречается в контекстах, в которых объекты могут интерпретироваться как дискретное множество.

Мы предполагаем, что в русском с множествами, состоящими из трех или более объектов, УК *все* совмещает CMP и DEF значения. Соответственно, в недискретных контекстах *все* покрывает зону CMP-квантификации, как в (16). С дискретными множествами это кванторное слово, использующееся вместе с числительным, кодирует DEF-квантификацию, см. (17).

(16) РУССКИЙ
{Пятницу, субботу и воскресенья Петя ждал письмо}.
Все три дня Петя (непрерывно) ждал письмо.

(17) РУССКИЙ
Все три мальчика были одеты в джинсы.

В Таблице 3 представлено распределение стратегий кодирования полного охвата в славянских языках типа I. Выбор стратегии кодирования значения полного охвата зависит от типа квантифицируемого множества. С недискретными совокупностями все квантификаторы кодируются одинаково: CMP-квантор прибавляется к числительному. С дискретными совокупностями полный охват двух объектов обозначается квантификатором *оба*, для обозначения полного охвата трех и более объектов используется DEF-квантификатор.

Таблица 3

Распределение стратегий кодирования полного охвата в русском и словенском языках

	2	**3…**
Недискретная совокупность	CMP-квантификатор	
Дискретное множество	‘оба’	DEF-квантификатор

2. Кодирование значения полного охвата в болгарском языке

В болгарском языке, в отличие от языков типа I, отсутствует слово *оба*. Значение полного охвата для чисел от 2 до 15[55] продуктивно образуется с помощью препозитивной аддитивной частицы и определенной формы числительного:

(18) БОЛГАРСКИЙ
и *две-та* *момче-та*
и два F/N-DEF мальчик-N.PL
‘Оба мальчика’.

(19) БОЛГАРСКИЙ
и *четири-те* *момче-та*
и четыре-DEF мальчик-N.PL
‘Все четыре мальчика’.

Для множеств, включающих три объекта и более, существует альтернативный способ кодирования полного охвата – с помощью DEF-квантификатора и числительного, см. (21)–(22). О. Младенова отмечает, что в качестве DEF-квантификатора, кодирующего полный охват с числительными, в болгарском используется определенная форма квантификатора *всички* ‘все’ – *всичките* ‘все-DEF’ [Mladenova 2007: 155]. Кванторное слово без определенного артикля покрывает зону GEN-квантификации (в терминологии С. Г. Татевосова) и не может использоваться с конкретными референтами как DEF-квантификатор [Mladenova 2007: 155][56].

(20) БОЛГАРСКИЙ
и *три-те* *момче-та*
и три-DEF мальчик-N.PL
‘Все три мальчика [пришли]’.

(21) БОЛГАРСКИЙ
всички-те три *момче-та*
UQ2-DEF три мальчик-N.PL
‘Все три мальчика [пришли]’.

---

[55] Мы не нашли примеров такого образования значения полного охвата для чисел выше 15 в Bulgarian National Corpus (http://search.dcl.bas.bg/).

[56] «Пропорциональный *vsičkite* соответствует определению ‘все члены x множества y, состоящего из членов x’. *Vsički*, *vsička* и *vsičko*, наоборот, используются как генерические квантификаторы» (перевод мой. – А. Р.) [Mladenova 2007: 155].

С множествами, состоящими из двух объектов, квантор *всичките* не употребляется:

(22) БОЛГАРСКИЙ
и *две-те* *момче-та*
и два.F/N-DEF мальчик-N.PL
‘Оба мальчика [пришли]’.

(23) БОЛГАРСКИЙ
**всички-те* *две* *момче-та*
UQ2-DEF два.F/N мальчик-N.PL
‘Оба мальчика [пришли]’.

Однако, как и в словенском языке, с квантификатором ‘два’ можно использовать УК *цяла*[57], когнат *cela*, покрывающий зону СМР-квантификации. Это указывает на недискретную интерпретацию квантифицируемой именной группы:

(24) БОЛГАРСКИЙ
цяла-та *къщата*
UQ1-DEF дом.N.SG
‘Весь дом [сгорел]’.

(25) БОЛГАРСКИЙ
цяла *два* *дни*
UQ1 два.M день.M.PL
‘Все два дня <непрерывно> [я ждал письмо]’.

Со словами, обозначающими время и расстояние, возможно кодирование значения полного охвата с помощью УК и аддитивной частицы и числительного с постпозитивным определенным артиклем с числами от 2 до 15, но только при дискретной интерпретации. В примерах (26) и (27) навязывается дискретное прочтение благодаря разрывам между днями, заданными контекстом. В (28) допустимы оба (как дискретное, так и недискретное) прочтения. Однако носители часто уточняют, что при кодировании полного охвата с помощью аддитивной частицы и определенного артикля подразумевается, что ожидание длилось в течение не всего дня, а только отдельных его частей. Подобные уточнения позволяют предполагать, что (28) также тяготеет к дискретной интерпретации:

(26) БОЛГАРСКИЙ
{Мы ездили на дачу в понедельник, среду и пятницу.}

[57] *Цяла*, в отличие от *всички*, может употребляться в таких контекстах как с определенным артиклем, так и без него. Чаще примеры с УК *цяла* порождаются без маркера определенности.

всички-те три дни
UQ2-DEF три день.M.PL
‘Все три дня [мне понравились]’.

(27) БОЛГАРСКИЙ
{Я был занят в понедельник, среду и пятницу.}
и три-те дни
и три-DEF день.M.PL
‘Все три дня [я был занят]’.

(28) БОЛГАРСКИЙ
{Я ждал письмо в понедельник, вторник и среду по утрам / ?непрерывно.}
и три-те дни
и три-DEF день.M.PL
‘Все три дня [я ждал письма]’.

Таким образом, с числами от 3 до 15 возможны три варианта кодирования полного охвата: во-первых, с помощью аддитивной частицы и определенной формы числительного, как в (29), во-вторых, с помощью DEF-квантификатора, как в (30), в-третьих, с помощью CMP-квантификатора, как в (31). Первые два способа чаще используются с дискретными множествами, последний – исключительно с недискретными совокупностями.

(29) БОЛГАРСКИЙ
и три-те дни
и три-DEF день.M.PL
‘[Маша работала] все три дня’.

(30) БОЛГАРСКИЙ
всички-те три момче-та
UQ2-DEF три мальчик-N.PL
‘Все три мальчика [пришли]’.

(31) БОЛГАРСКИЙ
{Я ждал письмо в понедельник, вторник и среду непрерывно / *по утрам.}
цяла три дни
UQ1 три день.M.PL
‘Все три дня [я ждал письма]’.

Кроме того, с дискретными множествами можно использовать квантификатор *цяла*, однако в таком случае он означает не ‘все’, а ‘целых’ и может употребляться только с экспрессивной или иронической окраской:

(32) БОЛГАРСКИЙ

{Маша работала в понедельник, среду и пятницу.}
?*Маша работи цяла три дни*
Маша работать.PST UQ1 три день.M.PL
‘Маша работала целых три дня!’

Так, несмотря на то, что кодирование полного охвата в болгарском отличается от остальных славянских языков из-за влияния балканского языкового союза, выбор стратегии кодирования полного охвата также зависит от типа множества. Как и в языках типа I, с дискретными множествами квантификатор ‘два’ ведет себя отличным образом от остальных чисел. С недискретными совокупностями полный охват со всеми квантификаторами кодируются с помощью УК *цяла*. Распределение стратегий представлено в Таблице 4.

Таблица 4

Распределение стратегий кодирования полного охвата в болгарском языке

	2	**3…**
Недискретная совокупность	CMP-квантификатор	
Дискретное множество	ADD + определенная форма	DEF-квантификатор / ADD + определенная форма

Ранее мы отметили, что для чисел от 3 до 15 существует два способа кодирования полного охвата с дискретными множествами: аддитивная частица с определенной формой числительного и УК *всичките*. Ниже мы рассмотрим конкуренцию между ними.

Исследование проводилось с помощью Болгарского национального корпуса[58] следующим образом:

1. Для каждого числа были выгружены все результаты по запросу «всичките N» и «и N-та».

2. Примеры, полученные для каждого из запросов, были объединены в один список и расположены в случайном порядке.

3. Для каждого числа брались первые сто примеров или, если всего было найдено меньше ста примеров, все имеющиеся. Из выборки исключались случаи, в которых болгарская аддитивная частица выступала в качестве союза.

4. Размечалось количество вхождений «всичките N» и «и N-та».

[58] Bulgarian National Corpus (http://search.dcl.bas.bg/).

В Таблице 5 приведены проценты и абсолютные числа для каждой из стратегий кодирования полного охвата с квантификаторами от 2 до 15. В таблице выделены числа, для которых свойственно (больше 60%) кодирование с помощью аддитивной частицы и определенной формы числительного.

Таблица 5

Конкуренция между стратегиями A и C в болгарском языке

	Всичките N	**и N=та**
2	2% (2)[59]	98% (98)
3	8% (8)	92% (92)
4	8% (8)	92% (92)
5	34% (34)	66% (66)
6	49% (49)	51% (51)
7	69% (69)	31% (31)
8	55% (36)	45% (29)
9	54% (31)	46% (26)
10	39% (29)	61% (45)
11…15	71% (41)	29% (16)

Распределение стратегий в таблице 5 напоминает шкалу, в основе которой лежит следующий принцип: чем больше число, тем чаще значение полного охвата кодируется с помощью кванторного слова. Исключением из этого принципа является число 10, которое примыкает к группе малых чисел от 2 до 5, для которых характерно использование аддитивной частицы с определенной формой числительного.

Несмотря на то, что с числами от 2 от 5 чаще встречается использование аддитивной частицы с определенной формой числительного, можно отметить скачок между числами 4 и 5 – 92% без использования УК и 66% соответственно. В [Hammerstrom 2004] отмечается, что обособленность 1–4 от остальных чисел типологически распространена: в ряде языков числительные до 4 и после наделены разными свойствами. Снижение частотности использования стратегии с аддитивной частицей от числа 5 и выше

[59] Носители эти примеры из корпуса запрещают.

можно интерпретировать как постепенный переход от меньших числительных к бóльшим.

Случаи, когда число 10 проявляет свойства малых числительных, типологически ожидаемы. Это может быть объяснено его частотностью. В языках мира малые числительные являются наиболее частотными. Однако в языках с десятеричной системой исчисления своеобразный пик частотности употребления также приходится на число 10 (меньшие пики – на 20, 30 и пр.) [Hammerstrom 2004: 9]. В рамках теории грамматикализации это означает, что 10 может приобретать особые черты, характерные для других частотных числительных [Hammerstrom 2004: 9]. В качестве интересного примера можно привести язык хишкарьяна, в котором есть только малые числительные от 1 до 5 и числительное 10 [Comrie 2013][60].

Таким образом, корпусное исследование конкуренции между двумя стратегиями с квантификаторами от 2 до 15 позволяет сделать вывод, что большие числа чаще кодируют полный охват таким же образом, как и существительные, – с помощью кванторного слова. В то время как малые числительные и 10, напротив, преимущественно используют стратегию, отличающую числительные и не употребляющуюся с другими частями речи – аддитивный маркер в препозиции и определенный артикль постпозитивно.

3. Вывод

В языках типа I и типа II различаются способы кодирования дискретных множеств, однако недискретные совокупности кодируются одинаково – с помощью CMP-квантификатора. Дискретные множества различают число ‘два’ и остальные числа.

В языках типа I с множествами, состоящими из двух объектов, используется общеславянский квантификатор ‘оба’; с множествами, включающими три объекта и более, – DEF-квантификатор и числительное.

В языках типа II дискретные множества из двух объектов кодируются с помощью аддитивной частицы и определенной формы числительного (стратегия C); для обозначения полного охвата от 3 до 15 объектов включительно возможны две стратегии – аддитивная частица с определенной формой числительного и DEF-квантификатор с числительным. Корпусные данные показывают,

[60] Автор благодарит М. А. Холодилову за указание на данный пример.

что стратегия С характерна для малых чисел до 5 и числа 10, тогда как большие числа чаще кодируются, как и существительные, с помощью DEF-квантификатора.

Таблица 6

Распределение стратегий кодирования полного охвата в славянских языках

	2	**3…**
Недискретные совокупности	CMP-квантификатор	
Дискретные множества		
Языки типа I	‘оба’	DEF-квантификатор
Языки типа II	ADD + определенная форма	ADD + определенная форма / DEF-квантификатор

Как видно из таблицы 6, для дискретных множеств ключевым фактором, влияющим на распределение стратегий, является количество объектов, составляющих множество: значение полного охвата с множествами, состоящими из двух объектов, образуется иначе, чем с множествами, включающими три объекта и более. М. В. Русакова отмечает, что это связано с тем, что множества из двух объектов чаще остальных встречаются в культурно-психологической жизни человека (глаза, родители и прочие парные объекты) и поэтому их оформление может происходить иным образом [Русакова 2013: 173]. Во многих языках, как и в славянских языках типа I, конструкции со значением полного охвата для множеств, состоящих из двух объектов, образуется супплетивно, однако для других чисел такой способ образования этого значения не встречается.

Отсутствие различий в кодировании полного охвата для множеств из двух объектов и остальных числительных с недискретными совокупностями связано, на наш взгляд, с тем, что кванторные выражения типа ‘все два часа’ рассматриваются не как объединение двух множеств (X_1 час + X_1 час), а как единый период, содержащий множество элементов. Другими словами, выражение ‘все два часа’ не референрует к двум отдельным отрезкам времени, а обозначает единую совокупность. Таким образом, при кодировании значения полного охвата с недискретными со-

вокупностями у чисел отсутствует свойственная им семантика количества. Именно поэтому характерная для дискретных множеств разница между кодированием значения полного охвата с числительным ‘два’ и остальными числительными не отмечается с недискретными совокупностями.

Список сокращений

3 – 3 лицо; ACC – аккузатив; DEF – определенный артикль; DU – двойственное число; F – женский род; M – мужской род; N – средний род; NOM – номинатив; PL – множественное число; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число; UQ1 – CMP-квантификатор; UQ2 – DEF-квантификатор

Литература

1. Еськова Н. А. О числительных. О некоторых сочетаниях с числительными // Избранные работы по русистике. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 276–286.
2. Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 204–212.
3. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянских культур, 2004. 400 с.
4. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistisher Almanach, 1985. 514 с.
5. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.
6. Русакова М. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
7. Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 240 с.
8. Comrie B. Numeral Bases // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: http://wals.info/chapter/131 (accessed on 02.06.2019).
9. Hammerstrom M. Properties of lower numerals and their explanation: A reply to Paweł Rutkowski // Journal of Universal Language. 5. 2004, №2. Pp. 1–20.

10. Kearns K. Semantics. New York: St. Martin's Press, 2000. 269 p.

11. Kratzer A., Heim I. Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998. 324 p.

12. Lazorczyk A., Pancheva R. From "Two" to "Both": Historical Changes in the Syntax and Meaning of Oba in Slavic // Little Words: Their History, Phonology, Syntax, Semantics, Pragmatics, and Acquisition. Georgetown University Press, 2009. Pp. 9–21.

13. Mladenova O. M. Definiteness in Bulgarian. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 472 p.

Резюме

В настоящей статье рассматриваются числительные со значением полного охвата, как рус. *оба* и *все три*, в славянских языках. На материале данных восьми языков, полученных из грамматик и корпусов, а также методом анкетирования носителей, в исследовании выявляются возможные стратегии кодирования полного охвата с числительными. На примере словенского и русского языков подробно обсуждается выбор между 'оба' и 'все два': ср. рус. *оба часа* vs. *все два часа*. Для болгарского языка рассматриваются возможные способы кодирования полного охвата с множествами из двух объектов, а также конкуренция между разными стратегиями для числительных 'три' и выше. Ключевыми факторами, влияющими на распределение стратегий, мы считаем дискретность или недискретность множества, а также количество объектов, из которых оно состоит (число 'два' vs. остальные числа).

Ключевые слова: значение полного охвата, числительные, славянские языки, *оба*, дискретные множества, *все два*, недискретные совокупности

QUANTIFIERS WITH COLLECTIVE MEANING IN SLAVIC LANGUAGES: DISCRETE SETS AND NON-DISCRETE AGGREGATES CODING

Russkikh Alina
student, HSE NRU SPb (Saint Petersburg)
allruss@list.ru

Summary

This study represents an investigation of numerals with collective meaning like rus. *oba* ‘both’ or *vse tri* ‘all three’ in Slavic languages. Based on data from 8 Slavic languages obtained with the help of grammars, corpora and questionnaire method this study reveals possible strategies of coding collective meaning with numerals. On the material of the Russian and Slavic languages we discuss in detail the choice between ‘both’ and ‘all two’ – sf. rus. *oba chasa* ‘both hours’ and *vse dva chasa* ‘all two hours’. For the Bulgarian language, possible strategies of coding collective meaning with sets of two objects and competition between different strategies for a numeral ‘three’ and higher are considered. The strategies distribution of coding collective meaning is described as depending on the type of set and number of objects in the set (‘two’ vs. other numbers).

Keywords: collective meaning, numerals, Slavic languages, *oba* ‘both’, discrete sets, *vse dva* ‘all two’, non-discrete aggregates

References

1. Es’kova N. A. O chislitel’nyh. O nekotoryh sochetaniyah s chislitel’nymi // Izbrannye raboty po rusistike. M.: Yazyki slavyanskih kul’tur, 2011. P. 276–286.

2. Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. O kontekstnoj sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla // Stat’i raznyh let. M.: Yazyki slavyanskih kul’tur, 2009. P. 204–212.

3. Lyashevskaya O. N. Semantika russkogo chisla. M.: Yazyki slavyanskih kul’tur, 2004. 400 p.

4. Mel’chuk I. A. Poverhnostnyj sintaksis russkih chislovyh vyrazhenij. Wien: Wiener Slawistisher Almanach, 1985. 514 p.

5. Paducheva E. V. O semantike sintaksisa. Materialy k transformacionnoj grammatike russkogo yazyka. M.: Nauka, 1974. 292 p.

6. Rusakova M. Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka. M: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 568 p.

7. Tatevosov S. G. Semantika sostavlyayushchih imennoj gruppy: kvantornye slova. M.: IMLI RAN, 2004. 240 p.

8. Comrie B. Numeral Bases // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: http://wals.info/chapter/131 (accessed on 02.06.2019).

9. Hammerstrom M. Properties of lower numerals and their explanation: A reply to Paweł Rutkowski // Journal of Universal Language. 5. 2004, №2. Pp. 1–20.

10. Kearns K. Semantics. New York: St. Martin's Press, 2000. 269 p.

11. Kratzer A., Heim I. Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998. 324 p.

12. Lazorczyk A., Pancheva R. From "Two" to "Both": Historical Changes in the Syntax and Meaning of Oba in Slavic // Little Words: Their History, Phonology, Syntax, Semantics, Pragmatics, and Acquisition. Georgetown University Press, 2009. Pp. 9–21.

13. Mladenova O. M. Definiteness in Bulgarian. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 472 p.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ -*Л*-ФОРМЫ В КОНТЕКСТАХ, ТИПИЧНЫХ ДЛЯ ЗАВИСИМЫХ ПРИЧАСТНЫХ ПРЕДИКАЦИЙ, В РАННИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Скачедубова Мария Вадимовна
старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН), Москва
maria-anna2121@yandex.ru

1. Введение

Традиционно считается, что -*л*-форма в древнерусском языке использовалась исключительно в составе сложных времен: перфекта (с глаголом-связкой *быти* в настоящем времени), плюсквамперфекта (с глаголом-связкой *быти* в прошедшем времени) и будущего сложного II (с глаголом-связкой *быти* в будущем времени)[61].

-*Л*-формы без связки, употребленные в значении прошедшего действия и не имеющие перфектного / результативного значения, обычно интерпретируются как бессвязочный перфект, утративший свое первичное значение и превратившийся в разговорном языке в универсальную форму прошедшего времени. Как, однако, показал анализ широкого круга летописных памятников[62], значительную часть контекстов с таким употреблением -*л*-форм можно классифицировать и разбить на несколько групп. Это свидетельствует о том, что подобное использование -*л*-форм далеко не всегда следует объяснять случайной и непредсказуемой заменой «книжных» аориста и имперфекта разговорной формой прошедшего времени. Данная статья посвящена одному из типов таких специализированных контекстов.

---

[61] См., например, [Борковский, Кузнецов 1963/2009; Горшкова, Хабургаев 1981].

[62] Материалом для исследования послужили Ипатьевская летопись (далее ИЛ; по изд. [ПСРЛ, Т. 2]), Лаврентьевская летопись и ее продолжение по Академическому списку (далее ЛЛ и Ак. соответственно; по изд. [ПСРЛ, Т. 1]), Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ ст. и НПЛ мл. соответственно; по изд. [НПЛ ст. и мл.]), Псковская первая летопись по Тихановскому списку (далее Пск. I; по изд. [ПСРЛ, Т. 5, Вып. 1]) и Псковская вторая летопись по Синодальному списку (далее Пск. II; по изд. [ПСРЛ, Т. 5, Вып. 2]).

2. Контексты с -*л*-формами, характерные для причастных предикаций

Часть случаев употребления в нарративе -*л*-форм без связки, не имеющих перфектного значения, составляют контексты с зависимыми предикациями, для которых, по данным А. А. Потебни и А. А. Пичхадзе [Потебня 1888/1958: 208–232; Пичхадзе 2011], было характерно использование причастий. Авторы определяют виды зависимых предикаций, в которых используется именно причастие, а не личная форма глагола. Как показал исследованный материал, в некоторых из них могла использоваться и -*л*-форма. Рассмотрим ниже три типа характерных для причастий зависимых предикаций.

2.1. Контексты с союзными вопросительно-относительными словами

Один из типов контекстов, характерных для причастных предикаций, по наблюдениям А. А. Пичхадзе, – контексты с союзными (вопросительно-)относительными словами, которые указывают на «неопределенный, любой, какой угодно, случайно присутствующий субъект / объект, обстоятельство или свойство», ср. пример из Повести временных лет, сообщающий, что «славяне расселились по землям и *прозвашасѧ имены своими.* ***гдѣ сѣдше*** *на которомъ мѣстѣ* – т. е. получили названия в зависимости от того, где какому племени случилось осесть» [Пичхадзе 2011: 464]; *блѫжныи же ан(д)рѣи немощи дѣмони пороугавсѧ. вратисѧ* ***ѿкоудѣ пришедъ*** (Житие Андрея Юродивого, 1202) – «вопросительно-относительное наречие, вводящее причастную предикацию, указывает на обстоятельство, характеристика которого автору безразлична» [там же: 465]. Это же значение наблюдается в примерах, которые приводит А. А. Потебня [Потебня 1888/1958: 211–214], иллюстрируя причастные предикации с (вопросительно-)относительными словами, например: *а прокъ ихъ разбежесѧ.* ***коуды кто видѧ****. нъ тѣхъ корѣла* ***кде обидоуче*** *въ лѣсе ли. выводѧче избиша* (НПЛ ст. 103 об.).

Приведем некоторые из обнаруженных нами аналогичных примеров:

(1) НПЛ мл. л. 148 *Нь послѣ толко осташася Ижерянѣ усрѣтоша их бѣгающих, и ту их избиша много, а останокъ их разбѣгошася, кои гдѣ, нь пакы и тѣх Корѣла,* ***гдѣ любо обшед,***

или в лѣсѣ или на нѣвѣ или в вежах, и тѣх, выводящее, избиша – ‘но Корела, где ни (в любом месте, где) находили, в лесу, в поле, в стане, их убивали’;

(2) НПЛ мл. л. 154 *друзии же мох ядяху и ушь, сосну, кору липову и листъ, илемъ,* ***кто что како замысливъ*** – ‘ели все, кто (каждый, всякий, любой) что придумает’;

(3) ЛЛ л. 108 об. *и сѣдши(м҃) имъ на ѥдино(м҃) мѣстѣ и оуладишасѧ.* ***кдѣ что*** *своѥ* ***познавше*** *лице(м҃) имати* – ‘договорились, кто что признал своим, иметь наличностью’;

(4) Пск. I л. 23 *А инии Нѣмцы, дружина их, стояше за Великою рѣкою; и* ***что гдѣ полонивъше*** *или моужьска полу или женьска или девицу или отрока или скотъ, провадяху за Великую рѣку* – ‘немцы увели всех / каждого / любого, кого взяли в плен: будь то мужчина, женщина, девушка, юноша или скот’.

В проанализированных нами летописях были обнаружены примеры, в которых в аналогичных контекстах употреблена *-л-* форма. Рассмотрим их:

(5) ИЛ л. 302 *и розъсла мл(с҃)тню по всеи земли и стада роздая оубогымь. людемь. оу кого то кони нѣтоуть. и тѣмь* ***иже кто погибли*** *в Телебоузиноу рать* – ‘раздавал милостыню всем / любым, кто (ни) пострадал во время рати’;

(6) НПЛ ст. л. 158 *В лѣто 6822. Избиша Корѣла городчанъ,* ***кто былъ*** *Руси в Корѣльскомь городкѣ, и въведоша к собѣ Нѣмець* – ‘Корела избили любого / каждого, кто был русским’;

(7) НПЛ ст. л. 74 об. *а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щитъ; аще кто потаи* ***похватилъ****, а того единъ богъ вѣдаеть, и от того мнози разбогатѣша; а что на дъщькахъ, а то князю оставиша* – ‘если кто-то / кто [что] ни взял, о том никто не знает’;

(8) НПЛ ст. л. 163 *Того же лѣта заратишася устьюжане с новгородци, изъимаша новгородцевъ,* ***кто ходилъ*** *на Юргу, и ограбиша ихъ* – ‘устюжане захватили в плен всех / каждого / любого новгородца, ходившего на Юргу’;

(9) НПЛ ст. л. 86 об. *Мьстиславъ же поиде съ новгородьци къ Переяславлю; и не идя къ городу, поима дары; пославъ, поя дъцерь свою, жену Ярославлю, и что живыхъ новгородьць, и* ***что было*** *съ Ярославомь въ полку; и придоша въ Новъгородъ съдрави вси* – ‘Мстислав взял всех / любого / каждого, кто был с Ярославом в полку’. Такой же контекст встретился в Ак., ср.:

(10) Ак. л. 227 об. *а кнѧзь Мстиславъ не идѧ к городоу. поимавъ дары и посла в горо(д). и поѧ дщерь свою. а кнѧгиню ярославлю. и что живы(х) Новогородець. и* ***что было*** *съ ярославомъ полкоу и выѣха въ станы за городъ* – ‘князь взял в плен каждого / любого живого Новгородца и каждого, кто (ни) был с Ярославом в полку’;

(11) НПЛ мл. л. 130 *взяша Цесарьград на щитъ, исѣкоша Грѣцѣ; и* ***кто ся*** *их* ***гдѣ хоронилъ****, и тѣх, выводяще, исѣкоша; а святую Софѣю всю пограбиша и что в неи* – ‘кто где ни прятался, всех вывели и убили’;

(12) НПЛ мл. л. 207 об. *а хотя* ***кто что вынеслъ*** *или на поле, или на огороды, или въ греблю <...> то все пламенемь взялось* – ‘кто что ни вынес, всё сгорело’;

(13) НПЛ мл. л. 207 об. – 208 *а хотя кто что вынеслъ или на поле, или на огороды, или въ греблю <...> то все пламенемь взялось; а иное,* ***что*** *хотя* ***кто вынеслъ****, злии человѣци разграбиша, иже бога не боятся* – ‘кто что ни вынес, злые люди всё разграбили’;

(14) НПЛ мл. л. 205 *Тои же зимы Корѣла, подведше Нѣмець, побиша Русь новгородцовъ много и ладожагъ гостии и* ***кто жилъ*** *крестиянъ в Корѣлѣ* – ‘Корела побили многих новгородцев, купцов из Ладоги и всех / каждого из крестьян / любого, жившего среди Корелы’;

(15) НПЛ мл. л. 131 об. – 132 *а житье их поимаша, а села ихь распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытокъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему граду, и на щить; а* ***что кто похватилъ****, а того единь богъ вѣсть, и от того мнозѣ разбогатѣша* – ‘один Бог знает, кто что украл’. Аналогичный контекст есть и в НПЛ ст. В нем, правда, значение произвольного выбора выражено чуть менее явственно, т. к. отсутствует местоимение *что*:

(16) НПЛ ст. л. 74 об. *а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щитъ; аще кто потаи* ***похватилъ****, а того единъ богъ вѣдаеть, и от того мнози разбогатѣша*;

(17) НПЛ мл. л. 105 об. *Лотыголу и Либь, и отпустиша я опять; и тѣхъ,* ***кто ималъ*** *придатъкъ у Ярослава, выгнаша исъ Пльскова: «поидите по князи своемь, намъ есте не братья»* – ‘а тех (всякого, каждого, любого), кто имел плату у Ярослава, выгнали’;

(18) ЛЛ л. 31 об. *и н(а)оучисѧ ѿ анг҃ла Гаврила. ѡ бытьи всего мира. и ѡ первѣмь чл҃вцѣ. и яже суть была по немъ и по потоп(ѣ) и ѡ смѣшеньи языка. аще* ***кто колько*** *лѣтъ* ***былъ*** – ‘и узнал от ангела Гавриила о мире, и о первом человеке [...] и о смешении языков, и о том, кто сколько лет был’;

(19) ЛЛ л. 163 *бѣ же Василко лице(м҃) красенъ. ѡчима свѣтелъ и грозенъ. хоробръ паче мѣры на ловѣ(х҃). ср(д҃цмь лего(к҃). до бояръ ласковъ. никтоже бо ѿ бояръ* ***кто*** *ѥму* ***служилъ.*** *и хлѣбъ ѥго* ***ѣлъ.*** *и чашю* ***пилъ*** *и дары* ***ималъ.*** *тотъ никако(ж҃) оу иного кнѧзѧ можаше быти за любовь ѥго* – ‘каждый, кто / любой, кто ему служил, ел его хлеб, пил из его чаши, принимал от него дары [...]’;

(20) Ак. л. 244 об. *бѣ же Василко лицемъ красенъ ѡчима свѣтелъ. и гросенъ взоро(м). паче мѣры храборъ <...> а* ***кто*** *ємоу* ***слїжи(л҃)*** *то(т) не можаше є(г҃) забыти и до смр҃ти* – ‘каждый / любой / кто бы ему (ни) служил, не мог забыть его до смерти’;

(21) Пск. I л. 82–82 об. *а* ***что которое*** *Нѣмцы* ***прияли*** *посла псковъскаго Кондрата судию, или гостя пъсковъскаго, и* ***что полонили*** *нашихъ на Колпиномъ и на Норовѣ, то все отпустиша во Пъсковъ с нашимъ посломъ* – ‘немцы отпустили всех / каждого / всякого, кого они захватили и взяли в плен (будь то псковский посол Кондрат или псковский купец)’;

(22) Пск. I л. 85 об. *<...> се вамъ вода и земля владычня; а* ***что_которое*** *хлѣбъ* ***имали*** *с тое земли владычни, ино то вамъ того назадь не отдавати* – псковичи, узнав, что новгородцы начали сговариваться против них с немцами, решили заключить мир с Новгородом, пожертвовав завоеванными ими территориями, говоря, что «всё, что новгородцы ни завоевали, ни получили с владычных земель, они могут не возвращать»;

(23) Пск. I л. 29 об. *А* ***кто*** *им тогда въ болѣзни* ***послоужилъ,*** *и в час исхода душь их от жизни сея* ***пригладалъ*** *и* ***попекъся*** *ими, якоже подобает сдравым о болных, живым о мертвых промышляти, сродници же или дроузи или ин кто, тако бога дѣля <...> то и ти такоже мнози, на борзѣ разболѣвшеся, оумирахоу* – ‘каждый / любой, кто ухаживал за больным, сам скоро заболевал и умирал’ (речь идет о страшном море в городе). Если форму *попекъся* понимать как причастие прошедшего времени, то мы имеем замечательный пример соседства двух форм (-*л*-формы и «обычного» причастия) в одной функции. С другой стороны, та-

кая форма может объясняться и фонетическим упрощением конечной группы [кл].

(24) Пск. II л. 189 *И толми бысть тамо дорогъ глѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, али каково портище, а ржи наша четверетка,* ***чего кто запросил****, а инии съ оусердиемь даваху, а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковых мало обрѣтаху* – ‘хлеб был очень дорог, и за него готовы были платить любую сумму, кто сколько за него ни просил’;

(25) Пск. II л. 213 *И тогда князь, и посадники, и вси псковичи, не терпяще дръщости поганых, всѣдше скоро на коня ови в доспѣсѣх, а инии нази, токмо* ***в кого что оугодилося****, или коие или оружие или щит, ови на конѣх ови пѣши, и стяги поимавше, скоро противу имъ выидоша и сташа на Оустьях* – ‘люди вооружались тем, у кого что было / кому что удалось найти’;

(26) Пск. II л. 178 об. *В лѣто 6898. Бысть моръ въ Пскове, якоже не бывалъ таковъ: где бо единому* ***выкопали****, ту и пятеро и десятеро положишя* – ‘в любом месте, где бы ни выкапывали яму для одного человека, там хоронили и пятерых, и десятерых’. Тот факт, что причастие может употребляться с вопросительно-относительными словами в хабитуальных контекстах, отмечает и А. А. Пичхадзе, ср. в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны»: *исплънивсѧ ярости.* ***идеже wбрѣтъ*** *жидовина оубиваше* – ‘убивал (любого) иудея на (любом) месте (= везде), где бы ни встретил’ [Пичхадзе 2011: 467].

2.2. Конструкции, вводимые союзом *яко*

Другим типом контекстов, в которых используются причастные предикации, по данным А. А. Пичхадзе, являются конструкции, вводимые союзом *яко*. Такие примеры очень редки и встречаются в основном в переводных памятниках, калькируя греческие причастные обороты с ὡς ‘как, словно’, ‘в качестве’, ‘потому что’, ‘как только’, ‘так что’, ср.: *и аз же оубо аще ти wдолѣю, славенъ боудоу црь҃ъ великъ въ єллинѣхъ и варварѣхъ,* ***яко*** *толика црь҃ѧ силна дариѧ* ***оубивъ*** (Александрия 45) ‘прославлю как убивший = в качестве убившего = потому что убил’ [там же: 473].

Хотя А. А. Пичхадзе отмечает, что в древнерусских памятниках подобные конструкции встречаются с союзами *акы* или *яко* лишь со значением ‘словно, будто’, мы обнаружили, как кажется, аналогичный пример в НПЛ мл.:

(27) НПЛ мл. л. 35 об. – 36 *И отвѣщавши же Олга, и рече къ Соломѣру: «<...> постоиши у мене в Почаинѣ,* ***якоже*** *и азъ у тебе въ Съсуду* ***стоявши****, то тогда ти дамъ»* – ‘побудешь у меня в Почайне, как / словно / потому что я была у тебя в Суду, тогда тебе отдам’.

Данный пример кажется уместным сравнить с контекстом из НПЛ ст., в котором в аналогичной ситуации употреблено не «обычное» причастие прошедшего времени, а -*л*-форма и не *яко*, а *оже* (однако с таким же значением):

(28) НПЛ ст. л. 22 *и послаша по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, нъ посла сынъ свои Ростислав,* ***оже*** *тои преже* ***былъ*** – Юрий не поехал в Новгород сам, ‘но послал своего сына Ростислава, как / в качестве кого он и был раньше’ (Ростислав ранее княжил в Новгороде).

Рассмотрим еще один пример причастной предикации, обнаруженный нами в ЛЛ:

(29) ЛЛ л. 88 *приде же и Дв҃дъ с ни(м҃).* ***акы*** *нѣкакъ оуловъ* ***оуловивъ*** – речь идет об ослеплении Василька Теребовльского: ‘Давыд пришел словно зверя поймав / в качестве поймавшего зверя’.

Абсолютно такой же контекст мы находим в Ипатьевской летописи, с той лишь разницей, что вместо причастия прошедшего времени употреблена -*л*-форма:

(30) ИЛ л. 90 *прииде же и Дв҃дъ по немъ.* ***яко*** *звѣрь* ***оуловилъ.***

Как отмечает А. А. Пичхадзе, в текстах встречаются и случаи введения причастной предикации, в которых *яко* выступает в качестве подчинительного союза: *и* ***яко*** *давно ѥго* ***не видивше.*** *въпрашающе же. гл҃аху б҃олиши. гдѣ ѥси былъ доселѣ* <...> ‘поскольку давно не видели’ (ЖАЮ 1765); *бѣ бо Болеславъ великъ и тѧжекъ* ***яко*** *и на кони* ***не могы*** *сѣдѣти* (Повесть временных лет [ПСРЛ I: 143]) – ‘так что не мог сидеть’ [Пичхадзе 2011: 473–475]. Аналогичным кажется контекст из НПЛ ст., в котором используется -*л*-форма:

(31) НПЛ ст. л. 135 об. *И поиде съ своими полкы князь и с новгородци; и бысть золъ путь,* ***акыже не видали*** *ни дни, ни ночи; и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ богъ сблюде* – ‘дорога была плохой, поскольку / так что не видели ни дня, ни ночи’.

2.3. Контексты с союзами, означающими ‘пока не’

Среди причастных конструкций с подчинительными союзами А. А. Пичхадзе выделяет тип контекстов с союзами, означающими ‘пока не’, ср.: *никогоже другомъ твори* ***преже_даже не испытавъ****, како живеть съ предънимъ другомъ* (Пчела 62); *бъ кореньѥ <...> не оубьѥть,* ***преже даже не родивъсѧ*** *ѿ него плодъ блг҃ъ* (Пчела 314) [Пичхадзе 2011: 475]. Сравним с ними следующий контекст из ИЛ:

(32) ИЛ л. 261 *королевичь же. и Дьянишь. и Соудиславъ. изнемогахоу гладомь в градѣ. стояше же .ѳ҃. недѣль воюя жда ледоу.* ***дондеже перешлѣ*** *на нѣ* – как и в примерах из предыдущих групп, данный пример подобен контекстам, типичным для причастных предикаций, однако в нем употребляется не причастие, а -*л*-форма.

3. Заключение

Таким образом, в статье были разобраны контексты с -*л*-формами, являющиеся характерными для причастных предикаций. Больше всего -*л*-форм (27 употреблений) такого типа относится к первой группе, в которой указывается на любой, неопределенный субъект / объект / обстоятельство / свойство.

Данный факт неудивителен и закономерен, так как, по данным А. А. Пичхадзе, именно к первой разновидности относится преобладающая часть зафиксированных употреблений с причастными предикациями [Пичхадзе 2011: 463].

Вторая и третья группы (на них приходится всего 4 примера из проанализированных летописей), в которых причастные конструкции вводятся союзами со значением ‘пока не’ и *яко* / *ако*, «в древнеславянской письменности чрезвычайно редки» [там же: 473]. Это объясняет единичные примеры с -*л*-формами в аналогичных контекстах в исследуемых нами текстах.

Регулярность, с которой в рассмотренных контекстах используются или «обычные» причастия прошедшего времени, или -*л*-формы, позволяет предположить, что последние могли функционировать не только в составе сложных времен, но и в качестве «обычных» причастий прошедшего времени, актуализируя свои причастные свойства и вступая в конкуренцию с причастиями на -*ъш*- / -*въш*-.

Встает вопрос о правомерности сопоставления функций -*л*-форм и причастий на -*ъш*- / -*въш*- на основе их употребления в

аналогичных контекстах, ведь для древнерусских памятников типично варьирование причастных форм также с аористными, а начиная с XV в. «в стилистическом варьировании с причастием кроме аориста <…> может участвовать и перфектная форма» [Колесов 1976: 91]. Несмотря на варьирование всех трех образований, сопоставление -*л*-форм в определенных контекстах именно с причастиями на -*ъш*- / -*въш*- кажется обоснованным в силу следующих причин.

Аорист в языке древнерусских памятников являлся «наиболее обычным временем для обозначения событий, имевших место в прошлом» [Кузнецов 1959: 191]. Формы аориста преобладают в летописном тексте и являются наиболее типичными для повествования (см., например, статистические данные, приводимые в [Попова 1999: 14]).

Таким образом, употребление аориста в большинстве выделяемых контекстов было бы уместным. Однако, в силу того что аорист является наиболее распространенной формой прошедшего времени, его употребление в обсуждаемых контекстах нельзя назвать специфическим для них. Кроме того, хотя использование аористной формы чаще всего в них теоретически возможно, оно не является наиболее частотным.

Наиболее же типичным для ряда выделяемых контекстов оказывается употребление причастной формы. В отношении нее мы можем с уверенностью говорить о существовании специфических типов употребления, что не раз отмечалось исследователями (см., например, [Потебня 1888/1958: 185–207; Růžička 1963; Пичхадзе 2011]). Для -*л*-форм в исследованных летописях также выделяется строго ограниченный ряд характерных контекстов. Таким образом, именно потому, что один и тот же тип употребления оказывается характерным, специфическим (а не просто теоретически возможным, как для аориста) и для -*л*-форм, и для причастий на -*ъш*- / -*въш*-, их сопоставление кажется обоснованным и перспективным.

Литература

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2009.

2. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

3. Колесов В. В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка: Древнерусский период. Л., 1976. С. 74–93.

4. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

6. Пичхадзе А. А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библеистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 462–480.

7. Попова Т. Н. Формы прошедшего времени глагола в летописных текстах (на материале Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV века). Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.

8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

9. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

10. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.

11. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. V. Вып. 1. М., 2003.

12. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. V. Вып. 2. М., 2000.

13. Růžička R. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin, 1963.

Резюме

Как показал анализ летописных памятников, употребление в нарративе -*л*-формы без связки не в перфектном значении далеко не всегда следует объяснять утратой сложной системы прошедших времен и превращением бывшего перфекта в нейтральное прошедшее время. Значительную часть контекстов с таким употреблением -*л*-форм можно классифицировать и разбить на несколько групп. Одну из групп составляют случаи, в которых -*л*-форма употребляется в зависимых предикациях, для которых характерно использование причастий. Это позволяет предположить,

что -*л*-формы могли функционировать не только в составе сложных времен, но и в качестве причастий прошедшего времени на -*ъш*- / -*въш*-.

Ключевые слова: древнерусский язык, -*л*-форма, причастие прошедшего времени, зависимая предикация, нарратив

ON THE INTERPRETATION OF THE -*L*-FORM IN THE CONTEXTS TYPICAL FOR SUBORDINATE PARTICIPLE CLAUSES IN THE EARLY RUSSIAN CHRONICLES

Skachedubova Maria
National Research University Higher School of Economics;
V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences (Moscow)
maria-anna2121@yandex.ru

Summary

The analysis of the Old Russian chronicles has shown, that the use of the -*l*-form in the narrative without an auxiliary should not always be explained by the loss of the complex system of past tenses. Some contexts with such use of the -*l*-form can be classified and divided into several groups. In one of this groups the -*l*-form is used in dependent clauses, for which the use of participles is typical. It seems reasonable to assume, that -*l*-forms can function not only as a part of the compound verbal predicate, but also as a past participle with the suffix -*ъš*- / -*vъš*-.

Keywords: the Old Russian language, -*l*-form, past participle, subordinate clause, narrative

References

1. Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. [Historical grammar of Russian.] M., 2009.
2. Gorshkova K. V., Khaburgayev G. A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. [Historical grammar of Russian.] M., 1981.

3. Kolesov V. V. Dinamika form proshedshego vremeni v drevnerusskikh pamyatnikakh // Istoriya russkogo yazyka: Drevnerusskiy period. [Dynamics of past tense forms in the Old Russian manuscripts // History of the Russian language: the Old Russian period.] L., 1976. P. 74–93.

4. Kuznetsov P. S. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. [Essays on historical morphology of the Russian language.] M., 1959.

5. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov. [The First Novgorodian Chronicle – Older and Younger recensions.] M.–L., 1950.

6. Pichkhadze A. A. Slavyanskoye prichastiye-skazuyemoye v zavisimykh predikatsiyakh kak pokazatel modalnosti i evidentsialnosti // Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroy bibleistiki professora Anatoliya Alekseyevicha Alekseyeva. [The Slavic participle-predicate in dependent clauses as an indicator of modality and evidentiality // Biblical Studies. Slavistics. Russian studies: To the 70th anniversary of the head of the Department of Biblical studies, professor Anatoly Alekseevich Alekseev.] SPb., 2011. P. 462–480.

7. Popova T. N. Formy proshedshego vremeni glagola v letopisnykh tekstakh (na materiale Novgorodskoy I letopisi mladshego izvoda i Moskovskogo letopisnogo svoda kontsa XV veka). Dis. ... kand. filol. nauk. [The past tense verb forms in chronicles (a case study of the Novgorod First Chronicle of the younger recension and the Moscow Chronicle of the end of the 15th century).] Kazan, 1999.

8. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. I–II. [From the notes on the Russian grammar. Vol. I–II.] M., 1958.

9. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. I. Lavrentyevskaya letopis i Suzdalskaya letopis po Akademicheskomu spisku. [The complete collection of the Russian chronicles. Vol. I. Laurentian and Suzdal chronicles.] M., 1962.

10. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. II. Ipatyevskaya letopis. [The complete collection of the Russian chronicles. Vol. II. Hypatian chronicle.] M., 1962.

11. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 1. [The complete collection of the Russian chronicles. Vol. V. Is. 1.] M., 2003.

12. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 2. [The complete collection of the Russian chronicles. Vol. V. Is. 2.] M., 2000.

13. Růžička R. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. [The syntactic system of the Old Slavic participles and its relation to the Greek.] Berlin, 1963.

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕМ ЗАЛОГЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЕ

Соколов Александр Сергеевич
аспирант, Институт языкознания РАН (Москва)
Ratven10@yandex.ru

Введение

В языках германской группы представлены две залоговые формы – актив, или действительный залог, не маркированный морфологически или синтаксически, и пассив или, страдательный залог, функция которого – помещение агенса на место дополнения или его устранение из предложения. В западногерманских языках, к числу которых относится и немецкий язык, основным средством выражения залоговых противопоставлений являются аналитические глагольные формы.

Вместе с тем, характерная черта немецкого языка (как и целого ряда германских языков) – наличие сравнительно развитой системы периферийных средств выражения залоговых значений, таких как стативные и результативные конструкции (например, немецкий «пассив состояния»), так называемый реципиентный пассив, ряд инфинитивных конструкций, а также (при определенных обстоятельствах) глаголы в сочетании с грамматическим показателем возвратности и конструкция *sich lassen* + Infinitiv. Под конструкцией в данном контексте понимается словосочетание с некоторой степенью устойчивости, обладающее семантикой и прагматическими функциями, не вытекающими из значений отдельных элементов конструкции [Добровольский 2013: 365].

Настоящее исследование посвящено именно последним двум элементам функционально-семантического поля залоговости. Оно ставит целью продемонстрировать наличие у них специфической семантики, не сводимой к одному из значений, традиционно ассоциируемых с медиальной морфологией, а также проанализировать уместность постановки вопроса о рассмотрении так называемого среднего залога не как конструкции, выступающей в качестве аналога пассива, а как самостоятельного, пусть и характеризующегося низкой частотностью, элемента залоговой парадигмы немецкого глагола.

Актуальность настоящей статьи обусловлена противоречивым характером как категории залога в целом, так и вопроса о составе систем залоговых форм конкретных языков.

Мы обращаемся к аутентичному языковому материалу, содержащемуся в коллекции корпусов немецкого языка Мангеймского института. Исследование состоит из четырех частей: в первой производится попытка дальнейшего уточнения содержания понятия «средний залог», во второй приводятся примеры функционирования медиальных конструкций в других индоевропейских языках, в третьей уделяется внимание глаголам с показателем возвратности *sich* как классическому примеру медиальной глагольной формы, в четвертой рассматривается конструкция *sich lassen* + *Infinitiv*. Теоретические положения исследования основаны на работах М. М. Гухман, С. Кеммер и М. Питероффа.

1. Содержание понятия «средний залог»

Одной из проблем, затрудняющих рассмотрение проблематики исследования, является многозначность понятия «средний залог». Хотя изначально оно имело конкретное значение и применялось для описания залоговой формы в древнегреческом языке, на сегодняшний день под средним залогом могут пониматься весьма разнородные с формальной и семантической точек зрения грамматические явления, в том числе такие обороты, которые никак не маркированы и объединяются в одну категорию лишь потому, что все они обозначают действие, которое оказывает влияние на субъект или затрагивает его интересы [Kemmer 1993: 1].

Это обстоятельство подталкивает нас к рассмотрению среднезалоговой проблематики сквозь призму понятия «диатеза», обозначающего набор существующих в языке отношений между семантическими ролями актантов и их формальным воплощением в высказывании; морфологическая категория залога, таким образом, выступает в качестве средства реализации этого отношения.

Заслуживают внимания изыскания Э. Барбер, которые не ограничились сопоставлением английских медиальных конструкций с формами актива и канонического пассива: исследователь уделяет внимание реципиентному пассиву (который она называет также пассивом каталитическим ввиду характерной для данной конструкции семантики ответственности пациенса за наступление описываемой высказыванием ситуации) [Barber 1975: 22–23].

Свой отпечаток на анализ форм среднего залога накладывают и интересы исследователя: с точки зрения теоретического синтаксиса многозначность медиальной морфологии и вытекающего из нее разнообразия доступных синтаксических интерпретаций медиальных конструкций может делать рассмотрение среднего залога как полноправного члена залоговой оппозиции нецелесообразным. В таких случаях на первый план выходит рассмотрение среднего залога как некоторой группы значений, свойственной разнородным конструкциям [Alexiadou and Doron 2012: 1].

Однако типологически наличие во многих языках (в том числе – разноструктурных) морфосинтаксических явлений, традиционно относимых к сфере среднего залога, делает возможным построение единой концепции среднего залога, применимой к любому языку, в котором встречаются подобные формы. В качестве примера такого подхода можно привести изыскания С. Кеммер, рассматривающей медиальные конструкции на материале ряда разноструктурных языков и приходящей к выводу о наличии у них ряда инвариантных черт. По Кеммер, все высказывания, в которых находят употребление формы среднего залога, характеризуются более низким вниманием к внутренней структуре описываемой высказыванием ситуации; семантически средний залог обозначает ситуации, в которых действие исходит от субъекта (хотя отнюдь не всегда собственно производится им же) и направлено на него же [Kemmer 1993: 248].

2. Средний залог в индоевропейских языках

В древних индоевропейских языках (к примеру, древнегреческом и санскрите) противопоставление действительного и среднего залогов представляло собой один из наиболее распространенных типов залоговых оппозиций. Вместе с тем, его анализ несколько затруднен ввиду слабой формализации и многогранной семантики медиальных форм [Гухман 1964: 32].

В индоевропейской языковой семье медиальные залоговые формы представлены повсеместно. В качестве примеров можно назвать русские глаголы на *-ся* [Kemmer 1993: 27], исландскую глагольную форму с суффиксом *-st* (которую многие традиционные грамматики называют формой среднего залога) [Thráinsson 1994: 161] и английские конструкции, аналогичные примеру (1), которые примечательны тем, что средний залог в них никак не маркирован, хотя с точки зрения значения и синтаксиса подобные

предложения куда ближе к среднему залогу, чем к грамматически исходной форме актива – в этой связи следует отметить свойственную многим английским глаголам лабильность, позволяющую им реализовывать в предложении семантику декаузатива без опоры на какую-либо глагольную морфологию [Гаврилова 2012: 50].

(1) *On the whole the translation reads well.*

‘В целом, перевод читается хорошо’.

Эти английские конструкции отражают еще один аспект проблематики среднего залога, затрудняющий ее рассмотрение, – существование различных терминов, обозначающих отдельные разновидности медиальных конструкций и призванных акцентировать внимание на их отдельных характеристиках. Порой такие термины употребляются в качестве полного синонима понятия «средний залог». Характерный пример подобного рода – употребление Э. Кенигом термина «медиопассив» по отношению к английским среднезалоговым конструкциям [König 1994: 551].

Следует отметить, что по своей семантике немецкие медиальные обороты (как и, например, аналогичные конструкции в английском языке) отнюдь не совпадают со средним залогом в древних индоевропейских языках, формировавшим ядро залоговой оппозиции актива и медия: так, древнегреческая форма среднего залога могла выражать не только вовлеченность субъекта в выполнении описываемого действия, но и заинтересованность субъекта в нем; кроме того, семантика свойства придает немецким медиальным конструкциям статичный характер, в отличие от среднего залога.

3. Канонический средний залог в немецком языке

Зачастую к среднему залогу в немецком языке относят конструкции вида (2). Для их анализа обратимся к набору ролей, которые медиальная морфология (представленная в данном случае местоимением *sich*) может выполнять в языке: маркер среднего залога может выступать в качестве показателя возвратности, взаимности, страдательного или декаузативного значения, конверсива или автобенефактива [Kulikov 2011: 393].

(2) *Die Tür öffnet sich leicht.*

‘Дверь открывается легко’.

Некоторые интерпретации немецкого среднего залога исключены уже ввиду синтаксической структуры предложений, в которых он фигурирует: (1) те медиальные предложения, в кото-

рых форма *sich* обозначает актант, соотносящийся с единичным лицом или предметом, не могут рассматриваться как взаимные; (2) присутствие лишь одного актанта существенно затрудняет конверсивную интерпретацию; (3) обращение к их семантике не поддерживает автобенефактивный анализ.

С другой стороны, поверхностно схожие примеры указывают на возможность рассмотрения подобных предложений в возвратном (3), ингерентно возвратном (4) или декаузативном (5) ключе, на что указывает М. Штайнбах [Steinbach 2002: 3]:

(3) *Sie verhalten sich sehr unverantwortlich.*

‘Они ведут себя очень безответственно’.

(4) *Und wer schwitzt, der friert leicht und erkältet sich schneller.*

‘Тот, кто потеет, легко замерзает и простужается быстрее’.

(5) *Das Fenster zum Frieden öffnet sich.*

‘Окно в мир открывается’.

Отказ от возвратной интерпретации канонических медиальных предложений до некоторой степени обусловлен соображениями лексико-семантического плана: поскольку место подлежащего в них зачастую занимает существительное, обозначающее неодушевленный предмет, постановка вопроса о субъекте как об агенсе не всегда возможна, и, следовательно, трактовка подобных оборотов как выражающих кореферентность дополнения и подлежащего неуместна.

Следует отметить, что собственно средний залог (6) и декаузатив (7) могут быть интерпретированы как пассив. Кроме того, Ю. Кунце отмечает, что медиальные конструкции могут быть перефразированы как неопределенно-личные предложения с местоимением *man* [Kunze 1996: 646]. Это чередование может объяснять существующие в немецком языке ограничения на введение в медиальное предложение предложной группы *für einen* (где *einen* – форма винительного падежа местоимения *man*), так как свойственное ей значение уже присутствует в высказывании в силу характера связи предиката и имплицитного аргумента [Kunze 1996: 692].

(6) *Der Roman liest sich leicht.*

Ср. *Der Roman ist leicht zu lesen.*

Ср. *Der Roman kann leicht gelesen werden.*

Ср. Man liest den Roman leicht.

‘Роман читается легко’.

Ср. ‘Роман может быть легко прочитан’.

(7) *Eine Lösung wird sich finden.*

Ср. *Eine Lösung wird gefunden werden.*

‘Решение найдется’.

Ср. ‘Решение будет найдено’.

Конструкции с медиальной морфологией нередко классифицируются как элемент ядра системы средств выражения страдательного значения: среди примеров подобного рода можно упомянуть испанский так называемый возвратный пассив (8) и русские глаголы с суффиксом *-ся*, которые в некоторых грамматиках описываются как синтетическая форма русского страдательного залога [Зельдович 2010].

(8) *Allí se decidió algo más.*

‘Там было принято еще одно решение’.

Вместе с тем, эти значения поддаются различению благодаря как специфике синтаксиса этих конструкций, так и лексико-семантическим ограничениям на их образование. К примеру, хотя функция форм страдательного залога – выражение категории коммуникативного членения за счет помещения пациенса на место подлежащего, пассив характеризуется возможностью указания на группу агенса. Главной же функцией декаузатива является полное удаление агенса из высказывания, в то время как средний залог характеризуется имплицитным присутствием агенса, которое, тем не менее, не может реализоваться в предложении через предложную группу [Kunze 1996: 647].

Таким образом, канонические медиальные конструкции и характеризуются многозначностью, однако мы можем сделать вывод о возможности их употребления в специфическом значении, не ассоциируемом с более распространенными примерами функционирования медиальной морфологии в немецком языке. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается главное отличие медиальных оборотов от рефлексивно-пассивных конструкций, хотя и стоит отметить, что с точки зрения их употребления – это различие едва ли заметно, поскольку средний залог выражает способность пациенса претерпевать определенное действие, что обусловливает возможность его употребления в качестве аналога страдательного залога.

Вместе с тем, следует отметить существование и других точек зрения на их природу. Так, Б. Примус и Дж. Швамб полагают, что главным отличием медиальных конструкций от рефлексива

является наличие у них специфических семантических ролей, и рефлексивная интерпретация возможна и в тех случаях, когда валентностная структура предиката отличается от той, что характеризует употребление входящего в его состав глагола в исходной диатезе [Primus & Schwamb 2006: 230]. В пользу же интерпретации среднего залога как одного из глагольных оборотов, относящихся к числу аналогов пассива, говорит его чередование с неопределенно-личными предложениями, образованными при помощи местоимения *man*.

4. *Sich lassen* + инфинитив как медиальная конструкция

Эту конструкцию роднит с «каноническим» вариантом среднего залога не только присутствие в ее составе возвратного местоимения, но и ярко выраженная многозначность.

При обсуждении этой конструкции уместно разграничить две ее разновидности – каузативную и собственно медиальную, нередко относимую к сфере средств выражения страдательного значения. Каузативная разновидность (9–10) во многом схожа со стандартным употреблением глагола *lassen* (11), что позволяет судить о высокой степени ее лексикализации.

(9) *Ich lasse mich von ihr mitziehen.*

‘Я даю ей вести меня за собой’.

(10) *Ich lasse mich von Biografien und Ideen junger Leute inspirieren.*

‘Я вдохновляюсь идеями и биографиями молодых людей’.

(11) *…die Nachricht von Lydias Tod lässt ihn nach Spanien zurückkehren.*

‘…новость о смерти Лидии заставляет его вернуться в Испанию’.

Следует отметить, что и каузативный вариант может быть интерпретирован как конструкция с семантикой среднего залога, на что указывают случаи его употребления с глаголами, которые описывают действия, связанные с уходом за телом (12), однако нам представляется более уместным его рассмотрение преимущественно как каузатива вследствие присутствия в составе конструкции ярко выраженного каузирующего субъекта.

(12) *Sie lässt sich die Haare schneiden.*

‘Она стрижется’ (дословно – ‘позволяет себя стричь’).

Собственно, медиальную разновидность *sich lassen + Infinitiv* от каузативной нам позволяют отличить факторы лексико-семантического толка: если место подлежащего занимает выражающее неодушевленный предмет существительное, то о присутствии в предложении каузирующего субъекта мы можем говорить лишь постольку, поскольку возможность наступления выраженного сказуемым действия обусловлена свойствами субъекта.

Возможна интерпретация этой конструкции как ингерентного рефлексива, однако на несостоятельность подобной трактовки указывает возможность замены медия на каузативный оборот с глаголом *lassen* и недопустимость образования пассивного варианта *sich lassen + Infinitiv* [Piteroff and Alexiadou 2012: 216].

Медиальный вариант нередко относится к числу средств выражения страдательного значения в немецком языке: он рассматривается как страдательная конструкция, характеризующаяся оттенком возможности [Haspelmath 1990: 47].

Хотя одной из характерных черт канонического среднего залога является присутствие адъюнкта, который несет в себе свойственную медию семантику свойства, конструкция *sich lassen + Infinitiv* может фигурировать и в предложении без обстоятельства (13–16), хотя и следует отметить, что к разряду медиальных конструкций могут относиться и предложения вида (17), не требующие наличия подобного обстоятельства; такой точки зрения придерживаются, к примеру, Б. Примус и Дж. Швамб, отсылающие к изысканиям М. Райс [Primus & Schwamb 2006: 223].

(13) *Die Liste lässt sich fortsetzen.*

‘Список можно продолжать’.

(14) *Das Gerät lässt sich benutzen.*

‘Устройство может быть использовано’.

(15) *Darmkrebs lässt sich verhindern*

‘Рак кишки можно предотвратить’.

(16) *Das Rad dreht sich.*

‘Колесо вращается’.

Кроме того, допускается ее употребление с предложной группой с предлогом *von*, содержащей указание на агенс (16).

(17) *Die deutsche Wirtschaft lässt sich von der Krise in der Ukraine nicht verunsichern.*

‘Кризис на Украине не приводит немецкую экономику в смятение’.

5. Обсуждение

Обилие потенциальных интерпретаций как канонической формы среднего залога, так и конструкции *sich lassen + Infinitiv* во многом подтверждает точку зрения, согласно которой нет необходимости выделять средний залог как самостоятельную глагольную форму.

Вместе с тем, способность медиальных конструкций выступать в качестве синонима пассива в определенных контекстах вкупе с фактом наличия у них специфической семантики указывает на то, что подобный подход может найти применение при рассмотрении ряда проблем.

К примеру, поскольку пассив с глаголом *werden* сформировался только на исходе древненемецкого периода, а вопрос о времени превращения этой конструкции в полноценную аналитическую форму во многом носит дискуссионный характер, нам представляется заслуживающей внимания проблематика, связанная с сосуществованием причастных конструкций и среднего залога как средств выражения залоговых противопоставлений в древневерхненемецком языке и на ранних этапах развития средневерхненемецкого.

Также интерес представляет перспектива корпусного исследования медиальных конструкций, призванного не просто обнаружить, какие свойства подобные предложения могут демонстрировать, но и установить закономерности их функционирования в языке.

Мы рассматриваем подобные обороты в качестве формы немецкого глагола, а не конструкции с залоговым значением, поскольку передаваемое ими отношение актантов к предикату отлично от пассивной диатезы (оно подразумевает вовлеченность пациенса в осуществление действия, пусть и обусловленную его свойствами) и значение медиальных конструкций не может быть сведено к совокупности значения их составляющих, на что указывают отличия канонического среднего залога от других глагольных конструкций, представляющих собой сочетание местоимения *sich* с инфинитивом.

Выводы

Настоящее исследование, анализируя результаты ранее проведенных изысканий относительно среднего залога как в обще-

типологической перспективе, так и применительно к немецкому языку, обращается к вопросам классификации этого феномена.

Для медиальной морфологии в немецком языке (как и в ряде других индоевропейских языков, включая русский) характерна многозначность – она может выражать возвратное, декаузативное, автобенефактивное и ряд других значений, причем мы можем выделить и случаи ее употребления, характеризующиеся специфической семантикой, нехарактерной для других залоговых форм, – семантикой обладания определенным свойством.

Подобные конструкции представлены в немецком языке в виде сочетания личной формы глагола и глагольного оборота *sich lassen + Infinitiv*, приближенного с точки зрения синтаксиса к каузативу; *sl*-конструкцию отличает отсутствие ряда ограничений, свойственных так называемым каноническим медиальным высказываниям, однако она обладает той же семантикой и так же может выступать в качестве синонима пассива.

Литература

1. Гаврилова В. И. К вопросу о взаимодействии категорий переходности и залога (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2, 2012. С. 41–57.
2. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М.: Наука, 1964. 294 с.
3. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 744 с.
4. Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*. Почему его (почти) нет? // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 3–36.
5. Alexiadou A., Doron E. The syntactic construction of two non-active Voices: Passive and middle // Journal of linguistics. 2012. Vol. 48. No. 1. P. 1–34.
6. Barber E. Voice – beyond the passive // Berkeley Linguistics Society, 1975. Proceedings, 1. P. 16–24.
7. Haspelmath, Martin. The Grammaticalization of Passive Morphology / Studies in Language, January 1990. John Benjamin’s North America, Inc, 1990. P. 25–72.
8. Kemmer S. The middle voice. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. 311 pp.

9. Kulikov L. Voice typology // The Oxford handbook of linguistic typology / Ed. by Jae Jung Song. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 368–398.

10. Kunze J. Plain middles and lassen middles in German: Reflexive constructions and sentence perspective // Linguistics 34, 1996. P. 645–695.

11. König E. English // The Germanic languages / Ed. by E. König and J. van der Auwera. London and New York: Routledge, 1994. P. 532–565.

12. Pitteroff M., Alexiadou A. On the Properties of German sich-lassen Middles // Proceedings of the 29th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by Jaehoon Choi et al., Tucson: University of Arizona, 2012. P. 214–222.

13. Primus B., Schwamb J. Aspekte medialer und nicht-medialer Reflexivkonstruktionen im Deutschen // Grammatische Untersuchungen. Analysen und Reflexionen / Breindl E., Gunkel L., Strecker B. (Hg.). Tübingen: Narr, 2006. S. 223–239.

14. Steinbach M. Middle Voice: A comparative study in the syntax-semantics interface of German. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. 352 pp.

15. Thráinsson H. Icelandic // The Germanic languages / Ed. by E. König and J. van der Auwera. London and New York: Routledge, 1994. P. 142–189.

Резюме

В статье рассматриваются немецкие медиальные обороты, к которым автор относит не только сочетание глагола с возвратным местоимением *sich*, но и конструкцию *sich lassen + Infinitiv*, сопоставляемую с каноническим немецким медием. Внимание уделяется преимущественно синтаксическим различиям, таким как способность предиката сочетаться с агентивной именной группой. Цель статьи – найти ответ на вопрос о наличии у немецких среднезалоговых конструкций специфического значения, не идентичного какой-либо иной семантике, ассоциируемой с медиальной морфологией, а также уместности рассмотрения немецкого среднего залога как самостоятельной залоговой формы. В свете многозначности понятия «средний залог» рассматриваются распространенные представления о сущности данного грамматического явления и приводятся примеры медиальных конструкций и форм, существующих в некоторых других индоевропейских

языках, в том числе – других языках германской группы. Анализируются перспективы дальнейшего изучения среднего залога в немецком языке в плане как синхронии, так и диахронии. Для иллюстрации выводов автора используется аутентичный языковой материал, отобранный с помощью корпуса немецкого языка DeReKo.

Ключевые слова: средний залог, медиальная морфология, медиопассив, декаузатив, пассив, семантика модальности, рефлексив, ингерентный рефлексив

ON THE ISSUE OF THE GERMAN MIDDLE VOICE AS AN INDEPENDENT VOICE FORM

Sokolov Aleksandr Sergeevitch
postgraduate student, Institute of Linguistics RAS
(Moscow)
Ratven10@yandex.ru

Summary

The paper deals with the German middle voice constructions; the author considers not just the combination of a finite verb and the reflexive pronoun *sich* but also the *sich lassen + Infinitiv* verbal construction which is contrasted to the more canonical German middle sentences. The author mostly takes into account their syntactic differences, such as the *sich lassen* middles being capable of accommodating an agent phrase. The paper's goal is to answer the question of whether the German middles have a unique meaning that cannot be reduced to that of any other constructions derived from the middle morphology; it also concerns validity of analysing the middle as an independent voice form. Due to the ambiguity of the term "middle voice" common views regarding the nature of that grammatical phenomenon and a number of examples from other European languages (including other Germanic languages) are brought into focus. Further perspectives of middle voice study, both synchronic and diachronic, are elaborated upon. The author's conclusions are examined through illustrative examples found via the DeReKo corpus of German language.

Keywords: middle voice, middle morphology, mediopassive, anticausative, passive, modal meaning, reflexive, inherent reflexive

References

1. Alexiadou A., Doron E. The syntactic construction of two non-active Voices: Passive and middle // Journal of linguistics. 2012. Vol. 48. No. 1. P. 1–34.
2. Barber E. Voice – beyond the passive // Berkeley Linguistics Society, 1975. Proceedings, 1. P. 16–24.
3. Dobrovol'skij D. O. Besedy o nemetskom slove. [Conversations on the German word.] Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. 744 p.
4. Gavrilova V. I. K voprosu o vzaimodejstvii kategorij perehodnosti i zaloga (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Towards the Question of Interaction between the Categories of Transitivity and Voice (as illustrated by materials from Russian and English)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology] № 2, 2012. P. 41–57.
5. Gukhman M. M. Razvitie zalogovyh protivopostavlenij v germanskih jazykah [Development of the voice oppositions in Germanic languages]. Moscow: "Nauka", 1964. 294 pp.
6. Haspelmath, Martin. The Grammaticalization of Passive Morphology // Studies in Language. Vol. 14. No. 1. John Benjamin's North America, Inc, 1990. P. 25–72.
7. Kemmer S. The middle voice. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. 311 pp.
8. Kulikov L. Voice typology // The Oxford handbook of linguistic typology / Ed. by Jae Jung Song. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 368–398.
9. Kunze J. Plain middles and lassen middles in German: Reflexive constructions and sentence perspective // Linguistics 34, 1996. P. 645–695.
10. König E. English // The Germanic languages / Ed. by E. König and J. van der Auwera. London and New York: Routledge, 1994. P. 532–565.
11. Pitteroff M., Alexiadou A. On the Properties of German sich-lassen Middles // Proceedings of the 29th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by Jaehoon Choi et al., Tucson: University of Arizona, 2012. P. 214–222.
12. Primus B., Schwamb J. Aspekte medialer und nicht-medialer Reflexivkonstruktionen im Deutschen // Grammatische Untersuchungen. Analysen und Reflexionen / Breindl E., Gunkel L., Strecker B. (Hg.). Tübingen: Narr, 2006. S. 223–239.

13. Steinbach M. Middle Voice: A comparative study in the syntax-semantics interface of German. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. 352 pp.

14. Thráinsson H. Icelandic // The Germanic languages / Ed. by E. König and J. van der Auwera. London and New York: Routledge, 1994. P. 142–189.

15. Zel'dovich G. M. Sinteticheskij passiv sovershennogo vida na *sja*. Pochemu ego (pochti) net? [Russian synthetic perfective passive in *sja*: why is it (almost) absent?] // Voprosy Jazykoznanija [Journal of Linguistics]. №2, 2010. P. 3–36.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ ОТРИЦАНИИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕЗУМПТИВНЫХ ИМЕН (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА)

Фесенко Вера Павловна
преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
НИУ ВШЭ (Москва)
verun4ik_18@mail.ru

1. Введение

Представляемое корпусное исследование связано с проблемой выбора падежа объекта при отрицании. В русском языке в состоянии вариативности находятся родительный и винительный падежи в отрицательной конструкции с объектом при переходном глаголе (например, *не вижу березу* / *не вижу березы*), в которой выбор падежа зависит от ряда семантических факторов, в том числе от определенности / неопределенности объекта. «Употребление вин. п. со знач. определенного объекта создает противопоставление “вин. п. для выражения определенного объекта – род. п. для выражения неопределенного объекта”: *Он не получил письмо* (определенное, известное) – *Он не получил письма* (неопределенного, какого-либо)» [Русская грамматика 1980: 418].

Однако в начале XIX в. распространены примеры с родительным падежом определенных объектов в соответствии с требованиями грамматической нормы: «…Если оное [действие. – *В. Ф.*] выражается съ отрицанiемъ, то сей падежъ замѣняется родительнымъ; напримѣръ: …не люблю ссоры» [Греч 1827: 269]. Это значит, что при выборе падежа носители языка должны были ориентироваться только на синтаксическую конструкцию: если в конструкции «переходный глагол + прямой объект в винительном падеже» перед глаголом появляется отрицание *не*, винительный падеж объекта заменяется на родительный.

Предлагаемое исследование имело целью ответить на вопрос, в какой период и в какой мере фактор определенности влиял на выбор падежа объекта при переходном глаголе с отрицанием.

2. Материал исследования

В качестве материала исследования были выбраны отрицательные конструкции с переходным глаголом и зависящим от него прямым объектом, представленным существительным – термином родства по женской линии. Такой выбор объекта исследования обусловлен следующими соображениями.

Термины родства – это презумптивная лексика. Согласно С. А. Крылову, «значение “определенности” у имен типа *муж*, *жена*, *теща*, *свекровь* и т. п. связано <…> с “презумпцией условной единственности”, состоящей в том, что если существует хотя бы один объект, подводимый под данную категорию, то не существует никакого другого объекта, который можно было бы подвести под ту же категорию» [Крылов 1984: 250]. Следовательно, презумптивная лексика относит преимущественно к определенному денотату, известному как адресанту, так и адресату, и существующему в определенной точке времени и пространства. Если в конструкциях с отрицанием употребление терминов родства в винительном падеже окажется высокочастотным, тогда можно будет говорить об определенности / неопределенности объекта как факторе, определяющем выбор падежа.

Во избежание омонимии падежей в выборку были включены только термины родства женского рода единственного числа: у слов мужского рода омонимичны родительный и винительный падежи обеих числовых парадигм (*не вижу отца*); у слов женского рода омонимичны родительный и винительный падежи множественного числа (*не вижу сестер*).

Поиск примеров проводился по Национальному корпусу русского языка в основном корпусе (1800–2017 гг.) по формуле «не + V_{tran} + $S_{(gen/acc)}$». Всего было собрано 1404 примера. Первый пример в основном корпусе относится к 1755 г., потому отсчет будет начат с этого времени.

В собранной выборке оказались примеры трех типов:

1) *Он решил* ***не волновать мать***.

2) *Сиротам* ***не заменит родную мать***.

3) *Человек, который* ***не любит мать****, не достоин уважения*.

В примерах первого типа объект относится к конкретному денотату, известному субъекту предложения и находящемуся в определенной точке времени и пространства по отношению к субъекту.

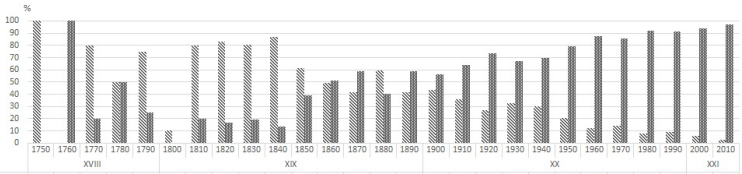
Объекты в примерах второго типа относятся к единичному денотату, который существует где-то в мире, но неизвестен субъекту предложения, не привязан к точке во времени и пространстве по отношению к субъекту.

В третьей группе примеров объект не относится к конкретному денотату и функционирует в обобщенном времени.

Примеры второй и третьей групп, условно говоря, менее определенные, поэтому из основного исследования они были исключены. Изложенные далее выводы основаны на примерах первой группы.

3. Изменение доли винительного падежа в 1750–2017 гг.

На графике (рис. 1) отражено соотношение родительного и винительного падежей с середины XVIII века до 2017 года.



	1750	1760	1770	1780	1790	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
	XVIII					XIX										XX										XXI	
Родительный	100,0	0,00	80,00	50,00	75,00	10,00	80,00	83,33	80,77	86,67	61,11	48,94	41,38	59,46	41,30	43,64	35,90	26,76	32,93	30,23	20,69	12,50	14,44	7,78	8,93	6,10	2,70
Винительный	0,00	100,0	20,00	50,00	25,00	0,00	20,00	16,67	19,23	13,33	38,89	51,06	58,62	40,54	58,70	56,36	64,10	73,24	67,07	69,77	79,31	87,50	85,56	92,22	91,07	93,90	97,30

Рисунок 1. Изменение доли винительного падежа в XVIII–XXI вв.

Как видно на графике, до конца XVIII в. лидирует то родительный, то винительный падеж (о XVIII в. мы говорим условно, так как примеров, относящихся к этому периоду, слишком мало – всего 17). Говорить о категории определенности возможно только по отношению к слову *жена*, остальные слова чаще стоят в родительном падеже, хотя универсального правила нет.

Данные XIX в. более показательны: за этот период найдено 283 примера с определенным объектом (общее число примеров – 336). Начиная с конца XVIII в. заметно лидерство родительного падежа, которое сохраняется до середины XIX в. – до 1850-х гг. В 1860-х годах ситуация меняется, доля употреблений винительного падежа начинает расти. В конце века доля примеров с терминами родства в винительном падеже составляет уже почти 59%, а в родительном – только 41%. Разница в 17,4% не слишком велика, однако уже видна намечающаяся тенденция: винительный па-

деж доминирует над родительным при оформлении объектов, указывающих на определенный денотат.

В XX в. (720 примеров с определенным объектом из 812) наметившаяся тенденция развивается: на графике видно, что процент винительного падежа определенных объектов – терминов родства – неуклонно растет. Число примеров с терминами родства в винительном падеже более чем в два раза превышает число примеров с теми же терминами родства в родительном падеже (на 58%). Тенденция оказывается равномерной: в первой половине века разница между числом примеров с родительным и с винительным падежами составляла 34%, во второй половине она составляет уже 76%.

В начале XX в. происходит временный «сбой» в тенденции: в группах с определенными объектами в 1920-х гг. наблюдается резкое возрастание доли винительного падежа, а в 1930–1940-х небольшое «проседание», но уже в следующее десятилетие соотношение выравнивается. Так, винительный падеж объектов *мать, дочь, сестра* в 1930-е гг. снижается до 50% (в 1920-е его доля составляла 75–87%), а существительные *бабушка, золовка, мачеха, невеста, племянница, тётя, тётушка* такое «проседание» продемонстрировали в 1940-е гг. Найти объяснение этой закономерности пока представляется затруднительным.

В XXI в., до 2017 г. (к этому периоду в выборке относится 221 пример, из них – 201 пример с определенным объектом), винительный падеж почти полностью замещает родительный, его доля составляет 94,5%. Условием для появления родительного падежа, согласно данным этого периода, являются частицы *ни… ни…* и глагол *иметь*. Сегодня можно с уверенностью говорить о влиянии семантики на выбор падежа при отрицании.

Таким образом, выделены следующие этапы в истории соотношения родительного и винительного падежей:

1. **1750–1790 гг.** – попеременное лидерство падежей (об этом периоде говорим условно за малым числом примеров);

2. **1790–1840 гг.** – доминирование родительного падежа, ориентирование носителей языка на синтаксическую конструкцию предложения;

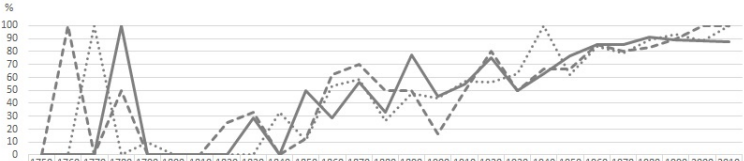
3. **1850–1900 гг.** – «сближение» падежей;

4. **1910–2010 гг.** – рост доли и доминирование винительного падежа.

4. Изменение доли винительного падежа в разных группах терминов родства

Не все существительные из нашей выборки ведут себя одинаково. Все термины родства при отрицании образуют две группы.

Первую группу (рис. 2) составляют существительные *мать*, *дочь*, *жена* и другие слова с единичным вхождением.



	1750	1760	1770	1780	1790	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
	XVIII					XIX										XX										XXI	
Мать	0,00	0,00	0,00	100,	0,00	0,00	0,00	0,00	28,5	0,00	50,0	28,5	56,2	33,3	77,7	45,4	54,5	75,0	50,0	63,1	76,9	85,7	85,7	91,3	88,8	88,0	87,5
Дочь	0,00	100,	0,00	50,0	0,00	0,00	0,00	25,0	33,3	0,00	12,5	62,5	70,0	50,0	50,0	16,6	50,0	80,0	50,0	66,6	66,6	85,7	80,0	83,3	90,0	100,	100,
Жена	0,00	0,00	100,	0,00	10,0	0,00	0,00	0,00	0,00	33,3	11,1	53,3	58,8	26,6	47,3	43,7	57,1	56,0	63,1	100,	62,5	84,2	78,9	88,8	93,3	88,6	100,

Рисунок 2. Изменение доли винительного падежа слов *мать*, *дочь*, *жена* в XVIII–XXI вв.

В конце XVIII в. они встречаются то в винительном, то в родительном падеже (чаще в родительном).

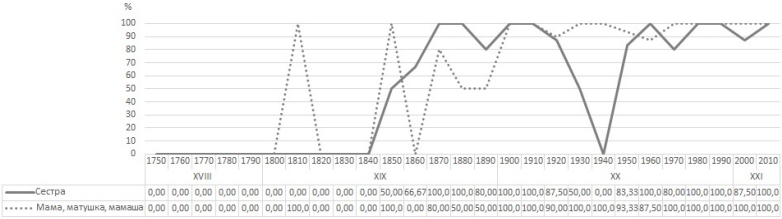
В первой половине XIX в. доля винительного падежа у этих существительных почти равна нулю. С середины века начинается конкуренция с постоянным возрастанием доли винительного падежа.

В начале XX века тенденция продолжается, доля винительного падежа постепенно возрастает. Во второй половине XX века видно уже полное доминирование винительного падежа.

Надо заметить, что это та же динамика, что была описана в главе 3 для терминов родства в целом: *мать*, *дочь*, *жена* составляют большинство примеров и влияют на общую картину.

У **второй группы** (рис. 3), которую составляют слова *мама*, *матушка*, *мамаша*, несколько другая тенденция. Это эмоционально окрашенные термины родства: ласкательные или с оттенком пренебрежения. Для них конкуренция падежей началась, как и у всех имен, в середине XIX века, а вот ее длительность был намного короче: уже в 1870–1890-х гг. можно говорить о доминировании винительного падежа. Вероятно, это связано с эмоциональной окрашенностью существительных: мы используем окрашенное слово по отношению к тому, к кому чувствуем эмоцию, а относиться эмоционально мы можем лишь к объекту определенному, существующему в нашем сознании. Следовательно,

определенность у существительных этой группы выше, чем у других терминов родства.



Риунок 3. Изменение доли винительного падежа слов *мама*, *матушка*, *мамаша* и *сестра* в XVIII–XXI вв.

Удивительно, что такой же тенденции следует слово *сестра*. У него тоже со второй половины XIX века отмечается преобладание винительного падежа, которое началось даже немного раньше – в 1860-е гг. Далее постоянно, не считая «проседания» в 1940-х гг., винительный преобладает. Если такое сильное преобладание винительного падежа у слов *мама*, *матушка* и *мамаша* легко объяснить эмоциональной окрашенностью, то объяснение этой тенденции для слова *сестра* затруднительно.

5. Итоги исследования

Таким образом, видна динамика употребления винительного падежа. В его развитии можно выделить следующие этапы (рис. 4).

1) **До начала XIX века включительно (до 1840-х гг.)** – доминирование родительного падежа. Это объясняется следованием грамматике – Греча [Греч 1834], Барсова [Барсов 1981], Академической грамматике 1802 года [Российская грамматика 1819]. В этот период можно говорить о значимости синтаксического фактора.

2) **С середины XIX века и примерно до его конца** падежи конкурируют. Чем обусловлен этот отход от требований грамматики? М. В. Русакова в корпусном исследовании отрицательных конструкций (не только с презумптивной лексикой) [Русакова 2013] выдвигает предположение, что в этот период становится больше пишущих людей, в литературу приходят разночинцы, для которых грамматика уже не так авторитетна, как для А. С. Пушкина. В этот период в письменную речь начинают проникать элементы, которые, вероятно, существовали и в разговорной речи,

однако на основании данных корпуса письменных текстов об этом с уверенностью сказать нельзя.

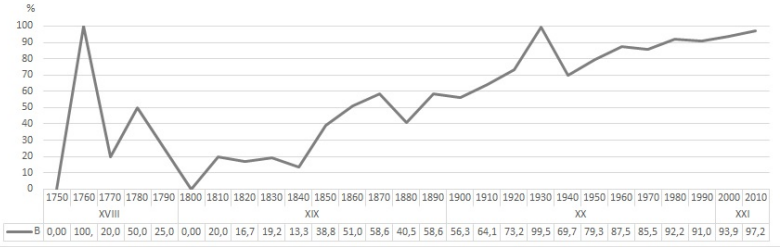


Рисунок4. Усредненная динамика изменения доли винительного падежа терминов родства в XVIII–XXI вв.

3) **С XX века** происходит нарастание доли винительного падежа, и к современному этапу винительный в маркировании презумптивной лексики можно считать практически единственным падежом. Новая грамматика уже не требует обязательной замены падежа, а только описывает контексты, в которых тот или иной падеж предпочтителен. В этот период на первый план выходят семантические факторы.

Таким образом, при выборе падежа терминов родства при переходном глаголе с отрицанием смена синтаксического фактора на семантический, вероятно, сопровождалась действием внешних факторов: ориентированием или неориентированием пишущих людей на требования грамматики. Как только зависимость от грамматической нормы снизилась, в действие вступили семантические факторы. Точно можно сказать, что в первой половине XX века эти факторы уже действовали, а начали действовать, вероятно, примерно в середине XIX века.

Непрезумптивная лексика, исследовавшаяся М. В. Русаковой [Русакова 2013], следует примерно этой же тенденции. Но в презумптивной лексике динамика выражена ярче, доминирование винительного падежа наступает раньше и достигает больших процентов в XXI веке.

Литература

1. Барсов А. А. Российская грамматика / подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

2. Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб., 1834. 266 с.

3. Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы (1984) // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 244–271.

4. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Санктпетербургъ: Типографія Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, 1827. 588 с.

5. Российская грамматика. СПб.: Императорская Российская Академия, 1819. 273 с.

6. Русакова М. В. Аккузатив vs. генитив в конструкциях с отрицанием: динамика взаимоотношений на историческом отрезке, отраженном текстами в НКРЯ // Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 324–353.

7. Русская грамматика: в 2 тт. / Академия наук СССР, Институт русского языка. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

Резюме

Представляемое исследование связано с проблемой выбора падежа объекта при отрицании. Объектом исследования являются отрицательные конструкции с переходным глаголом и зависящим от него объектом в винительном / родительном падеже, представленном термином родства. Цель исследования – определить, в какой исторический момент на выбор падежа начал влиять фактор определенности / неопределенности объекта. Для этого был собран и количественно проанализирован материал из Национального корпуса русского языка. Согласно собранным данным, учитывать семантические факторы, а именно определенность объекта, носители языка начинают с середины XIX в., тогда как до этого периода важна была только синтаксическая конструкция.

Ключевые слова: отрицание, выбор падежа, винительный падеж, термины родства

ACCUSATIVE CASE UNDER NEGATION AND DEFINITIVENESS OF PRESUMPTIVE NAMES (THE CASE OF KINSHIP TERMS)

Fesenko Vera
teacher, Higher School of Economics (Moscow)
verun4ik_18@mail.ru

Summary

The study deals with the problem of choosing the object case marking in the negative construction. Negative constructions with a transitive verb and a direct object represented by the kinship term in the accusative / genitive case are the object of research. The purpose of the study is to determine the historical moment when the object definitiveness / indefinitiveness became the determining factor in the choice of the case. In order to study this problem, material from the Russian National Corpus was collected and quantitatively analyzed. According to the collected data, native speakers began to take into account semantic factors, namely, the definitiveness of the object, from the middle of the XIX century. Whereas, before that the syntax of the negative construction was the crucial factor in the choice of the object case marking.

Keywords: negation, case choice, accusative case, kinship terms

References

1. Barsov A. A. Rossijskaya grammatika / podgotovka teksta i tekstologicheskij kommentarij M. P. Tobolovoj; pod red. i s predisl. B. A. Uspenskogo. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. 776 p.
2. Grech N. Prakticheskaya russkaya grammatika. SPb., 1834. 266 p.
3. Krylov S. A. Determinaciya imeni v russkom yazyke: teoreticheskie problemy (1984) // Semiotika i informatika. 1997. Vol. 35. S. 244–271.
4. Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem" Grechem". Sanktpeterburg": Tipografiya Imperatorskago Sanktpeterburgskago Vospitatel'nago Doma, 1827. 588 p.
5. Rossijskaya grammatika. SPb.: Imperatorskaya Rossijskaya Akademiya, 1819. 273 p.

6. Rusakova M. V. Akkuzativ vs. genitiv v konstrukciyah s otricaniem: dinamika vzaimootnoshenij na istoricheskom otrezke, otrazhennom tekstami v NKRYA // Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2013. Pp. 324–353.

7. Russkaya grammatika: v 2 tt. / Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka. T. 2. Sintaksis. M.: Nauka, 1980. 710 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

Антошина Д. В. (Москва)
Понятие «импликация» и его аналоги в лексической семантике: опыт терминологического исследования 4
Ардышева С. М. (Санкт-Петербург)
Адъективные дериваты притяжательных местоимений третьего лица в украинском и белорусском языках.....19
Вилинбахова Е. Л. (Санкт-Петербург),
Серова М. А. (Санкт-Петербург), *Борисова О. С.* (Москва)
Тавтологии в переводных текстах 37
Власова Е. А. (Санкт-Петербург)
Средненижненемецкие диалектные особенности (на материале псалма 21 из молитвенников ф. 955 оп. 2 № 51 и ф. 956 нем.о.i №96, Российская национальная библиотека) 54
Дзанголи Дж. (Форли)
Лексикализация компонентов движения в итальянском и русском языках (в аспекте соотношения «сателлитов»).....67
Дурыманова А. Д. (Москва) Предикативные функции существительных с предметным значением в языке памятников древнекитайского периода.....90
Зеленский Д. М. (Москва)
О неэкономности теории оптимальности.....104
Леонтьева Т. А. (Санкт-Петербург)
Конкуренция аналитических и синтетических способов образования суперлатива в восточнославянских языках: корпусное исследование 113
Лещенко О. А. (Москва)
Языковая политика, языковое планирование и языковые меньшинства в Киргизии 130
Пучкова А. И. (Санкт-Петербург)
Обозначение точного часового времени в языках Европы: к вопросу об универсалиях 142
Русских А. А. (Санкт-Петербург)
Квантификаторы со значением полного охвата в славянских языках: кодирование дискретных множеств и недискретных совокупностей.....156

Скачедубова М. В. (Москва)
К вопросу об интерпретации -*л*-формы в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций, в ранних русских летописях.....175
Соколов А. С. (Москва)
К вопросу о среднем залоге в немецком языке как самостоятельной глагольной форме 188
Фесенко В. П. (Москва)
Винительный падеж при отрицании и определенность презумптивных имен (на примере терминов родства).....202

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Седьмой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(11–13 апреля 2019 г.)

Сборник издается в авторской редакции

Подготовка спуска полос – издательство «Канцлер»
Подписано в печать 16.12.2019 Формат 64х90/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ № 24357

Отпечатано с предоставленных оригинал-макетов
в типографии ИД «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Полушкина роща, д.16 стр.66-а.